

ОГОНЁК

№ 49 ДЕКАБРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Здравствуйте, Маруся Виноградова!

СТАНЦИЯ «МАЛЬЧИКИ» — начало повести Юрия Яковлева.

За монастырской стеной — фельетон.

Человек, оседлавший акулу.

1

2

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 49 (1746)

4 ДЕКАБРЯ 1960

38-й год издания

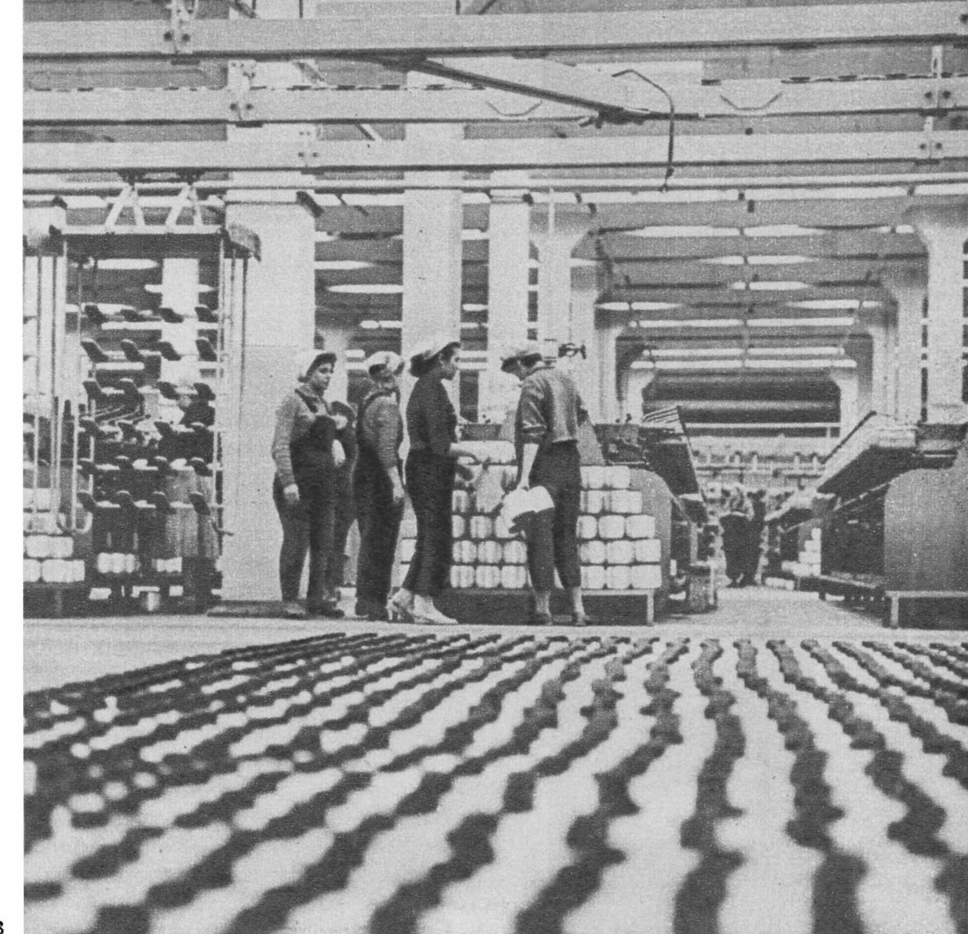
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Барнаул — столица Алтая. Здесь по планам семилетки размахнулось грандиозное строительство предприятия химической промышленности — завод искусственного и синтетического волокна.

Уже производится вискозный корд, успевший завоевать себе добрую славу. Введен в строй «Большой капрон» — гигантский корпус нового производства со всеми подсобными помещениями и хозяйствами.

Многие десятки миллионов квадратных метров кордной ткани для автопокрышек созданы в этом ткацком цехе на химическом предприятии в Барнауле.

ШАЯ

3

Н а с н и м к а х:

1. Под этой мощной железобетонной конструкцией разместится цех штапельного волокна.

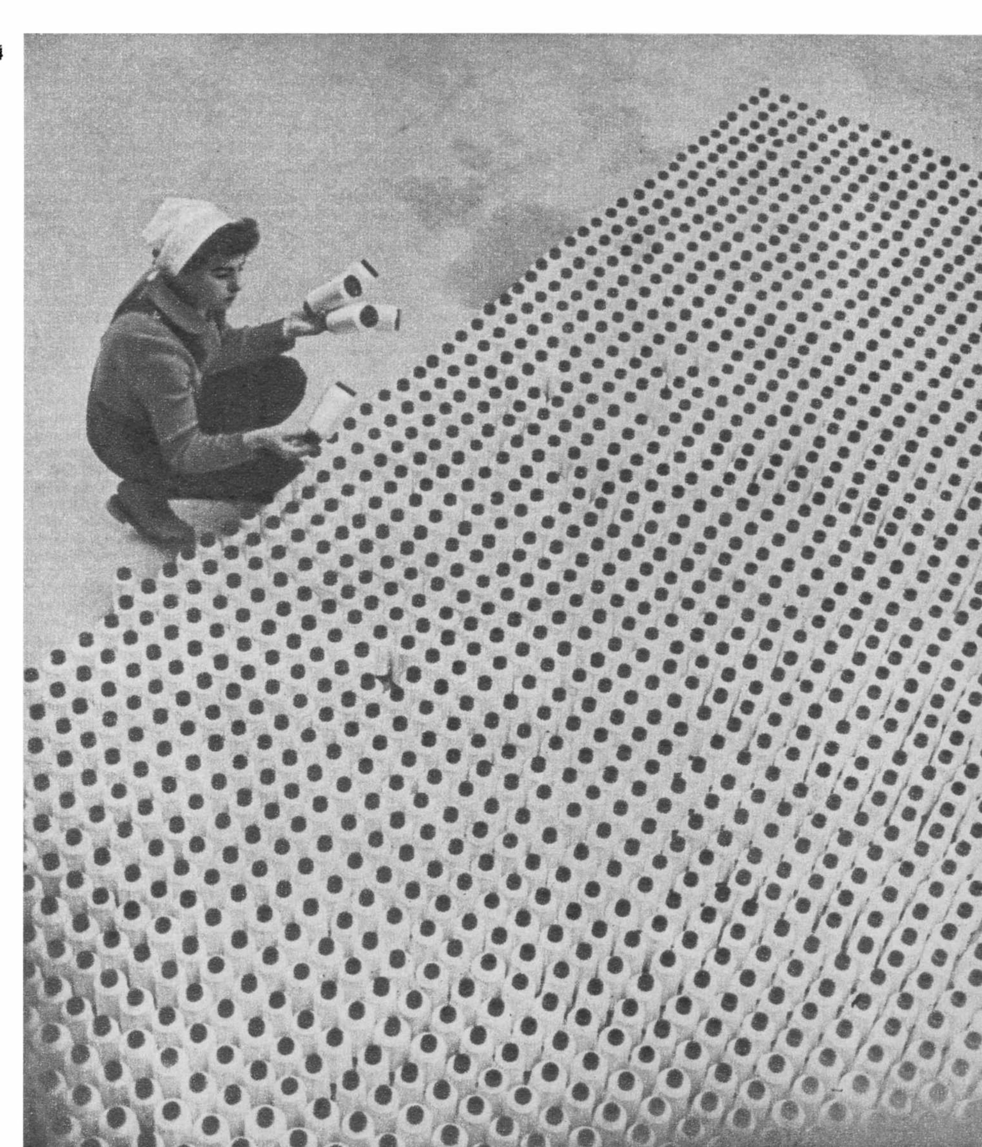
2. Уралец Александр Патришев приехал в Барнаул после возвращения из армии. Получив специальность электросварщика, он возводил цеха «Большого капрона». Работы хватит!

3. Крутильный цех. Эти девушки недавно получили профессию крутильщиц в специальной школе при заводе. Многие рабочие «Большого капрона» продолжают повышать свое образование. Нынешней осенью восемьдесят юношей и девушек поступили на вечернее отделение химико-технологического техникума.

4. Первая продукция готова! Ее дал основной цех нового химического комплекса.

Фото Ю. Абрамочкина.

4

И Я

НОВЫЙ РЫВОК В КОСМОС

СООБЩЕНИЕ ТАСС

В соответствии с планом научно-исследовательских работ 1 декабря 1960 года в Советском Союзе осуществлен запуск третьего космического корабля на орбиту спутника Земли.

Для выполнения медико-биологических исследований в условиях космического полета в кабине корабля-спутника находятся подопытные животные — собаки с кличками «Пчелка» и «Мушка». В кабине также находятся другие животные, насекомые и растения.

Наблюдение за подопытными животными производится при помощи радиотелевизионной аппаратуры и телеметрических систем, передающих на Землю объективные физиологические показатели, характеризующие состояние животных.

С помощью научно-измерительной аппаратуры, находящейся на корабле-спутнике, предусмотрено проведение ряда научных исследований по физике космического пространства.

Вес третьего советского корабля-спутника без последней ступени ракеты-носителя составляет 4 563 килограмма. Его движение происходит по эллиптической орбите. По полученным предварительным данным, начальный период обращения корабля-спутника по орбите равен 88,6 минуты, высоты перигея и апогея орбиты составляют примерно 187,3 и 265 километров соответственно. Наклонение орбиты к плоскости экватора 65 градусов.

На корабле-спутнике установлен радиопередатчик «Сигнал», работающий на частоте 19,995 мегагерца в режиме телеграфных посылок переменной длительности.

Питание бортовой аппаратуры электроэнергией производится от химических и солнечных источников тока.

Согласно имеющимся предварительным данным, вся находящаяся на корабле-спутнике аппаратура работает нормально.

Наземные радиотехнические станции ведут регулярные наблюдения за третьим советским кораблем-спутником.

Четвероногие астронавты

Врач-экспериментатор ведет нас в светлую комнату. Здесь находятся животные, которые помогают человеку прокладывать путь в космос. Над одной из клеток прибита медная дощечка с надписью: «Здесь помещалась собака Лайка, первая совершившая полет вокруг нашей планеты на спутнике Земли 3 ноября 1957 г.»

Три года назад этот смелый эксперимент дал в руки советских ученых очень ценные данные для новых шагов в космическое пространство. Опыты с животными, предшествующие полету человека, успешно продолжаются. Мы подходим к клетке, в которой живут две путешественницы, побывавшие ранее в космосе.

— Это Альфа и Бета, — указывает врач на белых крыс. — В компании с двумя белыми мышами они участвовали в экспериментальном полете. В этом полете изучались рефлексы животных на положение тела в условиях невесомости. Ведь пока еще нет достаточных данных, позволяющих судить о состоянии физиологических функций и деятельности организма в таких необычных условиях. Некоторые опыты в этом направлении проводились как у нас, так и за границей. Они вызвали у ученых разноречивые мнения. Одни считают, что при невесомости координация движения животных не нарушается. Другие исследователи придерживаются иного мнения. Известно, что кошка падает всегда на ноги. Это так называемый «рефлекс выпрямления». Так вот, в условиях невесомости рефлекс «выпрямления» у кошки сначала замедлялся, а через двадцать секунд исчезал совсем.

← Кинограмма: первая секунда невесомости.

— А с людьми подобные опыты проводились?

— Да. За границей аналогичные эксперименты проводились. Проверялась координация движений руки летчика во время пикирования, когда создавался эффект невесомости. Летчик должен был на листе бумаги чертить крестики по диагонали от левого верхнего угла к правому нижнему. С открытыми глазами он ставил крестики неаккуратно, но выдерживал общее правильное направление. С закрытыми же глазами после третьего креста движение отклонялось вверх на 90 градусов.

— Чем это объяснить?

— Предполагается, что это происходит от непривычной обстановки. Ведь двигаясь в земных условиях, человек привык, поднимая, например, руку, преодолевать ее тяжесть. В условиях невесомости он прикладывает те же усилия, и они оказываются излишними: координация движения нарушается. Очевидно, человеку потребуется какое-то время, чтобы приобрести новые навыки движений в условиях невесомости. Это подтверждают и опыты. Так, например, один летчик выполнял тридцать пикирующих полетов, сопровождавшихся воздействиями невесомости. Неудобство и напряженность он испытал только в первых пяти полетах.

— А как же проходил эксперимент с крысами и мышами?

— При полете они подвергались семикратным перегрузкам, а состояние невесомости продолжалось 9 минут. Подопытные животные помещались вот здесь. — Врач показывает нам прозрачный контейнер, сделанный из плексигласа. — В одном таком контейнере сидели крысы, в другом — мыши. Контейнеры помещались в герметической кабине, в которой были созданы необходимые для жизни условия. Киноаппарат автоматически фотографировал поведение животных.

— Как животные вели себя в полете? — повторяет вопрос наш собеседник. — Это вы сейчас сами увидите.

Врач ведет нас в просмотровый кинозал. Свет меркнет, и на экране мы видим подопытных животных. Они спокойно бегают, грызут сухари, пьют кофе из укрепленного на дне контейнера блюдечка. Но вот их движения замедляются, становятся скованными. Ракета начала полет.

Перегрузка возрастает. Животные, передвигаясь, широко расставляют лапы, туловища их прогибаются, головы опускаются ко дну контейнера. Потом сила перегрузки плотно прижимает четвероногих космонавтов к полу. Они лежат неподвижные, распластанные, будто окаменевшие. Вдруг мыши, крысы, словно пробки со дна бутылки, всплывают в воздух и... стремительно кувыркаются через голову, крутятся, как волчки. Кофе из блюдечка поднимается коричневым шаром, тоже плавает в воздухе.

— Почему животные вращаются и кувыркаются?

— Оторвавшись от пола, они стали двигать лапами, хвостами, которые в условиях невесомости превратились в своеобразные рычаги.

На экране мы видим, что животные в условиях невесомости ведут себя по-разному. Крыса Альфа сначала вращалась с быстротой два оборота в секунду. Но через некоторое время скорость ее движения стала уменьшаться. Бета с самого начала совершала более плавные и медленные движения вокруг своей оси. На двенадцатой секунде она вращалась со скоростью уже только пол-оборота в секунду. Ну, а мыши крутились и кувыркались с большой скоростью все время, пока они были невесомы.

— Чем объяснить разницу в поведении животных?

— Видимо, их различной способностью приспосабливаться к состоянию невесомости, индивидуальной чувствительностью их центральных нервных аппаратов к отсутствию силы тяжести. В начале воздействия невесомости животные не могут сохранить даже относительно устойчивого положения своего тела в пространстве. Но это продолжается сравнительно недолго, и животные приспосабливаются к условиям невесомости. Таковы данные, полученные от этого эксперимента в космосе.

А. ГОЛИКОВ,
И. СМИРНОВ

Животные в состоянии невесомости.

ПИСЬМО В. И. ЛЕНИНА

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС проводит большую работу над изданием нового собрания Сочинений Владимира Ильича. Это 5-е издание в нашей стране. В него будут включены новые документы В. И. Ленина, в том числе обнаруженные и в этом году, когда во всем мире широко отмечается 90-летие со дня рождения Ильича.

Документы Ленина обнаруживают иногда совершенно неожиданно. В 1949 году работники научной библиотеки Московского государственного университета случайно нашли в одной из книг личной библиотеки А. Граната, приобретенной университетом в 1942 году, 4 подлинника писем В. И. Ленина, написанных в 1914 году секретарю издательства «Гранат». Владимир Ильич готовил тогда для энциклопедического словаря статью «Карл Маркс».

В конце 90-х годов прошлого века Владимир Ильич переписывался с П. П. Масловым. При ремонте потолка в доме Масловых в деревне Масловка, Челябинской области, были найдены письма Ленина.

Но некоторые ленинские документы до сих пор не разысканы. Мы расскажем о последнем из обнаруженных ленинских документов — о письме Ленина рабочим Донбасса.

Это письмо считалось утраченным, хотя о нем было известно больше, чем о многих других ленинских документах. Но само письмо найдено не было и не вошло поэтому ни в одно из изданий собрания Сочинений В. И. Ленина и ни в один из Ленинских сборников. О письме Ильича помнят донецкие шахтеры, которым оно было адресовано. О нем писал в 1932 году в своих воспоминаниях И. И. Межлаук. Александр Бек написал рассказ, который так и называется — «Письмо Ленина».

Один из нас, Ф. К. Межлаук, проанализировал все это и пришел к выводу, что письмо может быть найдено в донецких изданиях тех лет. Эта мысль привела его в библиотеку.

...Второй этаж Библиотеки имени В. И. Ленина — это царство каталогов. К нему примыкает другое, не менее могущественное, — залы ЦСА — Центрального справочного аппарата Ленинской библиотеки.

Определить, какие издания выходили в Енакиеве в 1921 году, помогает прекрасно ориентирующаяся во всех этих справочных богатствах библиограф Инесса Самарец. И вот уже лежит на столе номер журнала рабочих Енакиева — «Вестник рабочего правления. Двухнедельный политический, экономический, популярно-научный, технический и агитационно-производственный орган Раб. Правления Петровских Государств. Заводов и Рудников» — Июль, 1921 года. № 9—10 (12—13). Журнал этот, изданный очень небольшим тиражом, давно стал библиографической редкостью. Первый взгляд на оглавление: письма Ленина нет...

Но журнал очень интересный, и медленно, внимательно листаешь его.

Просмотрены десятки страниц. И вдруг в середине 49-й страницы бросаются в глаза напечатанные жирным шрифтом слова: «Приветственное письмо т. Ленина...» Опять смотришь содержание — эта страница приходится на III отдел: «Рабочая и профессиональная жизнь. У горняков. Стр. 38—57. — Отчеты заседаний и общих собраний».

И снова возвращаешься к 49-й странице.

«...тов. Ленин просмотрел показательные диаграммы добычи угля за 1914 г. и 1921 г. апреля м-ца, показанные ему тов. Межлауком, из которых выяснил, что производительность забойщика в Петровском кусте за апрель м-ц 1921 г. выразилась на 3 п. больше на каждого забойщика в упряжку, против царского капиталистического режима 1914 г., за что тов. Ленин в присутствии тов. Межлаука собственноручно написал т.т. шахтерам Петровского куста благодарственное письмо, как единственным героям Донбасса, сделавшим первыми переработку или, как сказал т. Межлаук, давшие три очка вперед капиталистическому строю, — следующего содержания:

Приветственное письмо т. Ленина

к горнякам Петровского куста

25-го мая 1921 г. Товарищам горнякам Петровского куста. Товарищ Межлаук передал мне о большом успехе Вашей работы за апрель м-ц 1921 года, на забойщика по 294 пуда при 291 п. в 1914 г. Шлю товарищам горнякам поздравление с редким большим успехом и самое лучшее приветствие. С такой работой мы все трудности преодолеем и электрифицируем Донбасс и Криворожский район, а в этом все.

С коммунистическим приветом: В. Ульянов (Ленин).

Рабочие с большим восторгом выслушали письмо, полученное от вождя революции В. И. Ленина, покрыв его в заключение долгими шумными аплодисментами и музыкой Интернационала...».

Так был найден текст письма. (В том случае, когда не удается найти рукопись документа, первая публикация заменяет оригинал.) Чтобы лучше представить себе обстановку тех лет, мы дадим слово Ивану Ивановичу Межлауку. В своих воспоминаниях он рассказывает о Донбассе 1921 года:

«Мне пришлось познакомиться с южной металлургией сейчас же после демобилизации с врангелевского фронта в декабре 1920 года. Война окончилась. Началась борьба за уголь и металл.

Партия назначила меня директором Петровского металлургического комбината.

В то время жизнь на заводе и на шахтах еле-еле теплилась. Из пяти доменных печей на заводе кое-как работала только самая маленькая домна, «самовар», дававшая не больше 100 тонн в сутки...

Положение было тяжелое. Кругом бродили шайки бандитов. Зачастую приходилось после дневной работы ночью с оружием в руках оборонять завод от налетов. Не случайно Реввоенсовет республики после назначения меня директором завода в Донбассе при демобилизации разрешил мне захватить из армии в Донбасс пехотный батальон. Этот батальон впоследствии вошел в состав донецкой трудовой армии.

Первая наша задача была во что бы то ни стало поднять добычу шахт с тем, чтобы коксующихся углей хватило на пуск двух доменных печей. Для этой цели было необходимо получать со всех четырех шахт 1 000 тонн угля.

Основным звеном для достижения перелома в добыче заводоуправление выбрало правильную организацию тарифной системы и ликвидацию уравниловки в заработной плате, в особенности в ее натуральной части.

...Результат последовал быстро. Добыча стала быстро подниматься. В апреле 1921 года мы одержали первую серьезную победу. Суточная производительность забойщика достигла на Петровских шахтах 294 пудов на человека в сутки. (В 1914 году в апреле месяце те же забойщики давали 291 пуд на человека в день.)

Владимир Ильич отметил этот успех горняков специальным письмом. В письме он поздравил их с победой и подчеркнул важность их работы, важность электрификации Донбасса».

Александр Бек так заканчивает свой рассказ о письме Ленина, о легендах, сложенных об этом письме: «...Поныне среди старых рабочих Донбасса живет эта легенда. Да и легенда ли это?»

Теперь можно дать ответ на этот вопрос.

Ф. МЕЖЛАУК, А. ТРОШИНА

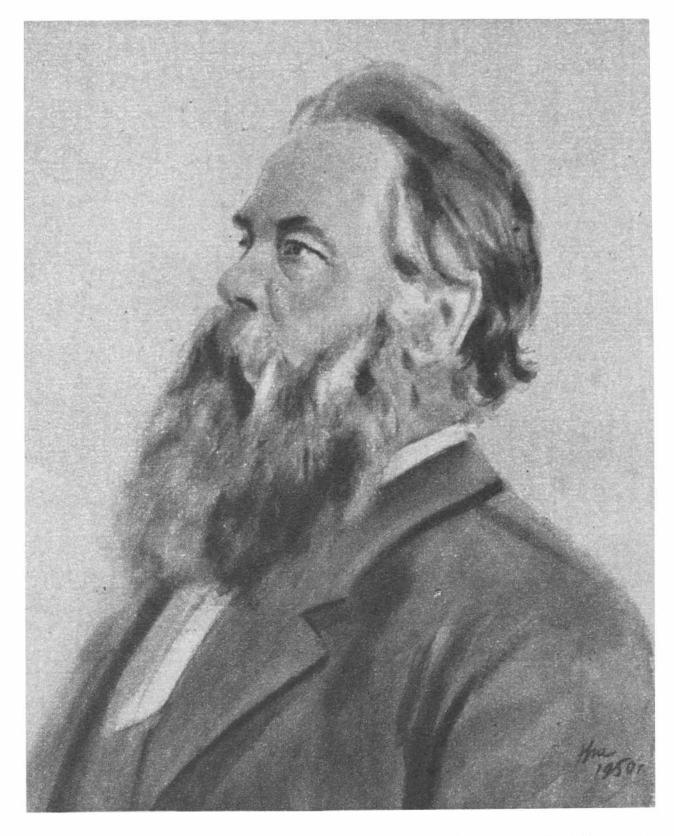

Рисунок Н. Жукова.

Трудящиеся всего мира, все прогрессивное человечество отметили 28 ноября 140-летие со дня рождения Фридриха Энгельса, верного друга и соратника Маркса, великого революционера, одного из основоположников научного коммунизма.

Фридрих Энгельс родился в Германии. Как там, на его родине, встретили юбилей славного сына немецкого народа?

Мы позвонили в Берлин и попросили директора Института марксизма-ленинизма Людвига Эйнике рассказать об этом.

Л. Эйнике сообщил, что в Германской Демократической Республике были проведены многочисленные торжественные мероприятия по случаю 140-й годовщины со дня рождения Фридриха Энгельса. В Институте марксизма-ленинизма состоялось заседание, посвященное этой знаменательной дате, во многих учебных заведениях были прочитаны доклады; научные журналы опубликовали статьи о жизни и деятельности Энгельса, о великих победах марксизма-ленинизма. Центральный орган Социалистической единой партии Германии газета «Нейес Дейчланд» выпустила специальное приложение, посвященное юбилею.

Трудящиеся ГДР, успешно строящие социализм, претворяющие в жизнь на немецкой земле великое учение Маркса — Энгельса — Ленина, сказал Л. Эйнике, свято чтут память своего великого соотечественника.

---

28 ноября в Москву по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с официальным визитом прибыл глава государства Камбоджа принц Нородом Сианук Упайювариек. В тот же день Нородом Сианук нанес визит Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву.

Фото А. Новикова.

Маруся (в центре) и Дуся Виноградовы на совещании ударников в Кремле. 1935 год.

Елена КОНОНЕНКО

Здравствуй

Мария Ивановна Виноградова... Инженер с солидным стажем. Заместитель директора крупного предприятия — Московской прядильно-ткацкой фабрики имени Фрунзе. Коммунист, государственный человек. Мать. А я вхожу в ее квартиру на Пушкинской улице и говорю, как говорила двадцать пять лет назад, придя в комнатушку на Заречной улице маленькой Вичуги:

— Здравствуйте, Маруся Виноградова!

И это звучит так:

— Здравствуй, незабываемая молодость наших первых пятилеток, здравствуй!

Мария Ивановна — ладная, со вкусом причесанная, ей весьма к лицу изящная кофточка тонкой, хорошей шерсти лимонного цвета... А я вижу Марусю в кумачовой косынке, Марусю из Вичуги, летающую, как птица, меж целой рощи ткацких станков.

Нет, пожалуй, как птица, летала ее подруга и однофамилица Дуся... Помните, гремели на весь мир в тридцатых годах имена Дуси и Маруси Виноградовых, двух воинствующих девчонок, поставивших мировой рекорд в ткацком деле? Не все уже нынче это знают, не все помнят. А мы-то, современники, сверстники ударников первых пятилеток, это хорошо знаем, потому что то была и наша юность. С корреспондентским удостоверением «Комсомолки» примчалась я тогда в Вичугу. «Ой, как ты в дороге-то пальтишко разорвала, дай-ка я тебе зашью!»— говорила, окая по-ивановски, Маруся. А потом мы с ней варили картошку и ели с наслаждением, посыпая крупной, желтоватой солью. А потом говорили, говорили до петухов...

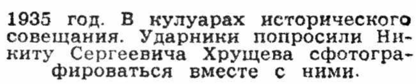
1951 год. После Промакадемии М. Виноградова пришла на фабрику имени Фрунзе. Первая встреча с родными ткацкими станками.

Да, это Дуся, по натуре невероятно живая, порывистая, озорная, легкая, летала, как птица... А у Маруси, ее сменщицы, характер был несколько другой: спокойная, крепко сколоченная, не по летам серьезная, быстрыми, твердыми, командирскими шажками передвигалась она вдоль армии своих машин. Черные брови сдвинуты. Как сейчас, вижу ее горящие, словно угольки, глаза, ее густые, чуть насупленные брови. Впрочем, глаза и теперь горят, и брови все такие же густые и вразлет. Вот она рассказывает, как фабрика имени Фрунзе борется за звание предприятия коммунистического труда, и глаза поблескивают так остро, как четверть века назад.

Мария Ивановна! Маруся!.. Как хорошо, что вы такая же — огневая, волевая и скромная, очень скромная — о себе ни слова: то о Вале Петрищевой, нынешней запевале с фабрики Фрунзе, то об организаторском таланте Софьи Павловны Леоновой, директора фабрики, выросшей из мастеров, то о смекалке передовых рабочих, а о себе ни слова...

Сидим и разглядываем старые фотографии, часть которых читатель видит сегодня на страницах журнала. За стеной Элла, дочка Марии Ивановны, студентка-медичка, играет что-то на рояле. И музыка и эти старые фотографии рождают возвышенные чувства, думы о нашей Родине, о нашей партии, о нашем времени, о том, ради чего мы живем и за что боремся. Ведь это же целая эпоха— жизненный путь Марии Виноградовой! Разве так жила Марусина мать, вичугская ткачиха Прасковья Нестеровна? Ткачи всей Вичугской округи были в кабале у фабрикантов Коноваловых. Прасковья Нестеровна таяла, как восковая свеча, в душном цехе, стекла которого были столь черны, что сквозь них не проникал свет. Потому раньше времени состарилась

1935 год. В кулуарах исторического совещания. Ударники попросили Никиту Сергеевича Хрущева сфотографироваться вместе с ними.

Михаил Иванович Калинин вручил М. Виноградовой орден Ленина.

Это питомцы детских учреждений фабрики имени Фрунзе. Мария Ивановна любит бывать среди них.

Фото Н. Петрова и Дм. Чернова.

те, Маруся Виноградова!

и умерла Прасковья Нестеровна: высосала у нее все здоровье эта собачья жизнь, работа на фабриканта. Марусе было четырнадцать лет, когда она осталась сиротой. Но это уже было при Советской власти. И в тяжкий час ее жизни ей помогли добрые наши люди.

Быть может, кто-нибудь спросит: «Зачем вы все это рассказываете? Таких биографий тысячи!» Нет, это надо рассказывать, вспоминать почаще, почаще вспоминать. В том-то и дело, что таких биографий тысячи, а прошлое отступает все дальше и дальше...

Маруся не забыла этого прошлого...

— Я была мала ростом, не могла достать до батана, чтобы завести нитку, и мне заботливо сделали подставку. До всего было дело товарищам: и сыта ли я, и постирано ли мое платье, и здорова ли я, и читаю ли я книжки... Помню, какое участие приняли в моей беде товарищи, когда мою первую получку украли у меня воры. Я сидела на дороге и плакала. Эти же воры, обокравшие меня, подошли и сказали: «Что ты ревешь, дура? Идем с нами, у тебя будет много денег». Но коллектив повел меня по другой, светлой дороге.

О ней заботились, ее учили, ей открывали глаза на жизнь. И Марусе хотелось отблагодарить свой коллектив, Советскую власть. Она старалась работать прилежнее, кропотливо изучала машины. А когда в 1928 году в Вичугу пришли автоматы, их отдали самым пытливым и энергичным ткачихам. Среди них были Дуся и Маруся Виноградовы. Сначала каждая из них работала на двенадцати станках, потом на двадцати шести, на семидесяти... На семьдесят станков встали они, когда инженеры, ездившие в Америку, рассказали, что там на некоторых фабриках есть случаи, когда один рабочий обслуживает семьдесят станков.

— Трудновато будет, у нас пока в этом смысле не Америка,— раздумчиво сказал директор фабрики.

— Беремся! Только разрешите встать на семьдесят,— сказала Маруся.

— А мы цех подготовим, воскресники устроим,— просили хором комсомольцы.

И Виноградовы стали успешно работать на семидесяти станках... Когда в Донбассе был установлен мировой рекорд добычи угля, они смело вытребовали сто станков. Потом сто сорок четыре. Потом двести с лишним, и даже пришлось ломать, раздвигать стены цеха, чтобы поместить новые автоматы.

— За нами поднялись многие ткачихи и в Вичуге и в других городах. И вообще это было такое горячее время: по всему Советскому Союзу пошло соревнование — кто за уголь, кто за металл... И вот мы с Дусей почувствовали в себе необыкновенные силы. Нам говорят: «Девчонки, вы с ума сошли!» А мы говорим: «Нет, не сошли, вот глядите — наши расчеты, наш маршрут». Народу понаехало к нам в Вичугу — ученые, инженеры, рабочие, корреспонденты!..

Их вызвали в Москву, в Кремль, на совещание рабочих — вожаков соревнования, лучших ударников. Наградили орденами Ленина. Орден вручил Марусе Михаил Иванович Калинин. Говорил с ней, как с дочкой.

— Мы были потрясены наградой, вниманием, очень переживали. Но все-таки мы были ужасно смешные тогда. Помню, приняли мы, дрожа от радости и волнения, ордена, а приколоть не решались, потому что на нас кофточки новые... В ту пору трудно было с одеждой, и мы очень берегли свои кофточки. Вот подходит к нам Никита Сергеевич Хрущев и спрашивает, весело посмеиваясь: «Девчата, что это вы в кулаке зажали?» Мы смутились, признались, что боимся проколоть кофточки, вот, мол, придем в гостиницу и посоветуемся, как это лучше сделать. «Дети вы еще»,— сказал Никита Сергеевич и так по-свойски улыбнулся, что сразу на душе стало легко, и мы, не долго думая, прокололи свои кофточки.

А потом девчат отправили учиться в Промакадемию легкой промышленности. Ох, как трудно было учиться Марусе! Труднее, чем управлять двумя сотнями машин. Это был настоящий штурм науки. Но ей помогали, крепко помогали, не давали падать духом. Промакадемия. Партийная школа. Депутат Верховного Совета РСФСР. Так вели ее по жизни, и так прошла она путь от ученицы ткачихи до заместителя директора крупного предприятия.

...Вхожу в кабинет Марии Ивановны Виноградовой. Трезвонят сразу два телефона.

— Жаворонки? Да, да, это я, Виноградова. Это ты, Аня? Аня! Все в порядке: завтра к вам выезжают плотники. Я постараюсь тоже. Все, Аня. Точка.

Ох, и голосистая же она, Мария Ивановна!..

— Виноградова слушает! — кричит она в другую трубку.— Так. Хорошо. Ясно. Идите. Точка.

— Это рабочие, которые в колхоз на картошку ездили,— объясняет она мне.— А в Жаворонках детский сад строим. У нас трое яслей и два детских сада. Мало, мало. Вот еще детский комбинат построим. Важное для нас дело.

Пока я сидела в кабинете Виноградовой, без конца звонили люди, хлопали двери: кто по поводу деталей, кто о сырье, кто о транспорте, кто со своей личной бедой.

А потом она повела меня по цехам и весело кричала в ухо:

— Вот когда полностью введем передвижные узлы, ликвидируем ручной труд... Красота, а?

Или:

— Хотим автоматизировать съем початков... Здорово?

— Смотрите, конвейер! Мы установим пять тысяч метров разных конвейеров для транспортировки угаров, пряжи, суровья... Красиво? Человеку-то какое облегчение! И вентиляционные камеры тоже полностью автоматизированы!..

Весело было шагать по цехам и особенно по огромному новому ткацкому цеху, где так много простора, света и воздуха. Когда Мария Ивановна переступила порог прядильной и очутилась возле ткацких автоматов, она вся преобразилась: лицо стало еще моложе, походка быстрее, глаза заблестели. Где что-то поправит, где что-то поднимет, и все это молниеносно, ловко, с удовольствием. Я залюбовалась Марией Виноградовой. Она перехватила взгляд, усмехнулась и крикнула в ухо:

— Люблю, грешным делом, ткацкую! Люблю!

И вновь я увидела Марусю в кумачовой косынке.

— А как ткут, не забыли?

— Эх! — Она столь укоризненно взглянула на меня, что я готова была провалиться сквозь пол от смущения.

Ткачихи так и гудели, как молодые пчелки:

— Здравствуйте, Мария Ивановна!

Мария улыбалась им в ответ.

— Это девчата из бригад коммунистического труда. И все учатся. У нас на фабрике каждый четвертый учится, а мы хотим, чтобы каждый третий... И все есть для этого, только учись: и школа рабочей молодежи, и техникум, и филиал текстильного института. Мы боремся за звание фабрики коммунистического труда. И Вичуга моя родная, между прочим, тоже...

Маруся Виноградова сверкает темными глазами и ласково смотрит на молодых ткачих, на тех, кому передала она эстафету своей молодости.

МИР, А НЕ МЕЧ!

Г. ГУРКОВ

«Мы построили систему военных сооружений, раскинувшуюся по всему миру. Последние события принуждают нас еще раз дать о ку ее пригодности». Эти строки вышли из-под пера известного американского военного обозревателя Хэнсона Болдуина.

Что беспокоит маститого барда политики «холодной войны»? Оказывается, его приводит в уныние могучее движение народов за разоружение, за мир.

Тысячи лет нашу планету увечили войны. Сначала их орудием были примитивные лук и стрелы. На смену пришли ружья и пушки, танки и самолеты. Магистры науки уничтожения — гитлеровские головорезы — пополнили военный лексикон словами «Бухенвальд» и «Орадур», глаголом «ковентрирен», что означает стирать с лица земли целые населенные пункты, как это было сделано с английским городом Ковентри. Страшным заключительным аккордом второй мировой войны прогремели атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

Четыре с половиной века назад лорд-канцлер Английского королевства, ученый и гуманист Томас Мор мечтал об обществе, в котором все — и народ и правительство — «сильно гнушаются войною, как деянием поистине зверским». Утопия — нереальное, несуществующее место — так назвал Мор фантастический остров, где создано такое общество. Мог ли подобный остров появиться на карте феодального или капиталистического мира?

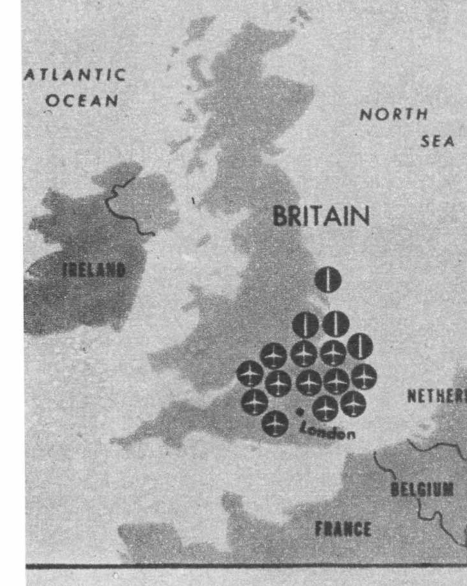
Сорок три года назад родилось новое государство, отличавшееся от всех, которые существовали прежде. Оно сделало борьбу за мир содержанием и смыслом своей внешней политики.

Было время, когда голос Советской страны, звавшей к миру, к разоружению, звучал одиноко. Сегодня к нему присоединяются голоса социалистических государств, нейтральных стран, голоса простых людей всей планеты.

«Правительство СССР считает своей важнейшей задачей избавить народы от угрозы войны и тяжкого бремени гонки вооружений. Этого можно достичь путем осуществления всеобщего и полного разоружения под строгим международным контролем»,— заявил глава Советского правительства Н. С. Хрущев, отвечая на вопросы редакции газеты «Правда».

Благородная идея всеобщего и полного разоружения воодушевляет народные массы во всех уголках земного шара. «Нет — ядерной смерти»,— заявили участники проходившего недавно в Дании марша-протеста против атомного оружия. За полное разоружение и ликвидацию американских баз выступили участники многотысячной демонстрации в Токио. «Исландский народ и иностранные войска не могут дальше существовать совместно в стране!» — эти слова звучали на общенациональном митинге в Тингвалле, традиционном месте народных собраний исландцев.

Однако враги разоружения, апостолы политики «с позиции силы», не унимаются. Печать Соединенных Штатов забита сообщениями о новых программах строительства бомбардировщиков, подводных лодок, ракет, о новых базах на чужих территориях. Взгляните на карту, которую мы публикуем. На ней обозначены американские ракетные и военно-воздушные базы в Англии. Карта была помещена в одном из последних номеров журнала «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Увы, полиграфия отстает от политики. За время, пока этот журнал дошел до подписчика, английское правительство

U.S. NEWS & WORLD REPORT, Oct. 24, 1960

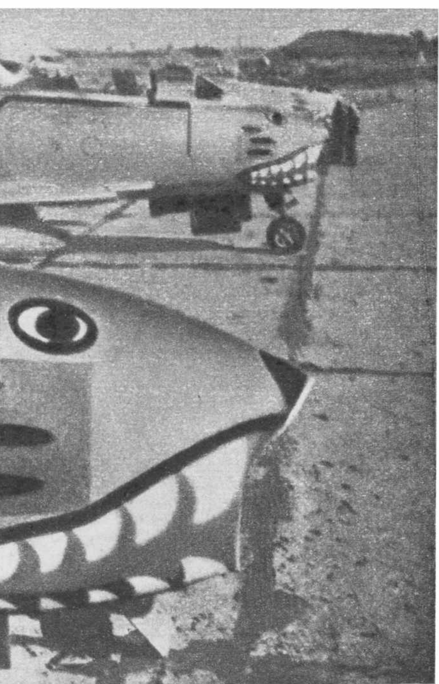

успело заключить с Соединенными Штатами соглашение о создании в Шотландии, на реке Клайд, американской военно-морской базы для подводных лодок, оснащенных ракетами «Поларис» с ядерной боеголовкой.

Волна гнева и возмущения прокатилась по Британским островам. «Актом предательства» назвал решение правительства известный философ и политический деятель лорд Рассел. Против создания американской атомной базы выступили городской совет Клайдбанка и видный церковный деятель Шотландии д-р Джордж Маклеод, профсоюзы Глазго и группа лейбористских членов парламента. «Бурные протесты против планов создания базы подводных лодок, оснащенных ракетами «Поларис»,— писала с редкой для американской прессы трезвостью газета «Нью-Йорк пост»,— должны напомнить нам о том, что самая настоятельная проблема, которая встанет перед будущим президентом, заключается не в том, где следует разместить наши ядерные подводные лодки, а в том, как доставить их мирно домой...»

Люди вздохнут спокойно, если американские солдаты, американские бомбардировщики и ракеты отправятся восвояси. И не только с Британских, но и с других островов и континентов.

Вы видите эти причудливо раскрашенные самолеты? Они изготовлены в Соединенных Штатах. Летают на них обученные американскими инструкторами чанкайшистские воздушные пираты. Те самые, что совершают бандитские налеты на прибрежные города и села народного Китая, а потом улепетывают на Тайвань, под защиту пушек американского 7-го флота.

Вот другой, внешне безобидный снимок. Мальчишка из Западной Германии, которого сфотографировал репортер журнала «Мюнхнер иллюстрирте», упоен новой игрушкой — установкой для запуска ракет. Подобными игрушками завалены магазины Федеративной республики. «Наша молодежь должна воспитываться в антимилитаристском духе, а фабриканты игрушек, не стесняясь, выпускают танки и другие военные штучки. Почему они делают это?» — с тревогой писал в редакцию журнала простой человек и отец Эдуард Фромме из Везеля. Ему ответил Ганс Биллер, президент Союза немецкой промышленности игрушек. «Как известно,— авторитетно разъяснил г-н президент,— ребенок охотно играет предметами, которые он видит в жизни. Поэтому дети хотят играть танками, пушками и так далее — ведь все это они каждый день наблюдают вокруг себя».

Да, западногерманские дети видят у себя в стране все больше самолетов, пушек, ракет, все больше солдат — иностранных и своих, отечественных. Одновременно в боннской республике возрождается дух воинствующего пруссачества. Солдат, беспощадный и жестокий, готовый, не рассуждая, выполнить любое приказание, снова превращен в кумира молодежи. Об этом заботятся сотни милитаристских организаций, выпускающих кипы подстрекательской литературы, устраивающих сборища, на которых недобитые эсэсовцы орут о реванше.

В Бонне любят играть в войну. И не столько дети, сколько взрослые. Человек с сигарой, получающий в подарок игрушечный танк,— это министр обороны ФРГ Франц Иозеф Штраус. В первые послевоенные годы он позволял себе побаловаться пацифистской фразой. «Пусть отсохнут руки у того, кто опять возьмет оружие»,— разглагольствовал тогда герр министр. А сегодня? Сегодня он требует для Западной Германии военных баз во всех частях света, требует оружия — обычного и атомного. «Так же, как легионы Цезаря не смогли бы сдержать танковых дивизий Роммеля, бундесвер без тактического многоцелевого оружия, расположенного вдоль железного занавеса, не смог бы оказать устрашающего воздействия на Советские Вооруженные Силы»,— писал недавно Штраус в бюллетене «Политиш-социале корреспонденц». И вот грохочут по немецкой земле танки с черными крестами на башнях — настоящие, не игрушечные.

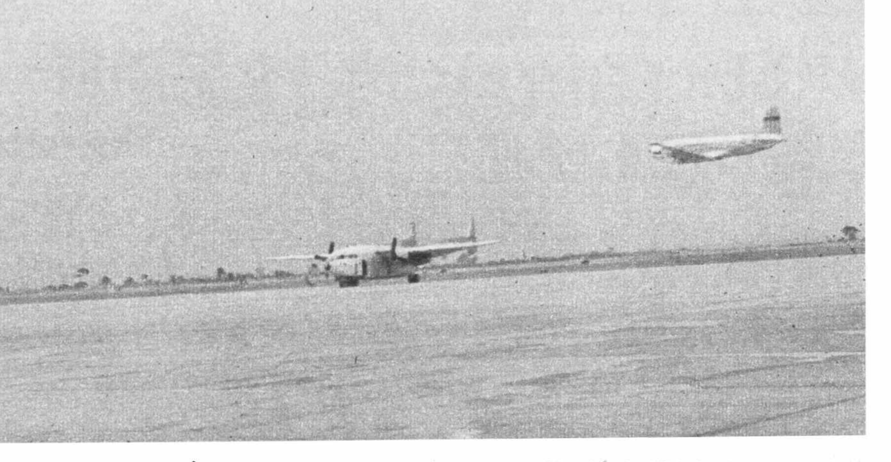
Боннский министр и его заокеанские коллеги, по-видимому, забыли, что «устрашать» советский народ во все времена было делом весьма неблагодарным и крайне опасным. А сейчас особенно. Мощь Советского Союза, всех социалистических государств велика, как никогда. Любая империалистическая агрессия означала бы самоубийство для агрессора.

С этим не хотят считаться некоторые горячие головы, но это хорошо понимают народы. Не о подготовке к войне, не об атомных бомбах и снарядах думают сегодня те, кто пашет и строит, кто приводит в движение станки и проникает в тайны космоса.

Война оставила на земле тяжкие раны. Лечить их можно только миром, только разоружением. Чудовищная паутина гонки вооружений, паутина ядерного безумия будет разорвана в клочья рукой народов.

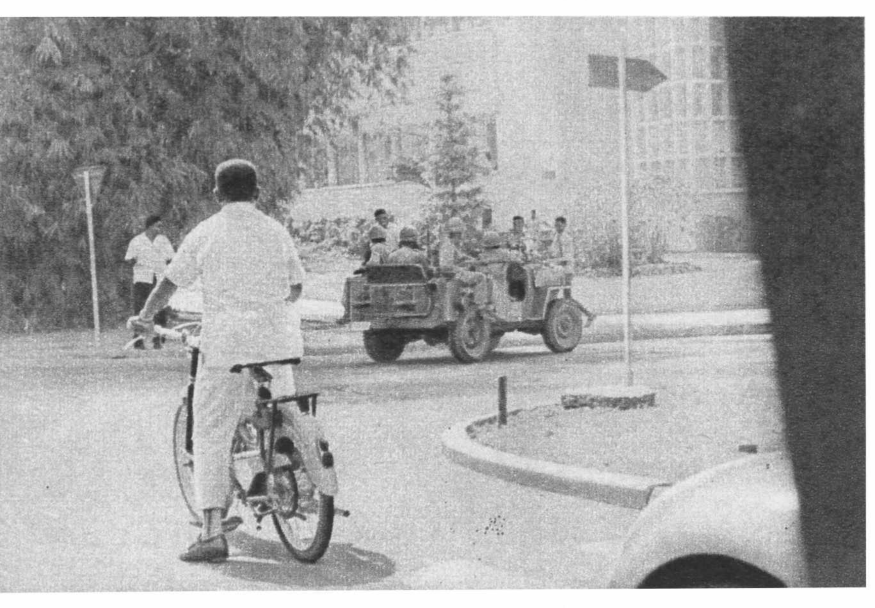
Во имя этого поднимаются на борьбу миролюбивые силы. Во имя этого вышел на улицы западногерманского города Эссена человек, которого вы видите на снимке. За его спиной — плакат со словами: «Война — наш враг, поэтому — всеобщее разоружение и мирный договор».

Он и миллионы других выстрадали право на мир без оружия, мир без войн. Кто смеет отказывать им в этом?!

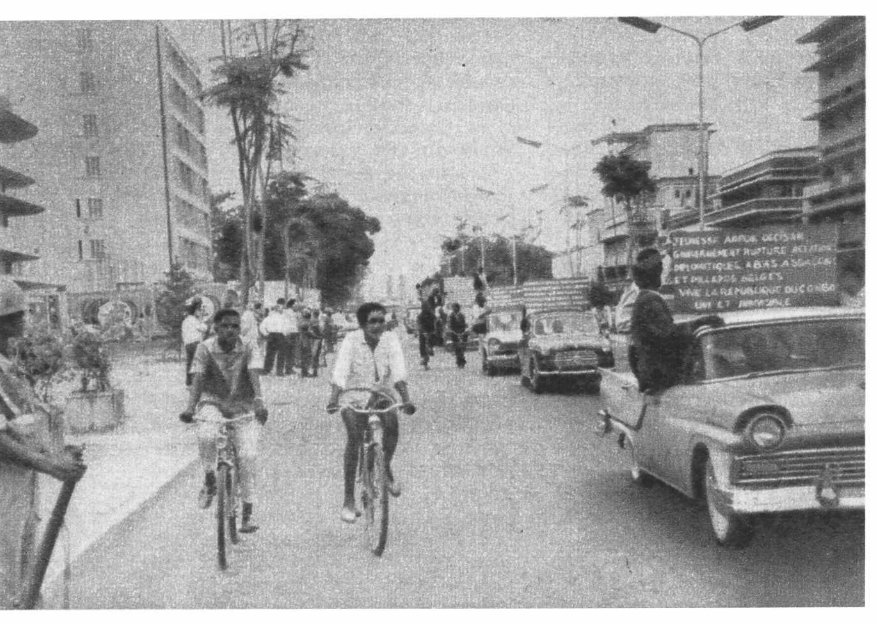
Американские военно-транспортные самолеты то и дело приземляются в аэропорту около Леопольдвиля.

КОНГО

Так выглядит одна из улиц конголезской столицы — проспект Альберта, по которому курсируют вооруженные «джипы» мятежного полковника Мобуту.

МИНУЕТ

Манифестация на улицах Леопольдвиля против действий колонизаторов, в поддержку законного правительства Патриса Лумумбы.

ПОРОГИ

Порой у меня складывалось впечатление, что население Леопольдвиля состоит только из двух категорий: приезжих европейцев и... безработных конголезцев. Первые разъезжают на лимузинах, вторые бродят толпами босиком. Они останавливают военнослужащих и гражданских чиновников ООН, предлагают:

— Патрон, возьмите меня! Я прачка, лучшая прачка в районе...

— Мсье, я умею готовить первое по-брюссельски, мясное попарижски и португальское турнедо.

— Нанимаюсь в няньки, сэр. Ах, вы без семьи! Тогда возьмите меня в охранники. Время тревожное, господин. Со мной вы будете в безопасности...

Два неудержных потока, два кнута, стегающих молодую республику за экватором: рост числа бельгийцев в столице и катастрофический рост безработицы. Как ее рассосать? Этим и занималось правительство молодой республики в те дни, когда мне, советскому журналисту, довелось побывать в Конго. Патрис Лумумба, как обычно, в середине дня находился в своем рабочем кабинете на улице Липпенс. Вместе с экспертами он обсуждал вопрос, какие общественные работы следует начать завтра же, чтобы вот эти люди, обступившие правительственное здание, не сидели здесь сутками, не жгли ночами костры из пальмовых листьев...

В настоящее время в Конго наметилось довольно своеобразное троевластие, означающее, по существу, отсутствие какой-либо прочной власти. Все декреты, распоряжения, указания исходят из трех инстанций: от законного правительства Патриса Лумумбы, от командования войсками ООН в Республике Конго и от группировки Касавубу — Илео — Мобуту. Но и это еще не все, и этим не исчерпывается невообразимый разнобой в политической жизни. Чтобы во всей полноте представить картину вавилонского столпотворения, надо иметь в виду бурную активность сепаратистского правительства в Катанге, бандитствующих мятежников Калонжи, деятельность нового претендента на нечто среднее между постом президента и премьер-министра Жана Боликанго, дипломатические пируэты министра иностранных дел Бомбоко и акробатический взлет на гребень мутной волны реакции свежеиспеченного полковника Жозефа Мобуту.

Даже если прожить в Леопольдвиле одни сутки, то и они дадут обилие самой разнообразной информации, начиная с официальных заявлений и кончая католическим нашептыванием о высадке где-то в джунглях советской танковой дивизии или о польском пароходе, который якобы доставил сюда вооружение и как-то ухитряется скрываться в водах великой реки Конго.

Каждый день, каждый час ситуация меняется, и общая политическая напряженность еще более возрастает. Ранним утром спешишь в аэропорт, чтобы наблюдать объявленный захват его конголезскими войсками. Когда же приезжаешь на место, то видишь, как обычно, канадских специалистов, обслуживающих аэродром Джилли, смотришь на патрули ооновских солдат и не заметишь ни одного конголезского бойца.

А пока вы ездили в Джилли, что в 22 километрах от Леопольдвиля, в столице новые известия: вот-вот должно начаться чрезвычайное заседание сената и палаты представителей. Мчишься ко Дворцу наций, где обычно собирается конголезский парламент. Но и здесь вас ждет горькое разочарование. Между пальмами, кустами бугенвилли и высокими манговыми деревьями, роняющими на асфальт свои нежные плоды, застыли охранники, высланные сюда Касавубу и полковником Мобуту. Солдаты примкнули штыки к винтовкам, открыли патронные сумки, а впереди себя поставили ручные пулеметы. Во Дворец наций никому нет доступа!

Клокочет событиями провинция. Там, в деревнях, разбросанных по саваннам и джунглям, объявляются свои Калонжи и Мобуту. Ввергнута в пучину междоусобной племенной вражды Кассаи, знаменитая своими алмазными россыпями. Аманд Чинкула, мэр города Лулуабурга, административного центра провинции Кассаи, говорил мне:

— Вожди племен были обмануты и спровоцированы на кровавую резню специальными представителями Бельгии. При отходе из провинции бельгийское командование роздало боевое оружие враждующим племенам. Во главе многих вооруженных отрядов, делающих бандитские налеты на деревни и города, стоят бельгийские офицеры.

...На одном из относов левого берега Конго громоздится памятник Генри Мортону Стэнли. Он воздел руку к небу и грозит Браззавилю, Франции, с представителями которой некогда встретился он на этом самом месте. Теперь этот угрожающий жест воспринимается как приглашение старого колонизатора прийти на помощь застрявшей в Конго Бельгии. В ночное время уличный фонарь, поставленный около самой воды,— там, где, по преданию, кончалась старинная караванная тропинка,— освещает не только этот кусочек конголезской земли, воскрешающий в памяти страничку легендарного, ушедшего в сказку, но и ящики с военными грузами, бельгийских солдат, весьма подозрительных этаких бравых «гражданских специалистов», пачками прибывающих в Леопольдвиль со стороны Браззавиля.

Республика Конго оказалась в прочном кольце, заново выкованном агрессорами для того, чтобы задушить эту независимую страну. Положение усугубляется и тем, что внутренние национальные возможности для отпора западным захватчикам весьма ограничены. В стадии становления находится буквально все: лишь начала формироваться, заявив о себе на международной арене, независимая внешняя политика, только что начала создаваться конголезская армия, лишь намечались, разрабатывались планы экономического возрождения. А в это время Брюссель создает в республике шпионские гнезда, бросает огромные суммы на подкуп конголезских деятелей — от журналистов, пишущих благодарственные статьи о Бельгии, до отдельных сенаторов и членов правительства. Сотни пассажиров сходят с бортов бельгийских самолетов в аэропортах республики, не имея никаких виз!

В сентябре заокеанские колонизаторы и их местные конголезские подпевалы начали прямую атаку против законного правительства Республики Конго. Когда же не удалось отстранить Лумумбу в Леопольдвиле, Касавубу метнулся в Соединенные Штаты!

А человек, которого сотню раз свергали, несколько раз арестовывали, против которого организовывали заговоры,— этот человек не устает выступать с призывами к единству, к сплоченности, к совместной борьбе с проклятым колониализмом! О нем английский бюллетень «Форин рипорт» писал: «Лумумба отличается упорством в работе, храбр и располагает к себе. Его сила в том, что он является единственным подлинным националистом, конголезским лидером, выступающим против сохранения строя по племенному и региональному признаку. Очевидно, Лумумба — единственный политический деятель в Конго, обладающий необходимыми качествами для того, чтобы превратить Конго в унитарное государство».

Любопытно, что ведущие американские газеты, поставив крест на всех так называемых «сильных личностях в Конго», пророчат неминуемую победу Патрису Лумумбе.

Да, рано или поздно победителем в Конго выйдет конголезский народ, каждый шаг которого по пути независимости обильно окроплен кровью. Конго пробивается к светлому будущему сквозь трагедийные дни, недели, месяцы. Тяжела борьба, и длинен путь. Но он один-единственный. Идя по нему, Конго минует все пороги.

Минует!

Н. ХОХЛОВ

Фото автора.

Леопольдвиль — Москва.

Екатерина Алексеевна ФУРЦЕВА. К пятидесятилетию со дня рождения.

Фото Г. Вайля.

До солнца подниматься белым горам!

Хамид ГУЛЯМ

В эти дни в моей республике и стар и млад превращаются в счетоводов. Даже поэты становятся неплохими экономистами. Каждый занят подсчетом сданного за день хлопка.

По вечерам у телевизоров люди ждут начала «Последних известий». Их волнует вечерняя сводка сдачи хлопка. Вчера впереди была Хорезмская область. А сегодня? И сегодня она не уступила первого места. Молодцы!

Проходит еще несколько дней, и слава о Хорезме уже гремит по стране.

«Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров СССР с большим удовлетворением отмечают, что труженики сельского хозяйства Хорезмской области Узбекской ССР успешно выполнили план заготовок хлопка-сырца».

Эти слова привета из Москвы радуют всех людей республики. И не только радуют! Труженики Хорезмской области решили к предстоящему пленуму ЦК КПСС собрать без потерь весь урожай хлопка и продать сверх плана государству еще 40 тысяч тонн хлопка-сырца.

Рапорты побед хлопкоробов в эти дни поступают в столицу моей республики из Ферганы и Кара-Калпакии, Андижанской и Ташкентской, Самаркандской и Сурхан-Дарьинской областей. Рядом с цифрами — имена героев. Среди них много девушек, тех, кто последовал примеру Турсуной Ахуновой. На всю область прославилась механик-водитель Этибархом Набиева из колхоза «Ленинград»: она выгрузила из бункера своей машины 200 тонн «белого золота». Тракторно-полеводческая бригада, которой руководит депутат Верховного Совета Узбекской ССР Умриниса Хаитова, ставит рекорд — 55 центнеров с гектара.

В эти дни тучи на небе отражаются на лицах, в глазах людей и даже на душе. Небо ясное — и на душе светло, и в глазах радость, а на лице улыбка.

По вечерам люди смотрят на горизонт. Если он лучезарен,— значит, утро наступит ясное. Если запад заволокли тучи,— утром жди дождя. А знаете, что значит в эту пору однодневный дождь для Узбекистана? Он стоит хлопкоробу по крайней мере 60 тысяч тонн «белого золота». Ведь такое количество хлопка равно норме однодневной продажи хлопка государству.

Идет большая, всенародная трудовая битва за хлопок. На поля этой битвы брошено много техники. Бункера тысяч комбайнов глотают золотое содержимое миллионов коробочек. В этом году машинами на полях республики убрано небывалое количество хлопка. Из бункеров уборочных агрегатов выгружено 420 тысяч тонн «белого золота». Чтобы собрать такое количество руками, потребовалась бы упорная работа в течение всего сезона 250 тысяч сборщиков.

Даже в такой высокоурожайной области, как Андижанская, где до последнего времени не очень-то доверяли хлопкоуборочной машине, сотни юношей и девушек смело и умело повели свои комбайны на поля. Истинной поэзией овеяна эта новая техника, полюбившаяся народу. Будущее хлопководства за ней!

...В народе есть хорошее напутствие в труде: «Не уставайте, друзья!»

И в эти жаркие дни завершения сбора урожая хлопка мы скажем от всей души мужественным хлопкоробам:

— Не уставайте, друзья!

Горы хлопка выросли на заготовительном пункте в колхозе имени Сталина, Избаскентского района, Андижанской области. С помощью мощных транспортеров хлопок укладывают в бункера.

Фото Я. Рюмкина.

Хива — город древний...

НА ДРЕВНЕЙ ЗЕМЛЕ ХОРЕЗМА

А. СОФРОНОВ

Фото Дм. Бальтерманца.

Говорят, что воспоминания детства бывают наиболее прочными. Сейчас я уже не скажу, из каких книг или учебников запала в мою память история Хивинского государства, со столицею Хивой, расположенной где-то очень далеко, за пределами мыслимых и достижимых в детстве расстояний.

Не раз бывая в Узбекистане, любуясь прекрасной землей, плодородными долинами, древними городами с изумительно сохранившимися памятниками старины и богатейшей историей замечательного народа, я все же никогда еще и мысленно не добирался до хорезмских земель. Так бывает в жизни: что-то мешает человеку встретиться с тем, к чему его всегда тянуло. Впрочем, в нашей жизни сейчас все значительно проще и яснее. Слетает романтика детских впечатлений, ее место занимает новая, ни с чем не сравнимая романтика.

Так было и на этот раз, когда, наблюдая из окна самолета красно-черные пески Хорезма, многорукую Аму-Дарью, непонятную и своенравную реку, приносящую людям немало неприятностей и до настоящего времени, мы подлетали к столице Хорезмской области городу Ургенчу. Очень хотелось увидеть, как собирается «белое золото» в трудный год, выпавший на долю Узбекистана, год, когда не хватало тепла для этого капризного и нежного растения, дающего одежду людям.

Нам много рассказывали о новом, двухрядном комбайне для уборки хлопка, и его нам хотелось посмотреть в работе. Следует оговориться. Хорезмская область в этом году в Узбеки-

Секретарь райкома Х.Рахимов (слева) и директор музея С.Юсупов.

Искусны и чутки руки у Гульчихры Маткаримовой, создательницы прекрасных ковров.

стане совсем неожиданно для всех вышла по сбору хлопка на первое место. Впрочем, неожиданно ли? Иногда так кажется лишь тем, кто не следит за глубинными процессами, происходящими ежедневно и ежечасно во всех сферах нашей жизни. Уже в Ургенче мы узнали, что ахиллесовой пятой Хорезмской области было орошение. Но на партийную работу в область пришли люди, для которых орошение в хлопковых районах было основной заповедью. Без крика и шума, по-деловому они мобилизовали партийную организацию области, всех колхозников и специалистов на создание интенсивной оросительной системы. Результаты не замедлили сказаться. Хорезмская область — северная в Узбекистане — никогда не блистала урожаями Ферганской долины или Самаркандской области. Но в этот сравнительно прохладный для Узбекистана год Хорезм вдруг вышел на первую линию, и все поняли: догнать Хорезм уже невозможно.

В Ургенче мы встречались с партийными работниками, очень скромными людьми, преданными своему делу. Именно они и посоветовали нам: «Хотите повидать хлопок? Поезжайте в Хиву».

И вот тут на первый план снова вышло прошлое.

— В Хиву? Столицу Хивинского ханства?

— Да, там вам поможет познакомиться с районом секретарь райкома Рахимов.

И хотя было ясно, что никакого Хивинского ханства не могло быть и Хива сейчас, как и многие старинные города, является обыкновенным районным центром, все равно романтическое и отчасти таинственное прошлое этих земель невольно взволновало нас.

Мы отправились в Хиву. Ранним утром по дорогам навстречу, в сторону Ургенча, мчались машины, доверху набитые тюками хлопка. На придорожных кустарниках, словно легкий снежок, лежала серебристая паутина. Дорогу кое-где чинили, на объездах висела тяжелая пелена желтой пыли. Машина летела быстро, и вскоре на придорожном столбике мы увидели надпись: «Хива».

На крыльце нового каменного здания райкома, окруженного невысокими и такими же новыми домами, нас встречал широколицый человек. Он подошел к нам.

— Рахимов, секретарь райкома. Заходите.

В длинной комнате, где помещался кабинет секретаря, в углу стоял несгораемый шкаф. На нем распласталось чучело рыжеватого зверька. Рахимов поймал наш взгляд, взял зверька в руки и сказал:

— Ондатра. Разводим в районе. Ценный зверек. Есть и нутрия. Тоже занимаемся. Что бы вы хотели увидеть?

— Новый хлопковый комбайн в работе.

Рахимов загадочно улыбнулся.

— Хорошо. Повидаете. Но сначала займемся историей. К комбайну надо подходить постепенно. Вы что-нибудь о Хиве слышали?

— Да, конечно... Когда-то давно.

— Займемся историей. Очень полезная наука. Поедемте. — Рахимов пригласил нас в свою голубую «Волгу».

И мы отправились в центральную часть районного городка, над которым возвышались старые серые башни с голубовато-белой керамикой, кое-где доведенные до своего предела, а кое-где так и оставшиеся недостроенными. И вот тут-то мы наконец и увидели ту самую Хиву, о которой что-то знали в детстве. Она оказалась совсем не таинственной. В городе, где на каждом шагу строились новые дома, проводилась дорога, район древних построек казался особенно примечательным. В узких улочках, резко контрастируя со всей музейной древностью, поблескивая под полуденным осенним солнцем, стояли «Волги» и «Москвичи». Рахимов был увлечен: история владела им целиком. Он был одновременно гидом, поэтом, историком — всем вместе. Подолгу простаивали мы возле какой-либо плиты. Оказавшийся здесь Абдулла Батаев, замечательный мастер по расшифровке древних орнаментов и рукописей, читал нам четверостишие за четверостишием. В большинстве из них воздавалась хвала хану.

— Подхалимством занимались и в старое время,—комментировал Рахимов, поблескивая черными, брызжущими весельем глазами. — Хан сидел, перед ним была красивая плита, и он читал восхваления в свой адрес.

Он все знал, этот Рахимов. Указывая на полуразвалившуюся печь, говорил:

— Первая печь была сложена здесь, в ханском дворце, в 1879 году. Знаете, кто прислал печника сюда? Русский царь Александр. А какое письмо прислал, знаете? В письме хану было сказано: «Печника посылаю, но прошу его вернуть обратно живым».

— Ну, и вернул?

— Кажется... Не помню. История этих подробностей не сохранила.

А перед нами все больше раскрывалось прошлое Хивы. Ханский дворец. Гарем хана. Зал для приема гостей. Зал для приема послов, которые шли из Афганистана, Индии, Ирана и других государств...

К нам присоединился директор музея Сабур Юсупов, молодой застенчивый человек, закончивший не очень давно Ташкентский университет. Это был очень приятный в обращении человек. Поначалу он держался в стороне, и только тогда, когда мы попали в собственно небольшое здание музея, также расположенного в ханских постройках, и увидели экспонаты этого музея — орудия рабства и пыток,— Юсупов заговорил:

— Вот видите, здесь подробно написано, за что взимались налоги в Хивинском ханстве. Всего налогов было семьдесят пять. Может быть, только за воздух не брали. Налог в пользу палача... Да, в пользу того самого палача, который рубил людям головы. Налог за нанесение побоев с кровью. А вот, смотрите, нож палача, которым он рубил головы. А вот кандалы...

Музей был очень интересен, но кто-то из нас, взглянув на часы, заметил, что время неумолимо. Рахимову это не понравилось. Он сказал:

— Вы что, не хотите знать историю Хивы?

— Но время, время!..

— Ничего, время обождет.

И Рахимов приник к старой двери, сделанной из карагача, могучего дерева, бревна из которого до сих пор подпирают осыпающиеся уже каменные постройки. Рисунки и надписи, сделанные на карагаче, разбирал Абдулла Батаев — живая история Хивы, собиратель и толкователь сложнейших хорезмских узоров.

— В мире нет такого дерева, как карагач! Нигде нет! — восклицал Рахимов в те моменты, когда Батаев замолкал.

Но стоило Батаеву неторопливо начать новую легенду, прочитать еще одну надпись — и Рахимов умолкал. Он любовался стариком, смотря на него с нескрываемым почтением. Да, он очень любил историю, этот секретарь Хивинского райкома партии.

...У Рахимова было очень много проектов.

— Надо строить дороги, надо приводить Хиву в порядок. Здесь есть что смотреть, здесь изумительные страницы истории. Хива может стать местом паломничества туристов, пусть все знают историю Хивы! — восклицал он.

В момент, когда мы осматривали баню двухсотлетней давности, Рахимов сказал:

— Приезжали тут западники. Были у нас без штанов...

— То есть как без штанов?

— Ну, в коротких штанах, по колено. Так пусть они не воображают, что только у них была культура. Вы видите бани? Пусть хотя бы по баням судят о том, какая была у нас культура. Народ без бани не мог иметь хорошую культуру.

Я смотрел на него: всерьез ли он говорит или шутит? Нет, он говорил серьезно.

Невольно пришел на память роллановский Кола Брюньон. Но при всех его симпатичных качествах у Кола Брюньона все-таки была довольно узкая сфера деятельности. А у Рахимова целый район. И какой район!

Наконец нам все-таки удалось оторвать нашего друга от истории. Прямо скажем, сделал он это без особого удовольствия. Но когда Рахимов услышал вопрос: «А не делают ли здесь ковры?» — он весь преобразился.

— Лучшие ковры в мире! Только здесь! Любые!

И мы отправились на ковроткацкую фабрику. По дороге Рахимов сообщил, что фабрика переходит в новое помещение. Выпуск ковров будет намного увеличен.

Одноэтажное здание оказалось почти пустым. Сероглазая девушка в пестрой одежде, сидевшая возле одного из станков, сказала:

— Все уехали на хлопок.

— А вы?

— Кормлю ребенка. Поэтому здесь.

Она сидела напротив рамы, на которой была натянута основа будущего ковра, удивительно симпатичная молодая женщина двадцати одного года. Она разговаривала с нами, а пальцы ее держали, словно лепестки маленьких цветов, разноцветные нити, из которых и составлялся знаменитый хивинский орнамент.

Это была Гульчихра Маткаримова.

— А где девочка у вас?

— Девочка? В яслях.

— Какое у вас образование?

— Я закончила десять классов.

— Больше не учились?

— Была в Москве, на курсах при промышленно - художественном училище. Москва очень понравилась, жалко, мало была.

— А родители есть?

— Есть.

— Что отец делает?

— Каменщик. Строит новые дома в городе.

— А муж что делает?

— Муж — токарь, на маслохлопкозаводе.

Гульчихра изредка поглядывала на нас. Короткие вопросы и ответы. Нам не хотелось отвлекать ковровщицу от работы. Но невольно подумалось, что даже из этих коротких ответов можно представить, как и чем живет районный центр — городок Хива.

День медленно, но упорно уходил от нас. Но... гостеприимство есть гостеприимство. И мы его еще и еще раз почувствовали в доме Рахимова за столом, где нас встретили со всей узбекской щедростью и радушием. Кто-то заметил, что слишком много еды на столе.

Рахимов ответил:

— У меня шестеро детей. Не беспокойтесь.

И снова, снова этот неутомимый человек рассказывал нам о том, что будет в Хиве. Сколько предполагают они построить жилья, а еще — ковровый комбинат на 1 600 станков, бытовой комбинат, будут алебастр делать, строить завод железобетона...

Наконец мы отправились в поле. Здесь история сразу ушла далеко. На полях мы увидели комбайны. Коробочки хлопка раскрылись, листья опали. Это и был тот золотой момент сбора урожая, которого целый год ожидают хлопкоробы.

Мы оказались на полях колхоза имени Калинина. На новом двухрядном комбайне работала Анаджан Атамуратова. На минуту машина остановилась, Анаджан спрыгнула на землю. А на комбайн поднялся механик. Мы разговорились с Атамуратовой.

Она обязалась собрать 200 тонн. Сейчас собирает 4,5 тонны за смену. Это не самые большие показатели в республике. Есть водители хлопковых комбайнов, которые собирают и больше. Но 4,5 тонны — тоже немало, если вспомнить, что вручную самые лучшие сборщицы хлопка собирали 5 тонн за сезон.

Вдали на дороге поднялся столб пыли. К нам подкатил зеленый «газик»; в цветастом, ярком платке из него вышла председательница колхоза имени Калинина Азиза Машарипова. В ладных сапожках, в пестром платке, с решительным, волевым лицом, она представляла собой воплощение энергии и твердости.

Мы разговорились с Машариповой. Ее колхоз до последнего дня был первым в районе. Но со вчерашнего дня на первое место вышел соседний колхоз имени Ленина. Мы спросили: как она к этому относится?

— Я плохо отношусь к этому,— сказала упрямо Машарипова.— Но это все равно на несколько дней. У нас арифметика. План будет выполнен по району нами первыми.

— Вы убеждены в этом?

— Я не убеждена, я знаю. У нас работают все комбайны. Мы все бросили на уборку хлопка.

Машарипова не была щедра на слова. Когда мы спросили ее о семье, она ответила:

— Муж погиб на фронте.

— А дети?

— Дети есть. Один в армии, другой учится в сельскохозяйственном техникуме. Кем я раньше была? Бухгалтером колхоза. Основной вопрос — урожайность хлопка. Это для нас главное. Мы раньше давали 18 центнеров с гектара. В 1959 году дали 26 центнеров, это было уже много. В этом году мы дадим в среднем 35 центнеров. Думаем о молодежи. Еще две школы строим. Клуб строим, медпункт строим. Люди хотят иначе жить. Большое дело сделала для всего Узбекистана Турсуной Ахунова. Пошли женщины на комбайны. Обгоняем сейчас мужчин.

И в этот момент, заметив какую-то неполадку у разворачивающейся на хлопковом поле машины Атамуратовой, председательница широким, мужским шагом направилась к ней.

...А день совсем клонился к вечеру. Розовели облака, в воздухе носились легкие, чуть золотистые белые паутинки, и они казались маленькими лучиками осеннего узбекского солнца.

Нелегкий год вышел для узбекских хлопкоробов! Но когда своими глазами видишь, как работают люди, понимаешь, что такие, как Азиза Машарипова, как ее товарищи по колхозу, выполнят на древней земле Хорезма все свои обязательства перед народом. Новые легенды об их жизни будут рассказаны поэтами и народными певцами и навсегда останутся на обновленной земле.

...Вместе с Рахимовым мы выехали на шоссе. Около небольшого озера он остановил машину и вышел на асфальт.

— Здесь кончается Хивинский район. Счастливого вам пути,— сказал Рахимов.

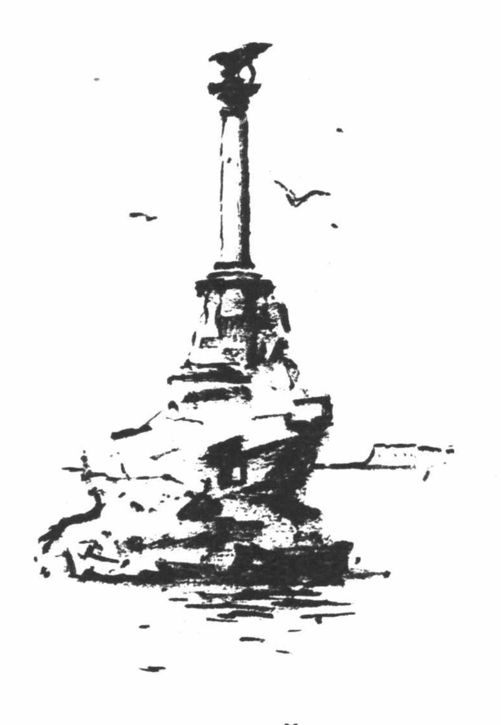
И снова улыбнулся чуть хитроватой улыбкой этот секретарь райкома, жизнелюбивый человек, которому дорого все: история, наши люди и родная его земля.

* * *

Хорезмская область действительно оказалась передовой. Она первой в республике выполнила свои обязательства по заготовке хлопка-сырца. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приветствовали и поздравили хлопкоробов Хорезма с замечательной победой. Хорезм идет впереди — честь ему и слава!

Абдулла Батаев — замечательный знаток древних орнаментов и рукописей.

Республика-Юность

Поэма

Василий КУЛЕМИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Уход

Опять
Ты меня позвала,
Юность.
И я
Повинуюсь...

Туда, за черту горизонта,
В необыкновенные края,
Где видятся сердцу высоты —
Республика-Юность моя.

Республика-Юность!
Республика —
Не просто возраст такой!
Была президентом Юлька
В тельняшке морской.

Море там Черным звало́ся,
Но в Республике для нас
Оно не Черное вовсе,
А цвета Юлькиных глаз.

Зимой штормовой и летом
На этой земле скупой
Давние жили легенды
О русской славе морской.

И точно не умирали,
А в бронзе были и есть
Матросы и адмиралы —
Доблесть наша и честь.

В памяти все свежо так,
Что умолчать нельзя!
Безусым салажонком
Явился в Республику я.

Я все тропиночки помню,
Все потайные пути...
Прийти к тебе не легко мне,
Но тяжелей не прийти.

Прийти к тебе вовсе не просто:
Я ведь не тот теперь.
Появились погасшие звезды
Находок моих и потерь.

Кажется, мудрости лишку
В строки я припустил.
Мои сорванцы-мальчишки,
Опять я о вас загрустил.

Погладить бы вас по макушкам,
Покрепче к себе прижать,
Ершистых и непослушных —
Родных моих медвежат.

Вам в пору бы рассердиться
На своего отца:
Что дома ему не сидится?
Мотается без конца...

Лишь ты все понимаешь,
В ненастье — подруга, жена.
Ты ревность тоской называешь,
А слава тебе не важна.

Опять чемодан дорожный,
Тяжелый, как старый утюг.
В нем книжек набор
всевозможный
И странствий беспечный дух.

И ты глядишь на прощанье
И невзначай, словно мать,
Берешь с меня обещанье
«Далёко не заплывать...»

Все ясно: ведь к морю еду...
Но только, придя на вокзал,
Фразу обычную эту
По-своему истолковал.

В ней смысл особый увидел
И понял я, почему
Ты, словно в какой-то обиде,
Прижалась к плечу моему.

Тогда приоткрылась тайна
И выплеснулось через край
Брошенное случайно:
«Далёко не заплывай...»

Как дорог ты, сердца берег!
В нем вечная нежность и власть,
Что ждет, и зовет, и верит,
И не дает упасть.

Воспоминание

Море, свое волненье,
Нежность мне дай и злость.
С первого увольненья
Все это начало́сь.

Первое увольненье!
Рой непривычных чувств.
По мичманскому веленью
В кубрике я мечусь.

Помню, ко мне подходит
Старший один матрос.
Просто назвался Володей,
Прикинул на глаз мой рост.

— А ну-ка, постой тут смирно,
Я брюки свои принесу...
Были те брюки обширные,
С клинышками внизу.

Светилось в Володькином
взгляде:
Чего, мол, чудак, боюсь?..
Он к форменке мне приладил
Свой полинялый гюйс [1].

---

[1] Так матросы называют флотский воротник.

Прежнее словно померкло:
Новый всему оборот.
Смотрел из большого зеркала
Тот же я... и не тот.

Не старой моде в угоду
Гюйс мой сейчас говорил,
Что не по первому году
Я на флоте служил.

Волны меня носили,
Солнце палило меня,
У гюйса убавилось сини,
Прибавилось в сердце огня.

С тех пор я немало про́жил.
Но брошу в далекое взгляд:
Как все мы были похожи
На выпущенных телят!

Едва я коснулся берега
И гюйс мой взмыл на ветру,
Как тут же забрал меня бережно
Комендантский патруль.

И, взглядом меня окинувши,
Севастопольский комендант
Из клеша вырезал клинышки,—
Он был формалист и педант.

Куда от позора денешься?
Скорей на корабль идти!
Крадусь переулком. Вдруг
девушка
Встречается на пути.

Печальное положенье!
Как я себя ругал!
Как будто бы в окруженье
Вражеское попал...

Готов за версту объехать,
Да только моя ли власть?..
Она ж посмотрела и смехом,
Словно колокольчиком, залила́сь.

Но встретила взгляд мой колкий,
Понятный лишь ей одной,—
Вдруг колокольчики смолкли,
И вся она стала иной.

— Охота вам иль не охота,—
Сказала, меня осмотрев, —
Но комсомол — шеф флота,
А стало быть, я ваш шеф...

И вот, ни на что не сетуя,
Забыв про свою беду,
С нечаянной девушкой этой
По Корабельной иду.

По той стороне-недотронушке,
Где города нет и следа,
Что звали недаром «коробушкой»
В довоенные года;

Где много солнца и выси
И жизни рыбацкой простой.
Домишко к скале прилепился,
Как ласточкино гнездо.

Она его мне показала
И, взглядом к себе маня,
Раздумчиво сказала:
— Республика-Юность моя!..

Тогда еще я не ведал —
Откуда такое знать? —
Что в странной Республике этой
Будут меня принимать.

Что юная президентша,
Зашитые брюки мне сдав,
Торжественно и вежливо
Рассказывать будет Устав,

То есть свою конституцию
Обязанностей и прав,
Где все за одного бьются,
Если один тот прав;

Где каждый друг другу известен
И каждый хозяин, не гость;
Где лучшее слово — «вместе»
И самое худшее — «врозь».

И зная, к чему прикасается,
Сказала, как бы на спор:
— Любовь у нас не разрешается.
Воздух Республики — спорт!

...Как заменю строкою
Жест — в нем душа видна! —
Маленькою рукою
Легко поводила она.

Словно к себе приближала
И тут же давала понять,
Что вовсе она не желала
Свободу у вас отнять.

Небрежно откинуты волосы.
Какая-то нервная стать.
Но эту теплинку в голосе
Как мне описать?

Чувствительны пальцев кончики.
Но спросите вы меня:
«Что это за колокольчики
В смехе ее звенят?»

Вы многое спросите.
Вопросам не будет конца:
О возрасте и о росте,
О цвете глаз и лица.

Красива иль некрасива?
И непременно о том:
Какие юбки носила?
Ходила ли босиком?

Я все описал бы в деталях —
Ведь память не так уж слаба,—

Но словно бы выцветали
Лучшие мои слова.

Земля дорогая, Россия!
Отвага моя, душа!
Ее ты, как всех, растила,
Ничем выделять не спеша.

Но было в ней от рожденья,
Словно отсвет мечты,
Какое-то отраженье
Внутренней красоты.

Лишь вспомню — и вижу тотчас:
У моря, вся как порыв,
Приникла, сосредоточась
И обо всем позабыв.

Словно ее и нету,
Лишь волосы живут.
Открытые солнцу и ветру,
Волосы живут.

Темные, прямые,
Откинутые назад...
Морская волна их промыла,
В них соли росинки блестят.

Волны той давно уже нету —
Ее повторить нельзя,—
Но той же игрой и светом
У Юльки полны глаза...

Юлькина любовь

Не парочками, не парами —
В полной своей красе
Идем ночными бульварами
Республикой нашей всей.

У сердца настрой лирический,
Веселье греет всех.
Поднялись на Исторический,
Где музыка и смех.

Доверчиво светит небо нам.
Смеется зарей восток.
Лишь памятник Тотлебену
По-прежнему строг.

Плывет наша жизнь лодкой
То близкой, то дальней.
И вдруг навстречу Володька,
Тот самый, что брюки дал мне.

Светит улыбкой милой,
Как молодой бог.
Мне бы пройти мимо,
Но пройти я не мог.

С Юлькой его знакомлю,
Приветливой всегда.
Чувствам своим дал волю:
Расхваливаю хоть куда!

А он что-то взглядом ищет,
Настороженным пока.
И тонет в его ручище
Юлькина рука.

Как с рыбкой, играет с нею.
И, может быть, в первый раз
Я вижу: Юлька краснеет
И словно стыдится нас.

. . . .

С годами видней далекое —
Так Юльку я вижу сейчас:
Порывистая, легкая,
С раскосинкою глаз.

Идет своей походочкой,
Свободная вполне.
Как будто это лодочка
Стремится по волне.

Глаза, как воды талые,—
Тепло от этих вод.
Своей, отдельной тайною
Она теперь живет.

Любовь пришла не просто так —
Тут даль своя и высь.
Как для полета воздуха,
Ее ты наберись.

Ведь как судьбу свою, нести,
Ее тебе нести.
Беспечный шаг у юности,—
За все ее прости!

Там, видишь, лесть на корточках,
Там — сладостная ложь.
Живешь ты, как по жердочке
Над пропастью идешь.

Но гонишь ты сомнения:
Тебе Володька твой
Не более не менее,
Как рыцарь и герой.

А он герой подмоченный,
Красивый лишь на вид.
Тебя-то, между прочим, он
Унизить норовит.

...И временами сами
Стали мы замечать:
У Юльки под глазами
Бессонницы печать.

Ворвется в наше веселье
Судьбы ее новой гроза.
У раненой газели
Такими бывают глаза.

Особенно трудно ей стало —
Словно порвалась нить,—
Когда совсем перестал он
В Республику к нам приходить.

Она на него не злилась,
Но все, что случилось у них,
Незримо в ней отразилось,
Во всем оставило штрих.

Обида коснулась тонко
Взгляда больших ее глаз.
В них словно погасла девчонка,
Но женщина не зажглась.

И Юлька будто застыла.
Она в те дни не жила.
Ей жалость была постыла,
Пушинка и та тяжела.

И если что жизнь ей скрашивало,
Так это, всего скорей,
Республика-Юность наша,
Руки ее друзей.

Яхта

По редкому совпаденью
В наших морских краях
В день Юлькиного рожденья
Назначили гонки яхт.

Мы знали любовь ее к яхте:
Ей парус захватывал дух!
Я видел, как вздрогнул Бахтин
Леша, мой новый друг.

Он стал нашим героем,
Когда заявил, что мы
Яхту сами построим,
От мачты и до кормы.

Я верю, свершится чудо,
Если взяться с умом.
Только прислушайся чутко —
Истоки в тебе самом.

Мы жили тогда на пределе.
Морщины на лбу залегли.

Мы эти вот три недели
Даже спать не могли.

В мечтах еще, трепетно как-то,
С любовью своей и виной,
Мы видели Юлькину яхту
Над черноморской волной:

Как будто несла она зо́ри
На своих парусах...
А появлялись мозоли
И ссадины на руках.

И кто же теперь позабудет
Юлькины глаза,
Когда в Корабельной бухте
Увидела она паруса!

Исчезла с лица грустинка,
Ступила она, не дыша,
Тоненькая тростинка
Одинокого камыша.

...Волны катились праздно.
Яхты в волнах, как цветы.
Так открывался праздник
Юности и красоты.

Все начиналось, как нужно.
Шум, адмиральский старт,—
Пока не объял наши души
Обыкновенный азарт.

Пока над синей волною,
Приметные едва,
Вперед не вырвались двое —
Два паруса, сердца два!

Не помню, что было с нами, —
Но это как с неба гром —
Мы в первом Юльку узнали,
Володьку узнали в другом.

Он парус умело напружил,
В движениях смел и красив.
А ей словно финиш не нужен:
Стояла, губу закусив...

В свое голубое лоно
Море ее звало́.
Вот Юлька очнулась, словно
Ей ветер ударил в крыло.

И яхта, сначала игриво,
Но с каждой минутой быстрей,
Пошла по взмыленным гривам,
Что мчались навстречу ей.

Лишь пенистый след оставляла.
А финиша близко черта!
И с каждым мгновением вяла
Володькина красота.

Гудел в изумленье праздник.
Вы знаете, он такой:
То вас бодрит, то дразнит,
То манит к себе рукой,

То плещет волной капризной,
То гладит теплой волной...
Красивая, в солнечных брызгах,
Юлька передо мной.

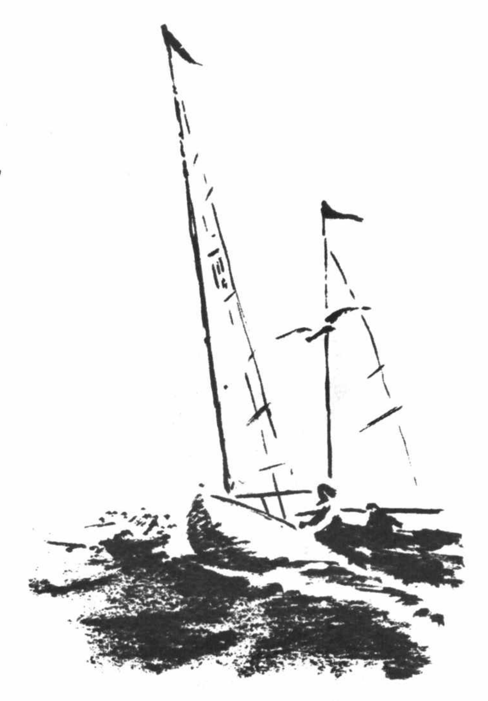
Никто не знал и не ведал
На празднике нашем большом,
Что это была победа
Не в спорте, а в чем-то ином.

Судьбе не сдала́сь на милость...
И то, что в груди ей жгло,
Все то, что в ней надломилось,
С волной теперь отошло...

Война

Последней мирной лунностью
Июньский вечер плыл.
А меч над нашей юностью
Уже занесен был.

Не знали в день тот памятный,
Что расставаться нам,

Что ночью вздрогнет «Памятник
Погибшим кораблям»,

И вздрогнет сила гордая —
Живые корабли,
И улица Нагорная
Проснется вся в крови.

Мне все припоминается
До малых мелочей.
Легенда начинается
От первых тех ночей.

К ней тропка не заказана.
Еще пробьет тот час!
Душа сказать обязана,
Но только не сейчас.

Кида́ет время по́д ноги
Седую пыль годов.
К такому, видно, подвигу
Еще я не готов.

...Прощай, мечта — Республика!
Пусть в сыновьях живет!
В морской тельняшке Юлька
Сестрой ушла на фронт.

Мне после говорили —
Скажу вам, не совру,—
Что все боготворили
Матросскую сестру.

Когда отряд наш ринулся
В атаку, в этот миг
Володьку она вынесла
На плечиках своих

Из боя рукопашного,
Где ранили его,
Небритого и страшного
Парнишку своего,

Недавнего обидчика —
Обиды горше нет,—
В слезах скривилось личико...
Но вот и лазарет!

Сдала кому-то на́ руки
И снова в бой ушла,
В тот бой крутой и жаркий,
Где всем нужна была,

Где всем необходима
Теплинка ее глаз,
И пеленою дыма
Закрылася от нас.

. . . .

Клубится даль истории,
Как над волной туман...
Сейчас стоянка скорая.
А там уж Инкерман.

А там и Севастополя
Крылатые края.
Родная и жестокая
Республика моя!

КАВАЛЕР ОРДЕНОВ

Олег СМИРНОВ

Рассказ

Рисунки В. БОГАТКИНА.

Березы и осины еще раздетые, окрестности под снегом, из-под него торчат сухие, обесцвеченные стебли травы. Но март есть март, и в сыром воздухе словно веет то оттаявшей, парной землей, то клейкой распустившейся почкой, то цветущей лесной фиалкой.

Левидов вдыхал эти угадываемые запахи глубоко, с толком, как будто затягивался хорошей, довоенной папиросой. И в самом деле хотелось закурить. Он вытащил кисет, склеил цигарку, щелкнул трофейной зажигалкой — в дуновения весны, как бы расталкивая их, вторгся грубый, жесткий дух махорки.

Левидов у обочины дымил самокруткой, завидя машину, просительно вытягивал руку. Грузовики все так же, не сбавляя хода, проносились мимо.

Затем их поток иссяк, и разбитое, в раскисшем снегу шоссе опустело. Где-то рядом, в лесочке, долбил дятел, вызванивали синицы. А с сосулек на ближнем дубе вызванивала капель: «кап-кап-кап» — снег под дубом исклеван ею. Слоились облака, сбивались в кучи, обнажая небесную голубизну. Чуть-чуть пригревало солнце.

На дороге зачернелся автомобиль. Левидов, обжигаясь, докурил, щелчком швырнул окурок, но тут же разочарованно сморщился: машина легковая. Напрасный труд — «голосовать». Грузовые не брали, а то легковая — начальство: не возьмет.

И когда «виллис» проехал, окропив водяной пылью, Левидов только вздохнул и утерся рукавом. Ну, пехота, где наша не пропадала, потопаем на своих двоих, или на одиннадцатом номере, как говаривал старшина Гунько!

Левидов смотрел вслед машине, и ему опять стало тяжко, будто письмо дяди Митяя в нагрудном кармане опять надавило на сердце. Сызнова начинается? А что проку?

Он расправил на плечах лямки вещевого мешка, зашагал с опущенной головой. Но, подняв ее через несколько шагов, увидел: «виллис» елозит на месте, виляет задом. Из машины вылезают двое, один принимается что-то показывать, второй — суетливо подталкивать машину. Но она буксует по-прежнему.

Левидов подошел ближе, и тот, что показывал и распоряжался, мельком взглянул на него, властно сказал:

— Подсоби, солдат!

Левидов оробел: куртка без погон, но папаха с малиновым верхом, и на штанах — лампасы. Генерал!

Рысцой Левидов затрусил к машине, встал возле моложавого — тоже в куртке и папахе, однако не с малиновым верхом. Полковник. Высунувшийся шофер крикнул: «Взяли!», — генерал также уперся плечом, все приналегли — и «виллис», пуляя снеговыми ошметками, выбрался из колдобины.

Полковник радостно осклабился, генерал обмотался шарфом, сказал Левидову:

— Молодец, солдат! Есть силенка. Садись, подбросим.

Левидов было замешкался, но полковник неприметно подтолкнул его, мигнув круглым, птичьим оком: не теряйся, мол!

Шофер дал газу, машина покатила. На выбоинах ее мотало, на поворотах заносило, и тогда водитель, костлявый, в родинках дядька, виновато косился.

Генерал обернулся, сухощавый, с седыми висками.

— Как, солдат, расположился? Не тесновато?

Левидов встрепенулся и, хотя справа в бок вгрызались углы чемоданов и ящиков, а слева напирало туловище полковника, бодро ответил:

— Хорошо, товарищ генерал!

— Коли так, давай знакомиться. Позволь, я представлю... Твой сосед — мой адъютант, полковник Ляпунов. Это старшина Косницкий, первоклассный автомобилист, непьющий мужчина и отпетый юбочник.

Левидов про себя усмехнулся: утолщенные, поросшие пухом уши водителя вспыхнули, как подожженные. Однако спустя мгновение уши загорелись и у него самого — генерал произнес свою фамилию.

«Он? Командующий фронтом? Генерал армии? Имя сходится! Вот это да! Вот это влип!» У Левидова, всегда боявшегося высокого начальства, сердце оборвалось и покатилось куда-то в сапоги, стало жарко, как в бане.

— А тебя как величают?

— Левидов... Рядовой Левидов, товарищ генерал!

— Отлично. Будем считать, знакомство состоялось... Ты куда и откуда, Левидов?

— В полк, товарищ генерал... Из госпиталя.

— Когда подкосило? Под Оршей, в зимнем

наступлении, говоришь? Тяжелое было наступление, неудачное...

Командующий забарабанил пальцами по спинке сиденья, отвернулся. Не оборачиваясь, отрывисто спросил:

— Сколько раз за войну ранен? Трижды, говоришь? А награжден? Чем?

Выслушав, он перестал хмуриться:

— Молодец! Кавалер двух орденов, не шутка! Признаться, когда узнал о твоих ранениях, мелькнула мысль: наградить надо бы. Но два ордена пока хватит. И все же хочется уважить тебя, коли ладный вояка... О чем бы ты попросил?

Снова Левидов трудно, до пота, покраснел, захлопал ресницами. Полковник Ляпунов пнул его локтем, подморгнул птичьим оком: думай, мол, живей. И Левидов подумал о доме, о письме дяди Митяя и вдруг, ощутив тоску и одиночество и словно чего-то испугавшись, суматошливо проговорил:

— Если можно, товарищ генерал... направьте меня в подразделение, где служил... до раны. Товарищи у меня там!

Командующий коротко, через плечо, глянул на Левидова и приказал:

— Ляпунов, переоформить документы. За моей подписью...

Его высадили на развилке, генерал и адъютант поочередно обменялись с ним рукопожатием, шофер небрежно кивнул.

«Все, что ни делается,— к лучшему»,— вспомнил Левидов любимую пословицу, меся подошвами снежную кашу. Она то скрипела, то чавкала, ноги разъезжались. Определенно можно грохнуться — вот это прогулочка! Но правильно говорят: все к лучшему. А что же? Он горевал, что грузовики хвост показывали. Но прихвати какой «студебеккер» его, он бы не увидал командующего и, значит, никогда бы не попал в свою роту, к дружкам. После госпиталя его куда направили? Черт знает куда! Вовсе в другую дивизию, и слушать не хотели. А зачем ему другая дивизия, у него есть своя, кровная. То-то удивятся в полку!

В полку действительно удивились. Офицеры строевого отдела и сам начальник — одутловатый майор с очками на лбу — вертели бумагу, изучали подпись командующего, качали головами.

— Стало быть, во второй батальон желаешь?

— Во второй, товарищ майор!

В батальон его отправили со связным, который нес туда пакет. Связной, верзила в шинели до колен, шагал размашисто, и Левидов едва поспевал за ним.

— Слышь, друг, как там капитан Сафьянников поживает?

Широкая спина связного размеренно покачивалась.

— Кто таков?

— Кто? Наш комбат!

— Комбат-два — капитан Стрешнин.

Левидов сбился с ноги.

— Путаешь, друг! У нас комбат Сафьянников.

— Стрешнин.

— Сафьянников!

— Ну, раз ты до невозможности умный, то черт с тобой,— прогудел верзила.— А я прения разводить не намерен.

— Не обижайся,— сказал Левидов, пытаясь нагнать связного.— Но Стрешнин... это имя новое. У нас завсегда был капитан Сафьянников. А?

Могучая спина качалась впереди, непреклонно молчала. Плюнув, умолк и Левидов.

Они шли сперва окраиной сожженной деревеньки, где на пепелищах из снега торчали закопченные печные трубы — шеи без тела, потом тальниковым берегом речки — в черных прорубях, выдолбленных минами, курился пар,— потом по насту луговиной и лесом, вдоль телефонного провода. Пересекли огневые позиции пушкарей, обжитые, с добротными блиндажами и глубокими щелями; обогнули полевую кухню — она мирно, по-домашнему дымила в овраге, под колеса подложены чурки, лошади хрупали сеном, тоже мирно, как в колхозе; разминулись на тропке с усталыми и злыми разведчиками в несвежих маскхалатах, оставили в стороне отделение саперов, топтавшихся с миноискателями и щупами на бугристом прогалке.

Знакомо все это, привычно, и Левидов както успокоился. Нос воротишь, связной? Вороти, дело хозяйское. Но скучно жить с таким норовом, гордость заедает? А вот в нашей роте ребята простецкие, без фокусов, можно покалякать, отвести душу. Мне надо отвести душу. Эх, дядя Митяй, придавило меня твое письмо до земли! Не думал я, не гадал, что Люба такое выкинет, Люба, Любка. Все к лучшему? Не подходит тут пословица. Горе это, несчастье, как ни назови, а все одно больно. Даже в горле защипало. Спокойно, спокойно, вояка, этого еще не хватало — слезу пустить! Ты же кавалер орденов, как сказал командующий. Кавалер? Получается, слабоватый кавалер, если девка отвернулась. Любка, что же ты? Ничего, ничего, спокойно, скрипну зубами — и все. Вот поделюсь с Панасяном, Зайкиным, с ротным, со старшиной Гунько — сразу полегчает... Да, раскроют, наверно, рты, когда его увидят. Старшина Гунько не выдержит, привстанет с нар: «Левидов?» А он припечатает строевым, рванет: «Я самый, по распоряжению генерала армии!» Ну, понятно, обнимутся, как же иначе? Со всеми поздоровкается, обнимется, объяснит про генерала. Раскроют рты!

В горле защипало острей, и, чтобы прервать это, Левидов прокашлялся.

День затухал, мерк, солнце словно приседало на корточки. Неизвестно откуда, будто прятался в засаде за солнечным диском, вынесся самолет на бреющем и, не дав себя распознать, юркнул за высотку. На опушке ударила мина, подожгла сухостойное дерево — оно сыро задымило. За опушкой, подальше, где была передовая, протукал пулемет, ему отозвался другой. Вверху прошуршал — похоже, кто прополз травой,— адресованный нашим дивизионным тылам снаряд. И Левидов, втянув голову, с облегчением подумал: «Считай, добрался я».

В ходе сообщения было мокро, пористые стенки густо сочились, как гноились. Задень стенку — и на рукаве желтый, грязный мазок. Встречные — в набухших влагой валенках; шинели и телогрейки — в желтых мазках. Левидов смотрит на людей напряженно, выжидающе: нет ли знакомых? И хотя их нет, он думает: «Считай, я дома».

На командном пункте батальона горели самодельные, из-под снарядов, светильники, зыбля на стенах человеческие контуры. На нарах, отгороженных плащ-палаткой, ворочались солдаты, за нарами белел березовый столик с полевыми телефонами, в углу блиндажа — второй стол, за которым над картой сидел офицер.

Связной вскинул пятерню к виску: «Товарищ комбат...» Спина верзилы торжествующе качнулась, а Левидов сморщился: это был не Сафьянников. Как его... Стрешнев, Стрешнин? Но это неважно. Важно, что не Сафьянников.

Командир батальона между тем разорвал пакет, прочел, отпустил связного: «Свободен»,— уставился на Левидова. Тот сделал шаг к столу.

— Разрешите обратиться, товарищ капитан? Рядовой Левидов для дальнейшего прохождения службы прибыл! Мои документы...

— Ага, фронтовик?

— С декабря сорок первого. До последней раны тут служил, еще когда капитан Сафьянников... Разрешите обратиться? Где он?

— Где? — Комбат неопределенно помотал рукой над картой.— Погиб.

— Погиб?

— Фронтовик, а удивляешься. Война!

Худое и желтоватое лицо Левидова сморщилось еще сильнее, но он сказал твердо:

— Товарищ капитан! Прошусь в шестую роту, к лейтенанту Назимову.

— Не возражаю. Только ею командует старший лейтенант Юревич.

— А Назимов? Война?

— Ага.

Тот же связной вызвался — ему было по пути — проводить Левидова до землянок шестой роты.

Сизые сумерки дымком солдатского костра перекатывались через бруствер в траншею и тотчас становились плотно-черными, напоминая уже дым горящего танка. И небо в рваных тучах — как смертный танковый дым. И взмывающие из темноты и в темноту ракеты — скоротечные, мертворожденные цветки на гнутых стеблях, и метящие в собственное эхо пулеметные очереди, и певчие голоса редких пуль: «цвирк, цвирк».

Поблизости надрывно закашлялись, и связной сказал:

— Шестая рота. Вон вход в землянку. Прощевай. И не спорь никогда, если чего не знаешь. А то заладил: Сафьянников, Сафьянников... Уразумел?

— Уразумел,— машинально ответил Левидов.

Он стоял на ступеньках и не решался толкнуть дверь. И радостно и отчего-то тревожно. Наконец-то! Теперь по-правдашнему дома! Отдышусь малость и войду.

Уже с час лежал он на нарах и напрасно пытался уснуть. Да как заснешь, когда обернулось нежданно-негаданно, печально обернулось. Прав ты, связной, кругом прав. Нету капитана Сафьянникова. И лейтенанта Назимова нету, и взводного Лысцова нету. И старшины Гунько... Не пришлось, товарищ старшина, доложиться вам: «Рядовой Левидов прибыл! Отчасти на одиннадцатом номере, отчасти командующий фронтом подвез!» Вместо вас какой-то маленький, плюгавый, с помятыми погонами. Старшина с мятыми погонами! Ясно? Бычится, суровость его заедает: «Продаттестат покажь. На сутки вперед сухим пайком получил? И слопал? Загорай голодный, на довольствие аж послезавтра приму». Правда, ужином накормил, но та пища драла глотку, с такой приправой-то... Товарищ старшина Гунько, поймите: один я оказался, кругом один. Нету ни Зайкина, ни Панасяна... никого. Обошел все взводы — никого, сплошь новые люди. Зачем же я стремился, из госпиталя прежде срока выписался, уломал врача, даже одиночным порядком разрешили добираться до части, зачем надеялся — авось, повезет, и повезло, такое раз в сто лет случается: сам командующий мне помог? Зачем? Это все одно как заявиться издалека в отцову избу, а в ней не сродственники — чужие.

Левидов переворачивался с боку на бок, кутался в шинель. Потрескивал сушняк в печке — железная бочка на кирпичах; справа и слева от Левидова, состязаясь в мощи, храпели, на краю нар спорили, что вкуснее, пельмени или шашлык. Левидов тоскливо думал: «Зряшный спор, как они могут о ерунде? Заснуть бы — не идет сон... Не так мечтал я вернуться в роту, о дружках мечтал. А мне растолковали: дружки — кто в землю зарытый, кто в госпитале. Что рота — батальон полег, покуда я лечился! Страшные были бои под Шумячами, километров тридцать отсюда, немец лез, панцирную дивизию пустил. И вернулся я как на выжженное место. Вот тебе и поделился своим горем, было оно одно — Любка, а теперь, считай, два: и товарищей потерял. И еще мне растолковали: кое-кто в батальоне уцелел, из тыловых, из хозвзвода. Но к ним что-то не тянет, на кой мне тыловые, мои товарищи завсегда были на другом конце, поближе к немцу».

Наверху, за дверью, заскулила собака. Левидов вздрогнул, приподнялся на локтях. Собака заскреблась в дверь, кто-то ее приоткрыл, и низкорослый пес заливисто залаял в землянке. На него шумнули: «цыц!»,— песик завилял куцым хвостом.

Левидов откинул шинель. Та самая дворняга, подобрали в сгоревшем селе, прижилась в обороне, Зайкин ее обихоживал? Она! Криволапая, уши обгрызаны, лисья мордочка, шерсть муругая — сейчас свалялась, верно, без догляда.

Заспешив, Левидов схватил вещевой мешок, развязал, поманив пса, уронил кусочек рафинада. Пес обнюхал сахар, лег рядом, взял его лапами и, перевернувшись на спину, сунул в пасть.

— Артист! — сказал Левидов.— Завсегда с сахаром либо с конфетой такое проделывал! Мы ему и кличку дали — Артист.

— А нынче он Бобик,— отозвался один из споривших о шашлыке и пельменях — долговязый сержант, стриженая голова в седых пятнах.

— Артист,— повторил Левидов.— Поди сюда, Артист, ну поди.

Но песик, вильнув хвостом, равнодушно отошел в сторону и полез под нары, на ночлег. Левидов сморщился: «Не признал. Единствен-

ный, который в целости после Шумячей, — Артист, и тот не признал».

Храп в землянке сделался забористей, разговоры смолкли, изредка стукала дверь — смена дежурных в траншее; на столе чадил фитиль в артиллерийском стакане, дремал дневальный; под нарами протяжно, по-человечески вздыхала собака.

И Левидов вздыхал.

Он вытаскивал из кармана треугольник письма, однако не читал, лишь ощупывал ворсистую бумагу и прятал обратно. Для чего читать, и так ясно, каждое слово помнит. Безжалостные это слова, ругательные. И оттого, что исходили они от человека, который имел на них право, оттого, что они должны были относиться к дурной, низкой женщине, а не к Любе, но относились именно к ней, Левидову было горько и за себя, и за дядю Митяя, и даже за Любку. Ведь у них была любовь! Заплевать ее, запоганить? Но куда денешься, дядя Митяй пишет: слушки словил, не поверил, покамест самолично не убедился — путается твоя краля, а моя дщерь с мужиками, совестил ее, не воздействует, прости, что вырастил такую...

Какую? Известно какую. Втоптала в грязь. Запросто, играючи. А я? А моя душа? И Левидов скрипел зубами, неслышно плакал, стыдясь не этих скудных, необлегчающих слез, а того, что их вызвало.

Если бы он мог предвидеть! Он бы дальним крюком обошел скамейку, на которой она сидела, он бы вовсе не свернул в эту аллею. В парке было ветрено, не по-летнему холодно. Но гуляющих, как обычно в воскресенье, много. Скамейки заняты, и лишь на последней, у воды, свободное местечко — около светло-русой девушки в жакете, накинутом на плечи. Он сел, оттянул наутюженные брюки, независимо забросил ногу на ногу. Амур пенился, гонял барашки, волны косо набегали на берег — и точно рождались вздохи, шепот. А может быть, это и не речные вздохи и шепоты: в прибрежной черемухе полно парочек. Полюбовавшись барашками, он полез за папиросами и вдруг поймал на себе взгляд. Соседка в жакете. Он повернулся к ней лицом...

Если бы знать заранее! Он бы не переступил низенький порог рубленного из лиственницы домика, притиснутого городом к сопке. А он переступал, слишком часто переступал—пил чаи, или играл в шахматы с дядей Митяем, старик крякал, проигрывая, или заводил с Любой патефон, или тихонько следил из уголка, как она, насупив разлатые брови, листает конспекты: завтра у нее в техникуме зачеты. В комнате уютно, покойно, а в оконные стекла тычется пыльный хабаровский ветер: за одним окошком — улица, за противоположным — сопка, утыканная усохлыми березовыми стволами, как спичками. И смешливый полушепот — для него: «В окне ничего интересного, лучше повернись ко мне»...

Если бы знать! Он бы без оглядки ушел с поляны в желтых и красных пятнах — это кучами, не смешиваясь, росли желтые и красные лилии, саранки, как их называют на Дальнем Востоке. А он брел и брел поляной, которой не было скончания, и позади у него был город, а впереди Люба — в прозрачном платье, с распущенными волосами. Сочная, сытая трава, одуванчики — не дунь, а всего пройди рядом, и они разлетаются, шиповник цвел рассеянным, нежным алым цветом, высоченная полынь насыщала воздух горечью и тревогой! И куст таволги, — ее белые гроздья напоминали черемуховые, но поменьше, они с Любой присели под гроздьями, плечо к плечу, и она повернула к нему лицо...

Левидов припоминал это и чувствовал: это больше не повторится в его жизни. Будет, наверно, другое — лучше или хуже, но это не повторится. И чего виноватить вас, дядя Митяй, Дмитрий Егорыч? Что сделано, то сделано, не воротишь. Только не скажу я вам — отец, а мечтал, я же детдомовец, отца-матери не упомню. А ей мечтал сказать — жена, у нас же с ней все было, и куст таволожки был. А теперь ничего нету. Но за письмо вам рабочее и солдатское спасибо, сняли шоры с глаз. Муторно вам было сообщать как есть, по-правдашнему, и мне нынче муторно. Дмитрий Егорыч! А может, ошиблись? Может, что-то не так, бывает же, сплетня, наговоры? Поймите, Дмитрий Егорыч, дядя Митяй: я же живой человек, живой, покуда еще не убитый! И как вам отписать? Вы говорите: самолично решай. А что решить, одному не разобраться, с кем бы посоветоваться! Но друзья-товарищи далеко, кто в могиле, кто на госпитальной койке. Это люди были, с ними не пропадешь, любую напасть выдюжишь, они бы меня поняли, а Зайкин — тот понял бы, хотя б я и смолчал. Догадался бы Зайкин по виду, почувствовал, подсказал бы, как поступить. Человек был! Сгинул? У него же трое пацанов на Орловщине. Сколько вместе оттопали, потом меня ковырнуло под Оршей, а теперь вот нету Зайкина. И вообще никого нету.

Под утро Левидова одолело забытье, нездоровое, прерывистое. Пробуждаясь, он утирал со лба испарину и думал про Зайкина, у которого трое ребят. А во сне виделась Люба: не она его, а он ее провожает на фронт, сует в теплушку охапку красных саранок — изогнутые лепестки в черных крапинках маслянисто блестят, но она отталкивает букет и бьет наотмашь чем-то железным в грудь. Левидов просыпался от боли, гладил перебитую ключицу — последняя, под Оршей, рана.

Сон до странности повторялся, и с каждым пробуждением было труднее дышать: сердце словно стискивали и не отпускали. Письмо, что ли, давит? И чтобы избавиться от каменного удушья, Левидов достал из кармашка треугольник и, скомкав, запустил в печь.

Конец?.. Уж не знаю, как вас кликать. Когда-то, после полянки, вы приказывали, чтоб — Любкой, а я путался: то — Любка, то — Люба, то — Любонька, поласковей норовил. Забыли? Бывает, Любовь Дмитриевна, бывает. Вот и весточки перестали слать. Ладно, не волнуйтесь, где наша не пропадала, и я не буду докучать вам фронтовыми приветами. А папаше вашему, Дмитрию Егорычу, я отпишу, позже отпишу, соберусь с думками, приду в норму. Не серчай и ты на меня, дядя Митяй!

Лежи не лежи, а вставать пора. До чего неохота! Встать — это значит открыть глаза. А открыть глаза — это значит увидать незнакомых, незнаемых людей.

Он открыл глаза и увидел стриженую голову в седых пятнах — сержант, нагнувшись, наматывал портянки.

— Проснулся? — Сержант сунул ноги в сапоги. — Худо, одначе, спал? И я на новом месте первую ночь маюсь... Между прочим, я твой отделенный, Винников. Со мной можно на «ты», понял, Левидыч?

— Понял, — сказал Левидов и поморщился: панибратствуешь, сержант?

Он потер веки — воспаленные, под них как насыпали песка. Вместе со всеми умылся — рукомойником служила трофейная каска с пулевой дыркой; вместе со всеми томился в строю, пока старшина Ануфриев, юркий, с помятыми погонами и с помятой физиономией, выискивал в солдатском белье насекомых; вместе со всеми позавтракал — на сей раз пшенного супа налили безо всяких разговоров; вместе со всеми слушал старшего лейтенанта Юревича на занятиях по материальной части винтовки, изученной и переученной, — Юревич был безус, хмур и нездоров, временами надрывно, до слезы кашлял.

После занятий по матчасти Левидов дежурил в траншее. Она была вырыта по склону пологого холма, мелка и безлюдна. Наблюдая из ячейки за немцами, за ничейным полем, слепившим солнечно-снежным сверком, он прикрывался ладонью, как козырьком, и думал: «Вроде бы в этот час я один на всю траншею. Хуже нету одиночества».

На южном подножье, вокруг проволочных заграждений, пеньков и кустиков, снег дымился, оседал незаметно для зрения, но Левидову казалось, что он замечает это, замечает, как колы заграждения, пни и кусты словно растут вверх. Метрах в десяти от своей ячейки он обнаружил высунувшуюся из снежного плена руку мертвеца. Судя по шинели, немец. В скрюченных пальцах пучок травы, наверное, в предсмертной судороге рванул ее из земли. Безжизненная, очернелая рука и безжизненная, очернелая трава. «Конец», — подумал Левидов.

Из-за леса выдвинулась туча, заглотила солнце, притушила свет. Похолодало, заснегопадило. Крупные хлопья комарами-толкунцами толклись в воздухе, сыпуче струились по полю, засыпали мертвую кисть. Космы метельной мглы то вздымались, то ниспадали. Подняв воротник, Левидов вздохнул: только что была весна, теплынь, а глядь — зима, холод,

А. Тутунов. ПЕРВЫЙ СНЕГ.

ВЫСТАВКА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

На предыдущей странице:

А. **Тутунов.** ПЕРВЫЙ СНЕГ.

В. Басов. СНЕЖНАЯ ЗИМА.

На следующей странице:

Н. Пономарев. В ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ.

«Огонек».

непогодь, быстро подчас все меняется, ахнуть не успеешь.

С дежурства он ввалился в землянку продрогший, в снегу. Старшина Ануфриев проворчал:

— Что бы на воле отряхнуться, — в блиндаж прешь, сырости добавляешь!

Сержант Винников от печки позвал:

— Левидыч! Валяй к огню, обсушись!

Левидов разделся, повесил над накаленной бочкой шинель, ушанку, скинул сапоги. Ануфриев налил ему супа, наложил каши, из фляги нацедил водки.

— Сто граммов. Фронтовые. Законные, — сказал пожилой боец, сосавший сухарь, как конфету.

Старшина что-то буркнул, а сержант Винников засмеялся.

— Завидки берут, Мамоныч? Ты свою норму получил!

Мамонов высморкался при помощи пальцев, затем неизвестно для чего обмахнулся носовым платком и уж затем вымолвил:

— Завидно, товарищ сержант. А как же? Согреется мужичок, развеселится.

Развеселиться? Пожалуй, попробую. И Левидов, запрокинувшись, выпил водку. Мамонов крякнул, Винников снова засмеялся:

— Разделение труда! Левидыч пьет, Мамоныч крякает!

От выпитого Левидову стало жарко, но веселости не прибавилось. Кто крякает? Мамонов? А то еще один крякал — когда в шахматы проигрывал. Дядя Митяй. Давно это было, до войны. И было ли вообще?

Левидов хлебал суп и озирался: старшина с сопеньем завинчивал термос; сержант Винников, задрав к печке плоские ступни, читал газету; Мамонов сосредоточенно сосал сухарь; у стола санинструктор, грудастая, румяная, с ямочками, смазывала ефрейтору шею: ефрейтор был намного выше ее, пригибался, чтоб достала, утробно хрипел: «Фриц не убьет — от чирья загнешься. А медики — помощники смерти! Залечат до гроба». Санинструктор снисходительно роняла: «Невежество! Послухайте, хлопцы, Шнырев медицины не признает. Невежество!» Она улыбалась и отиравшемуся около нее Санае — томному, вкрадчивому абхазцу с усиками-стрелками, и своему пациенту Шныреву, и Мамонову — каждому, с кем встречалась взглядом. И Левидову улыбнулась. Он отвернулся, зачерпнул ложкой со дна котелка: «Глазки строишь? Все вы, бабы, единым миром мазаные. Шнырев не верит в медицину, а я в баб не верю».

Не доев кашу, он соскреб ее на газетный обрывок, отнес Артисту. Пес, позевывая, вылез из своего убежища, заюлил, зачмокал. Когда обрывок был вылизан, солдат в наглаженном обмундировании, выбритый, с бакенбардами, тонкобровый, бросил Артисту сахар. Кто этот с баками и подбритыми бровями? Кажись, Мухин, из нашего же отделения. Пижонистый, а глаза тоскливые. Значит, горе есть.

Ночью Левидов вторично дежурил в траншее. Вьюга присмирела, но морозец держался, на прояснившем небе обозначились звезды, изломы сугробов синё тлели под луной. К рассвету, однако, задул южный низовик, точа сугробины и обещая на день ручейки в ложбинах.

Скоро ли придет сменщик? Хотя спешить особенно некуда ни ему, Левидову, ни сменщику: в обороне все расписано по часам.

Так и пошла жизнь — от смены до смены, между ними сон, дневальство в землянке, поверки, занятия, приход старшины с термосами и хлебом, чистка оружия, нескончаемые солдатские разговоры. Левидов в разговорах не участвовал, в свободное время, укрывшись шинелью, валялся на нарах, или кормил Артиста, или устраивался на бревне за землянкой, дымил цигаркой, уставившись на небо.

А оно каждодневно крепчало синевой, и солнце крепчало жаром. Снег таял, на солнцепеке изостряясь, словно ощетиниваясь, из-под него пузырились ручьи, стекали в траншеи и ходы сообщения, заливали землянки. Серые снеговые островки уже чередовались с буро-зелеными проплешинами травы, с суглинистой желтизной брустверов, с колодезной чернотой воронок.

Н. Пономарев. В ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ.

В апреле отшумел первый дождь, долгий, на полсуток; слизал остатки снега, почва задышала испарениями. На деревьях вспухли почки, орешник выпустил сережки, принявшая в свой ствол разрывную пулю береза исходила в том месте соком. Дальние леса залиловели в дымке. Поля окрест — раздобревшие от влаги и тепла, чего-то ждущие. Чего? Пшеничного, ржаного или льняного семени. Но их засевают осколками — бомбовыми, снарядными, минными.

За первым дождем — первый жаворонок. Он запел прямо над стрелковой ячейкой, и Левидов, грустно, растроганно улыбнувшись, поискал его в вышине и не нашел.

Вернулся в землянку к ужину, ел перловую кашу-размазню, а в ушах — жаворонок; кормил Артиста, поглаживая по пыльной секущейся шерсти, а в ушах — жаворонок; кутался на нарах в шинель, а в ушах — жаворонок.

Дверь в блиндаже была распахнута, и виднелся кусок предвечерних небес, палевых и оранжевых. А может, над окопом пела не птица, само небо пело?

Крученой нитью вязался разговор. Сперва, как водится, сержант Винников и Саная обсудили достоинства пельменей и шашлыка, вслед за тем без лишних пауз перейдя к проблеме второго фронта; Мамонов высморкался посредством пальцев, без надобности обмахнулся носовым платком и таинственной фистулой поведал чрезвычайную, добытую у писаря новость: якобы полк отводят во второй эшелон на отдых; Шнырев прохрипел свое:

— Интересно, братцы, до чего я переменился. Рассудите: до войны просто ненавидел живность... ну, кошек, собак... Нашу Мурку, поверите, лупил нещадно: подвернись мне! А за что? Облизывается, стало быть, съестное стащила. Темнота! А ныне прикидываю: приеду с победой, пару кошек заведем, собачку вроде нашего Бобика, щенята наплодятся...

Старшина Ануфриев выпрямился, измятые черты его выразили строгость:

— Во-первых, до победы требуется дожить. Во-вторых, тоже мне, собачей! Разве не найдется чего-нибудь посущественней, чем разводить щенков?

— Найдется! — загорячился Шнырев. — К примеру, хата порушилась без меня, женка мается. И брательнику жилье подправлю, его из армии по чистой списали: безногий.

— А я, — с прежней суровостью сказал Ануфриев, — я после победы буду родной Ростов-город из развалин подымать. На пару со старухой. Не пожалеем силы, сноровки. Мы ж по специальности каменщики.

Шнырев горячился, хрипел:

— Не путайте личное и общее, товарищ старшина, и я вкалываю в шахте на общую пользу, соскучился по врубовке, как по милахе.

Сержант Винников почесывал темя.

— Что касается моей персоны... переквалифицируюсь. В гражданке я кто? Счетовод. Грамотная профессия, одначе нудная. На Урале в почете кто? Металлисты. Вот и предполагаю махнуть в рабочий класс, к станку...

Мамонов, дожевав сухарь и улучив паузу, веско проговорил:

— Как у кого, а у меня после замирения делов невпроворот. У нас на Орловщине оккупация была. Село спалили, в колхозе ни тягла, ни хлебушка. Государство малость поддержало, остальное собственным хребтом надо... Председатель Артамон Данилыч потому и кланяется мне: скоро ль из отлучки явишься, Василий Герасимыч, в артельной жизни тебя не хватает.

— Хвастаешь, — укорил Шнырев.

— Хвастаю! Есть чем, дорогой товарищ! Ты не гляди, что в данный момент я рядовой, в принципе я полеводческий бригадир, бригада наипервейшая в колхозе. Газеты фото мое печатали, на сельхозвыставку в Москву командировался, медаль оттуда имею. Желаешь, покажу?

Никто не изъявил особого желания, но Мамонов толстыми, негнущимися пальцами запотрошил узелок с наградами. С нар на скамейку спрыгнул мускулистый, гибкий Саная, возбужденно выкрикнул:

— Василий Герасимович, спрячь медаль! У меня за лимоны-апельсины своя медаль! Пожалуйста, мой план слушай! Э, что за план! Гитлера вешаем — я лечу на самолете в Абхазию! Девушку сватаю! Что за девушка! Красавица! Нино! — Саная жестикулировал, топорщил усики, ворочал белками. — Свадьба будет, сто... двести гостей будет! Вас на свадьбу приглашаю! Дом просторный, все поместимся! Два этажа; внизу — кухня, кладовая, еда, вино; наверху — живем... На балкон выйдешь — брызги моря, сады, виноградники! Слева — горы, справа — Сухуми. Сказка! Э, посмотришь — не уедешь!

— Ну, лады, я согласен в твоем раю навечно поселиться, — промолвил скуластый, с заячьей губой боец из другого взвода, прикуривавший у Левидова, и сделал шутливый жест, будто готовится записывать. — Давай адрес!

В землянке захохотали. Сержант Винников сказал:

— Пускай и наши молчуны выскажутся. Вот ты, Мухин, когда демобилизуешься... твой план?

Мухин отозвался нехотя, с усилием, и Левидова в который раз поразило несоответствие форсистых бакенбард, подбритых бровей и скорбного, страдальческого выражения.

— Мой план? Двину в Ленинград, на поиски семьи. Без вести пропала в блокаде. Трое детей было.

— Езжай, — одобрил Шнырев. — Бог даст, и отыщешь след... Специальность-то у тебя какая? Кем работал?

— Директором Дома культуры.

— Директор? — уважительно протянул Мамонов. — А я и не подозревал. Солдатская роба на одну краску красит. По мне определишь ли, что я бригадир?

— И ты, Левидыч, выскажись. Уволишься из армии... что делать станешь?

Шнырев присвистнул:

— Ему служить, как медному котелку: молодой!

А Левидов, хотя и ждал этого вопроса, покраснел.

— Не знаю, товарищ сержант.

— А кто знает? Пушкин?

— Да нет... в общем-то, конечно, знаю. На старом месте токарничать буду, на судоверфи. Мечтаю в вечерней школе учиться, — сказал Левидов и поморщился: «Трудовая линия в ясности. А с Любкой как обойтись... прибуду с войны в Хабаровск, столкнешься, допустим, на улице... что тогда?»

И неожиданная мысль: а не открыться кому со своей незадачей? Левидов отогнал эту мысль — ерунда, невозможно, — но она вновь возникла.

А почему бы не поделиться, осторожно, конечно, намеком? Может, и подсказали бы. Тот же Мамонов. Рассудительный, бывалый. Либо Мухин, он должен понять, у него горе поболе моего. И трое пацанов, как у Зайкина, — откликнется. Все-таки стыдно беседовать про это, про Любку... Сегодня погожу. Завтра? Ладно, утро вечера мудренее.

Но утром было уже не до бесед.

В восемь часов впритык с землянкой упал снаряд — хрустнули, как кости, бревна наката, взрывной волной сорвало дверь с петель, ушиб Шнырева. Землянка наполнилась пылью и вонючими пороховыми газами. Снаряд был вожаком стаи: вдогонку ему ринулись десятки разнокалиберных снарядов. Они подрывали мины на нейтральной полосе, кромсали проволочный забор, заваливали траншеи и ходы сообщения комьями земли, досками, вывороченными с корнем кустами, рушили блиндажи поплоше.

В землянку по ступенькам скатился старший лейтенант Юревич — задымленный, с автоматом, разевая рот в крике. Слов из-за грохота не разобрать, но все поняли: «В ружье!» — и, расхватав из пирамиды оружие, побежали к выходу.

Левидов выскочил из землянки за сержантом Винниковым и остановился: оборона пучилась огнисто-черными разрывами, вздыбленная земля медленно опадала, дым же, сносимый ветром, стойко плыл вдоль переднего края; над ухом фукнул горячий осколок, а Левидов явственно ощутил, как пахнуло холодком — колючим холодком опасности.

Он пригнулся, сзади на него с разбегу наткнулся Мухин, и от этого толчка Левидов обрел уверенность, затопал по ходу сообще-

ния, догоняя сержанта; с пояса сорвалась граната, но он не стал ее поднимать, чтобы не задерживаться.

У сворота в траншею хмурый, затянутый в ремни Юревич подгонял солдат: быстрей по своим ячейкам! Из-за спины Юревича выглядывал старшина Ануфриев, поправляя непомерно большую каску,— единственный, кто успел в сумятице надеть каску.

Ячейка была с осыпавшимися краями, полузавалена. Левидов боком протиснулся, приладил на бруствере автомат, нащупал в нише гранаты — и окончательно пришел в себя. Проклятый фриц, как из-за угла напал, оглоушил. Привык из-за угла нападать. Погоди, мы тебя угостим! Сунься, сунься! Последние слова он произнес вслух, не замечая этого, но зато замечая, как нетерпение охватывает, словно зуд. Нету удержу. Сунься!

И вдруг грохот отдалился, будто отодвинулся в тыл, и человеческий голос стал реальностью:

— Рота!..

Юревич командовал долго, надрывно, а в просветах меж дымными клубами возникали чужие, темные — порождение дыма — фигуры.

— Пли!

Левидов нажал на спусковой крючок, и дрожь автомата мгновенно передалась ему. Дрожали руки, и губы, и колени. Левидов сообразил: и это от нетерпения. Ближе, ближе, чтобы бить наверняка!

Некоторые фигуры падали, иные растворялись в дыму, третьи на виду бежали к траншее, неуязвимые, увеличиваясь с каждым прыжком и представляясь снизу огромными. Немцы стреляли из автоматов, метров за тридцать начали швырять гранаты.

И Левидов бросил им под ноги гранату, вторую; больше в нише не было. Он схватился за пояс, запоздало пожалел: потерял ту, на ремне, гранату, надо было поднять. Как пригодилась бы! На него бегут двое — очкастый, в рогатом шлеме, и бледный, в расстегнутом мундире, с парабеллумом. Ах, гранатку бы, я б вас!

Об автомате он вспомнил, лишь когда оба немца спрыгнули в траншею, с разных сторон ячейки. Того, в распахнутом мундире, Левидов стеганул из-за уступа очередью, как бы пригвоздил к стенке, немец постоял-постоял и уж потом сполз. Очкастый поостерегся, метнул гранату. Левидов поймал ее на лету за длинную деревянную рукоять, перекинул обратно. Взрыв, захлебывающийся вопль.

Получили? И остальные получат! Где вы, остальные? Левидов прислушался: и там и сям выстрелы, гранатные взрывы, крики, стоны. Он перешагнул через трупы, затрусил по траншее.

Вскоре пришлось переступить еще один труп: старшина Ануфриев, маленький, с мятыми, запачканными кровью погонами, в большой каске, сжался в комок на дне траншеи. Левидов затормошил его: «Товарищ старшина... товарищ старшина...» Тормоши не тормоши — мертвый. Не успел остыть, но мертвый. И каска не спасла. Кто ж теперь будет со старухой подымать из руин Ростов?

Левидов поправил подвернутую руку Ануфриева и, сразу устав, сутулясь, двинулся дальше. Где ты, боевой азарт, будоражащий и бодрящий? Нет тебя, есть усталость, соленая и мутная волна, подступающая к глотке, и сознание какой-то вины перед покойным Ануфриевым. Но она, вина, требует того же: стреляй!

У пулеметной площадки на Левидова набросился немец, обхватил сзади. Левидов ногой ударил его в живот, освободившись, вскинул автомат. Но выстрелов не последовало. Осечка? Заело? Он нажимал на спуск, а немец, белокурый ражий унтер-офицер, растопырив пальцы, шел на него и почему-то тоже не стрелял. Левидов попятился, унтер, скорчив гримасу, прыгнул к нему, они сцепились и упали.

Прижатый к земле Левидов бил немца кулаками, тот душил его костлявыми липкими пальцами, обдавая винным перегаром. Левидов дергался, слабел. Проклятый фашист, из-за угла привык? Значит, смерть — это костлявое, липучее, с дурным духом?

Но пальцы немца разжались, он обмяк, кулем свалился. Как в кино сменили кадр — другое лицо: смуглое, горбоносое, усики-стрелки, белки навыкате.

— Левидов? Вано? Вставай, пожалуйста!

Пошатываясь, Левидов оперся на плечо Санаи, отдышался:

— Спасибо, выручил. Слышь, друг, добром отплачу.

— Э, что за счеты-пересчеты! Выручил — хорошо! Сердце мое говорит: Шота, у тебя сейчас сын родился! Ты — мой сын!

— Ну, сын,— сказал Левидов.— Мы, считай, одногодки. Брат — это да.

— Не спорь! Сын! Э, из Берлина полетим в Абхазию! Дом — два этажа! Выйдешь на балкон — кактусы, олеандры, Черное море! Вино пьем, шашлык кушаем!

Поддакивая, Левидов сменил магазин. Вроде и усталость улетучивается, опять охватывает нетерпение. Фрицы, получайте что положено, где вы? Драпаете? Драпаете! Пробкой вылетаете из траншеи, задаете лататы!

Левидов самозабвенно хлопнул себя по ляжке и, заорав «ура», вспрыгнул на бруствер. Он бежал за отстреливающимися немцами по упругой и одновременно податливой, как тесто, почве, оступаясь и обливаясь потом, бил короткими очередями. Он ничего не слышал, кроме собственного крика, но верил: кричит рота: никого не видел, кроме мышино-серых силуэтов, но верил: товарищи с ним.

И действительно, вскоре его обогнал сержант Винников — в разорванной гимнастерке, без пилотки, сверкая седыми пятнами на затылке, затем Саная и Мухин — с двумя автоматами. Мухин проскочил молча, а Саная выкрикнул неразборчивое. Не отставай, наверное? Запалился я, ребята, но не отстану, подтянусь! А это кто? С забинтованным запястьем, в щетине, вскидывает пятки? Мамонов? Ничего себе старикан, недаром завсегда корил: «Куда вам, молодежи, до нас!» Погоди, бригадир, меня не обойдешь!

«Ни за что не обойдешь!» — подумал Левидов и споткнулся, упал.

Ругнувшись, попробовал подняться и замычал от боли. Нога, что с ногой? Оступился, подвернулась? Ой, как раздирает в колене! Кровь? Ранен? Хлещет-то! И предплечье болит, рукав кровью пропитался. И сюда клюнуло?

Окружающий мир рябился кругами, мутило. Слабость опрокинула, ткнула щекой в суглинок, на котором кучились желтые цветки. Что за цветики? Как их... олеандры? Совсем не то. Как их?

Распластавшись, он силился припомнить, и в глазах у него желтели то круги, то цветы, и осыпало его то зноем, то стужей. Как полчаса либо час назад: горячий осколок и холод опасности. Но бывает и так: одна сторона у листьев пушистая, теплая, а оборотная — голая, прохладная. Мать-и-мачеха. Ну да, это и есть мать-и-мачеха, цветик у моей щеки. Считай, не было у меня матери. Мачехи и подавно. Мечтал одного старика назвать отцом, а ее — женой. Люба, Любка, далеко ты от меня!

Позывы на рвоту прекратились, но боль... проклятая, раздирает. Ноздри забиты пылью, жажда. Не хочу помирать! Товарищи, отзовись! Вон где стрельба, во фрицевской траншее, значит, вы там! Фрицы получили что положено! Сунулись — разведка боем? Разведали нашу силу? А сколько у меня достанет силы пролежать тут, в крови? И сколько я лежу?

Кто-то плюхнулся подле Левидова, схватил за руку. Пульс щупать? Да не помер я!

Левидов застонал, приподнял веки: ямка на подбородке, разлатые брови, русые завитушки.

— Это... ты?

— В сознании, хлопец? Я это, Ирина, ротный санинструктор!

— А я думал...

— А ты не думай: тебе вредно. Слухай, потерпи маленько. Перевязочку — и вынесу в укрытие!

Касаясь Левидова грудями, она перебинтовала, как запеленала, раны, наложила жгут, взвалила его на спину и поползла. Любое ее движение причиняло Левидову боль, но он крепился — зубами поскрипывал. Воронки, немецкие трупы, бугорки — не дай боже, мина! Давно ли она его тащит, когда дотащит?

В овражке с обнаженным пластом, под разлеглым вязом, Ирина осторожно спустила с себя Левидова:

— Потерпи маленько. Придут за тобой.

Люди сновали по оврагу, протарахтела повозка. Два дюжих санитара, перебраниваясь, уложили Левидова на брезентовые носилки, пристроили в головах вещевой мешок, укрыли шинелью. Он лежал не двигаясь, и юношески-тонкие черты его тоже были неподвижны, бескровны, ветер шевелил каштановую прядь на высоком, чистом лбу.

С проезжавшей брички соскочил старший лейтенант Юревич, наклонился над носилками: «Прощай, Левидов! Доложил комбату, он принял решение: представить тебя к Красной Звездочке. Выздоравливай!» — закашлялся, помахал пилоткой и торопливо ушел.

«Буду кавалер трех орденов»,— вяло, как сквозь сон, подумал Левидов. И еще подумал, что пословица оправдывается: все к лучшему, ранен, а могло убить, отлежусь в госпитале. Но он не согласился с собою. К лучшему? А куда направят по излечении? Больше так не повезет, в это подразделение не попаду. И не встречусь с ротным Юревичем, с сержантом Винниковым, с Шота Санаей... а старшина Ануфриев погиб, без него восстановят город Ростов... И санинструктора Иру не увижу, и Мамонова не увижу, и Мухина, и Шнырева, и других, с кем познакомился и кто вошел в мою судьбу. Не поминайте лихом, товарищи!

Санитары примерялись к носилкам. Из-за их сапог вынырнул пес — надо же, Артист! — повизгивая, лизнул Левидова в щеку, словно прощально поцеловал. Санитары прогнали его: «Пшёл, кабыздох!»,— взялись за ручки. Но раньше, чем они мерно, в ногу зашагали, Левидов привстал на локте и глубоко, с толком вдохнул, и ему почудилось, что он уловил между запахами пота, крови, дыма уже не угадываемые, а действительные, живущие запахи весны: парная земля, распустившиеся почки и цветущая лесная фиалка.

Радиоэхо Кабанова

Н. И. Кабанов.

Фото В. Мусинова.

Долго, очень долго среди радиоспециалистов было распространено мнение, будто надежную дальнюю радиосвязь можно наладить только на длинных волнах: они-де дальнобойнее.

Но все же вскоре короткие волны стали широко применяться для радиосвязи. Они оказались способными, делая огромные, многокилометровые «шаги», обойти весь земной шар, отражаясь попеременно от двух своеобразных зеркал: нижнего слоя ионосферы и поверхности Земли. Два гигантских изогнутых экрана отбрасывают короткие радиоволны, и они бегут огромными скачками и несут информацию. Когда мы говорим по радиотелефону с Мирным, мы заставляем работать короткие радиоволны; когда мы включаем на радиоприемнике диапазон «КВ», мы тоже пользуемся их услугами.

И все же считалось, что информацию может нести лишь прямой луч, идущий в том направлении, куда мы его направили, или отраженный от какого-то объекта. На способности отраженного прямого луча нести информацию основана радиолокация: луч уходит от прибора, что-то отыскивает в пространстве и, отразившись, возвращается обратно, неся сведения, характеризующие объект. Но может ли вернуться к месту отправления луч, заглянувший за геометрический горизонт Земли? Может ли он преодолеть ее кривизну?

«Нет, никогда»,— утверждали крупнейшие зарубежные специалисты, основываясь на вычислениях известного английского радиофизика Т. Эккерслея.

«Да, может»,— сказал себе в 1946 году советский ученый Николай Иванович Кабанов.

Именно с этого времени начались его работы по обнаружению отраженных откуда-то издалека коротких радиоволн. Рядом экспериментов Кабанов доказал, что, отражаясь от неровностей земной поверхности, пучок коротких радиолучей возвращается по тому же каналу, по которому он удалялся.

Уже в начале следующего, 1947 года предположения подтвердились. Николай Иванович поделился наблюдениями с другими радиоспециалистами. И скоро стало очевидно, что Н. И. Кабанов сделал крупное открытие, несущее в себе ряд интересных практических перспектив.

И вот мы в Комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР присутствуем на торжестве вручения кандидату наук Н. И. Кабанову диплома на открытие. Ученого поздравляют виднейшие радиофизики, работники комитета.

Председатель комитета А. Ф. Гармашев, вручая автору диплом № 1, отмечает, что работы Кабанова открывают интереснейшие перспективы развития средств радиосвязи, дают возможность выбирать лучшие режимы работы радиопередатчиков и как результат этого освобождают эфир от помех, которых с каждым годом становится все больше.

Далеко не каждая работа удостаивается чести быть признанной открытием. Регистрации в качестве его подлежат только такие научные исследования, которые приводят к расширению наших познаний о материальном мире, позволяют обнаружить принципиально новые, неизвестные ранее, объективно существующие закономерности, свойства и явления в природе, предполагающие ускоренное движение вперед в науке и технике. Кроме решения крупных познавательных задач, открытия обычно служат базой для создания многих изобретений.

Открытие Кабанова — научное достижение, плоды которого будут пожинать и будущие поколения. Ведь недаром на конференции в Лос-Анжелосе, где был прочитан доклад Кабанова, он вызвал такой живой интерес. Особо отмечалось, что открытие советского ученого — начало новой эпохи в радиотехнике.

Мы просим Николая Ивановича подробнее вскрыть сущность сделанного им открытия, рассказать, какие, по его мнению, оно имеет перспективы развития.

— Очень сложно ответить на этот вопрос, — задумавшись на мгновение, говорит Н. И. Кабанов. — Правда, работы вышли из стадии эксперимента и уже находят практическое применение. Но это — только начало. Представляется мне, что главное впереди.

Вызываемое Землей дальнее коротковолновое рассеяние представляет собой новую область радиофизики и практической радиотехники. Оно может быть использовано для повышения эффективности коротковолновых линий радиосвязи, а также в ряде других научных и практических областей радиотехники.

Наиболее широко открытое явление сейчас используется в интересах дальней радиосвязи на коротких волнах для выбора более выгодных частот, для исследования и наблюдения за состоянием ионосферы.

Учет вызываемого Землей дальнего коротковолнового рассеяния позволяет существенно уточнить работу коротковолновых радиолиний, уменьшить взаимные помехи радиостанций.

Открытие Н. И. Кабанова вносит существенные исправления в теорию распространения коротких волн. И во все учебники, во все книги оно войдет под названием «эффект Кабанова». Этот эффект получил и второе, неофициальное название — «радиоэхо Кабанова».

О многом, об очень многом поведает миру это эхо!..

В. ПЕТРОВ

Молоко в пакетах

«Дайте мне два пакета молока!» Скоро эта фраза станет привычной для нашего слуха. Сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института продовольственного машиностроения разработали оригинальную автоматическую линию разлива молока в бумажные пакеты.

...Оператор нажал кнопку. С двух рулонов поползли бумажная и полиэтиленовая ленты. Специальное устройство соединило эти ленты в бесконечную трубу с двумя стенками — внутренней, полиэтиленовой, и наружной, бумажной. Другой механизм налил в «трубу» молоко, а электрический резак-сварщик начал от нее отсекать небольшие кусочки — пакеты, предварительно заварив место отреза.

Автоматическая линия изготовляет в час три тысячи шестьсот полулитровых пакетов с молоком.

Бумажные пакеты удобны для транспортировки. Они не бьются, легки, дешевы. Молоко в них «упаковано» без доступа воздуха, поэтому оно сохраняется дольше, чем в бутылках.

Сосиски и полиэтилен

Руководитель лаборатории полимеров Всесоюзного научно-исследовательского института мясной промышленности Нина Николаевна Шишкина положила на стол толстую книгу.

«Наша новая продукция», — сказала она. Перевернула страничку. Сквозь полиэтиленовую пленку мы увидели ломтики копченой колбасы. На другой страничке — пять сосисок, дальше — кусочки грудинки, ветчины...

Пластмассовая оболочка не только предохраняет продукты от загрязнения, но и способствует более длительной их сохранности. Дело в том, что машина, которая укладывает в полиэтиленовый пакет мясные изделия, одновременно выкачивает из него воздух.

Продуктами в пленочной упаковке хорошо смогут торговать механические «продавцы» — автоматы. Опустил монету — и из окошечка выскочил аккуратный сверточек с завтраком.

Н. ТЕТЕРИН

Станция „Мальчики"

Повесть

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рисунки П. САРКИСЯНА.

1. Закопченное стеклышко

Вам когда-нибудь приходилось смотреть на солнце через закопченное стеклышко?

Голубое небо становится серым. Белые облака чернеют. А ослепительное солнце превращается в маленький тусклый шарик. Как поплавок, плывет оно в темных волнах. То исчезнет, то появится снова. Говорят, сквозь закопченное стекло видны протуберанцы — огненные языки солнечного пламени...

Почему Алеша вспомнил об этом? Разве ему сейчас до какого-то стеклышка? И при чем здесь протуберанцы?

У Алеши горе. Это оно красит в черный цвет и небо, и облака, и ледяную горку. Если бы горе можно было оторвать от глаз, как закопченное стеклышко, и забросить куда-нибудь далеко-далеко...

На улице морозно. Снег под Алешиными шагами хрустит так громко, будто кто-то рядом грызет пористый сухарь: хруп, хруп, хруп. Но Алеша не слышит своих шагов. Он идет по бульвару в бурой дубленой шубке, видавшей виды, в лопоухой шапке-ушанке, в шершавых варежках на тесемочках (чтобы не потерялись). Глаза у Алеши большие, серые. Но стоит ему улыбнуться, как они сразу пропадают и вместо них остаются две узкие щелочки. На скулах у Алеши веснушки, хотя до весны еще далеко. И на порозовевшем от мороза чуть приплюснутом носу тоже расположилось несколько веснушек. Алеша никогда не обращает на них внимания. Это только мама гладит их пальцами и говорит:

— Если верить твоим веснушкам, то на свете нет ни лета, ни осени, ни зимы. Одна весна.

Бульвар длинный и седой. Нет ему конца, морозному, ледяному, похожему на лесную просеку. Здесь сейчас пустынно, как в лесу, и только краснобокие трамваи, мелькающие за деревьями, напоминают о том, что здесь город. Сегодня воскресенье. Красное число. Но оно для Алеши не красное, а черное.

Вы знаете, что такое горе?

Если вы сломали свой самокат, или набили себе шишку, или у вас не хватило денег на билет в кино,— знайте, это еще не горе. И не стоит из-за этого печалиться.

Горе — это когда не удалась жизнь.

Что значит «не удалась жизнь» и что надо сделать, чтобы она удалась? У кого спросить? Может быть, у этой бабушки — случайной прохожей: ведь бабушка давно живет на свете, ей все должно быть известно. А может быть, у нее самой не удалась жизнь?

2. Ссора

Ссора в доме началась утром.

Алеша слышал из-за стенки, как папа крикнул: «Хватит!»,— а мама сказала: «Нет, изволь выслушать!» И она говорила долго и тихо. Потом они говорили оба, перебивая друг друга. Алеша не слышал, о чем они говорили, но по голосам он почувствовал, что каждый старается сделать другому больно. До него долетали обрывки обидных слов.

Алеша не видел отца, но он знал, что папа каждое слово сопровождает взмахом руки, словно бросает его, как камень. А мама при каждом слове щурит глаза (как Алеша, когда улыбается), словно ожидает удара.

Алеша встал со стула и подошел к стенке. Нет, нет, не потому, что ему хотелось подслушать разговор родителей, ему не терпелось дождаться, когда наконец кончится ссора и наступит мир.

Но мир не наступал.

— Ты не думаешь о ребенке,— сказала мать.

— При чем здесь ребенок?— ответил отец.— Ребенок здесь ни при чем.

— Вот-вот,— подхватила мама,— я ни при чем, ребенок ни при чем. Один ты.

А мальчик стоял у стены, словно наказанный, и слушал и слушал этот резкий разговор. Каждое слово ударяло его по сердцу. А глаза его наполнялись слезами. Ему хотелось открыть дверь, вбежать в комнату и крикнуть:

«Папа! Мама! Я люблю вас обоих. Почему вы ссоритесь? Ведь вы оба хорошие».

Но он продолжал стоять на месте. Ноги не двигались, будто магнит держал подметки башмаков.

Ему было стыдно, что он подслушивает, и кровь ударяла ему в лицо. И от бессилия, от стыда, от горькой обиды слезы накапливались в глазах и текли, текли...

Мама сказала:

— Жизнь не удалась.

И замолчала.

А папа ходил по комнате. Алеша слышал его тяжелые, большие шаги. И ему казалось, что с каждым шагом отец все дальше и дальше уходит от него.

Жизнь не удалась... Что значит «жизнь не удалась»? Алеша стоял перед холодной стеной и слушал шаги отца, словно они могли дать ему ответ на этот тяжелый вопрос. И вдруг Алеша понял, что он виновник ссоры отца с мамой. Ведь его имя так часто доносилось из-за стенки: ребенок, Алеша, сын.

А что, если Алеши не будет? Тогда все в доме будет тихо и мирно: не из-за кого будет ссориться. Разве это не так?

Алеша почувствовал, что невидимый магнит, крепко державший подметки его ботинок, вдруг ослаб. Мальчик отошел от стены и тихо направился к двери.

Шубка-дубленка и шапка-ушанка. Шарф. И варежки на тесемочке, чтобы не потерялись...

Никто не слышал, как дверь тихо закрылась за Алешей. Как щелкнул медный язычок французского замка. Как замерли его шаги на каменных ступеньках лестницы.

3. На край света

На улице все люди выглядят счастливыми. Никто не плачет. Никто не вздыхает. Никто не жалуется. И поэтому кажется, что несчастлив ты один и нет у тебя товарищей по несчастью, а от этого несчастье еще тяжелее. И Алеша сердито смотрел на людей, которые попадались ему навстречу.

«Что же это такое получается? — думал он.— Если самые дорогие люди причиняют тебе боль, то чего же ждать от чужих людей?»

Никто не сказал Алеше доброго слова, не потрепал его по плечу, даже не обратил на него внимания. Ведь на улице все люди кажутся счастливыми. Вероятно, прохожие приняли и Алешу за счастливого.

И тогда мальчику захотелось крикнуть на весь бульвар: «Неправда! Мне плохо! Я навсегда ушел от папы и от мамы!» Пусть все знают, что он несчастливый. И пусть никто не принимает его за счастливого!

Но Алеша не произнес ни слова. Он только ускорил шаги. И от этого снег захрустел еще громче. Алеша старался отвлечься от своих мыслей. Он смотрел по сторонам. Не пропускал ни одной ледяной накатанной дорожки, чтобы не прокатиться на ногах. Поддавал ногой каждую попавшуюся на глаза льдинку, и она летела по дорожке, как самая настоящая хоккейная шайба.

Но тяжелые мысли о доме снова и снова возвращались к Алеше, и он шел, уставясь в одну точку перед собой, шел куда глаза глядят. А куда они глядят?

Папа с мамой думают, что он, Алеша, ничего не замечает, что он маленький. Странные люди! Они забывают, что Алеше уже восемь лет. Он все видит. Все слышит. Все понимает. Он понимает, что жизнь не удалась. Ну и что же, что не удалась? Сегодня не удалась. Завтра не удалась. Может быть, послезавтра удастся? Ведь не все же дается легко. Это Алеша хорошо усвоил. И еще он усвоил, что надо бороться.

И он боролся.

Когда папа звал его в кино, он говорил: «Пусть с нами пойдет мама». Когда мама при-

глашала его гулять, он обязательно старался, чтобы папа тоже шел на сквер. Он появлялся в комнате, когда чувствовал, что начинается ссора. Он знал, что мама тут же скажет: «Что ты говоришь при ребенке!», — и ссора потухнет. Надолго ли?

Иногда он думал так: если у мамы не будет Алешки, то будет у нее один папа, а у папы будет мама. Не может же человек быть одиноким. И они будут вдвоем. А он, Алешка...

И вот его нет. Он шагает по утреннему морозному городу, по родному городу, который сейчас кажется ему холодным и чужим. Он ускоряет шаги, словно надеясь на то, что горе не угонится за ним и отстанет. А если уехать куда-нибудь далеко, то оно и вовсе потеряет Алешу из виду.

И он решил уехать.

Куда?

Не все ли равно? Хоть на край света. Чем дальше, тем лучше.

4. Вокзал

Если во всем городе снег белый, то у вокзала он всегда черный. Тысячи ботинок, галош, валяных сапог днем и ночью топчут его, оставляя свои большие и маленькие отпечатки. Не успеет метель постелить перед вокзалом свежий половичок, как его тотчас же истопчут. И он будет лежать грязным до следующего снегопада.

Если обычная улица похожа на реку, то привокзальная — на водоворот: здесь люди ходят в два раза быстрее, говорят в три раза громче и носят на своих плечах такие тяжелые тюки и чемоданы, какие в другом месте вряд ли пришлись бы им под силу. Возле вокзала каждый куда-то бежит, что-то ищет, кого-то зовет.

Алеша не заметил, как очутился в этом вокзальном водовороте. Сначала он шел не торопясь. Шел как человек, которому некуда спешить. Он даже умудрился остановиться, чтобы внимательно осмотреть здание вокзала. Вокзал был похож на старинную крепость с башнями и зубцами. Над входом синел циферблат огромных часов. На нем рядом с цифрами были изображены различные существа: теленок, скорпион, рак. В древности каждый такой знак имел свой особый смысл. Назывались они «знаки зодиака». Алеша не успел рассмотреть всех существ, изображенных на вокзальных часах. Над самым ухом прозвучал басистый голос:

— Эй, посторонись!

Алеша едва успел отскочить, как мимо проехала тележка, нагруженная целой горой чемоданов. Алеша посторонился и тут же попал в поток пассажиров. И как нелегко пловцу выбраться из речного водоворота, так непросто противостоять потоку людей у вокзала. Этот поток подхватил Алешу и внес его в здание вокзала.

Вокзал гудел, как улей. Люди плакали и смеялись, кричали и обнимались. Два слова царили под этими сводами: «до свидания» и «здравствуйте».

Но Алеше некому было сказать ни здравствуй, ни до свидания. Никто его не встречал и не провожал. Никто не обращал внимания на мальчика в бурой дубленке и лопоухой шапке. Он двигался в потоке людей, как самодельный кораблик с газетным парусом.

Так Алеша очутился у кассы.

Он остановился перед расписанием и, запрокинув голову, стал читать названия городов и станций, куда следуют поезда. «Куда бы это поехать? В Казань или в Свердловск? А может быть, еще дальше — в Ташкент?»

И тут Алеша обратил внимание на то, что рядом со станцией назначения стояла цена билета. Билет до Казани стоил восемьдесят рублей, а до Свердловска — в два раза дороже. Алеша опустил руку в карман и извлек оттуда все свои капиталы — четыре рубля тридцать пять копеек. Куда можно уехать на четыре рубля тридцать пять копеек? На такие деньги далеко не уедешь.

Алеша еще раз поднял глаза на расписание, и тут взгляд его упал на строку, которая была почти на самом верху. Он прочел: «Станция «Мальчики», цена билета — три рубля пятьдесят».

Алеша прочел это странное название и улыбнулся ему, как старому знакомому. Где находится эта загадочная станция «Мальчики»? И почему она так называется? Может быть, на этой станции живут одни мальчики и нет ни взрослых, ни девчонок? И может быть, эта незнакомая мальчишеская станция приютит человека, которому не нашлось места в большом городе? И он не будет несчастным и одиноким?

У Алеши потеплело на душе. Он решительно подошел к маленькому полукруглому окошечку кассы, протянул деньги и сказал:

— Билет до станции «Мальчики»!

Глухо стукнул компостер, пробивая дырочки, и перед Алешей очутился маленький картонный билет. Алеша приподнялся на цыпочки, взял билет, сжал его в горячий кулак и отошел в сторону. Тут он разжал руку и внимательно посмотрел на билет: это был обычный билет ближнего следования с дырочкой посередине, с указанием цены, числа, зоны. На обороте было написано: «Действителен для выезда в течение трех часов с момента выдачи». Медлить было некогда. Алеша посмотрел на билет, как на путевку в совершенно иную, незнакомую жизнь. От этого билетика зависело, что произойдет с Алешей, какая судьба ждет его.

Он сунул руку в карман и зашагал на перрон.

5. Судьба

Если бы на вокзале было безлюдно и тихо, может статься, Алеша бы еще стал раздумывать, ехать ему или нет. Но человек с билетом, попавший на вокзал, напоминает вагон, стоящий на рельсах. Никакая сила не заставит его изменить решение и сойти с рельсов. И все его колебания имеют не больше веса, чем сомнения вагона: идти ему по рельсам за паровозом или свернуть на лужок.

Алеша встал на невидимые рельсы вокзала и послушно шел по ним туда, куда ему было начертано билетом. А вокруг все кипело, спешило, двигалось.

Пробежала молочница, громыхая пустыми бидонами. Прошла женщина с двумя ребятишками, закутанными по самые носы. Три девочки с косичками пронесли на плечах лыжи. Загнутые носики лыж были спрятаны в аккуратные мешочки: иначе не пустят в вагон. За ними прошла продавщица мороженого. Она была круглая, закутанная, от нее веяло летним зноем, ибо продавать мороженое можно только тогда, когда тебе жарко. Поверх сорока одежек на продавщице был белый халат, который выделялся в толпе. Она несла на плече здоровенный ящик, похожий на футляр от баяна, и жарким, раскатистым голосом распевала стихи о своем несезонном товаре:

Пломбир продаю,
Продаю эскимо!
Жевать не придется:
Растает само!

Люди шли в пальто и в шубах, в куртках и шинелях. И все спешили, хотя до отхода поезда оставалось десять минут.

Алеша дошел до четвертого вагона и остановился. «Поеду в этом»,— подумал он и тут же решил войти в следующий. Но следующий вагон оказался вагоном для пассажиров с детьми, и Алеша, презрительно покосившись на белую табличку, прошел дальше.

Наконец у головного вагона он остановился и оглянулся. Тайная надежда прокралась в его сердце: а вдруг мама и папа помирились и спешат за ним? Он стал жадно всматриваться в лица спешащих пассажиров, привставал на цыпочки, дошел обратно до вагона «Для пассажиров с детьми». Но нигде не было видно ни серой маминой шубки, ни черного папиного пальто. Алеша сжал руки в кулаки, чтобы не заплакать, и тут почувствовал в ладошке жесткий кусочек картона. Это был билет. Это была его судьба.

— Поезд отправляется! — с расстановкой произнес голос из громкоговорителя.

Перрон опустел. Алеша подбежал к вагону и вошел в тамбур. Еще раз он высунулся, чтобы оглянуться. Перрон был пуст. Поезд медленно поплыл по рельсам, он шел вперед, на станцию «Мальчики».

6. «Ваши билетики!»

Когда Алеша вошел в вагон, свободных мест уже не было.

Пассажиры — вагонные новоселы — быстро обжили свой временный дом на колесах. Кто читал газету, держа ее перед собой на вытянутых руках; кто, сладко посапывая, дремал, упершись в грудь подбородком; кто с удовольствием уписывал эскимо, купленное у жаркой круглолицей продавщицы. Трое парнишек в форме ремесленного училища бились в домино с сухим безбородым стариком. Старик поднимал кость над головой, со стуком обрушивал ее на чемоданчик, заменявший стол, при этом он приговаривал: «То-то и оно-то! То-то и оно-то!»

Все пассажиры так удобно и основательно устроились в вагоне электрички, словно ехали уже давным-давно.

Алеша прислонился к стенке и расстегнул две пуговки своего дубленого тулупчика. В вагоне было жарко, и колючий иней тут же стаял с ресниц, с краешка мохнатых ушей шапки, с воротника. Алеша стоял на одной ноге, а вторую слегка подогнул, как аист. Он смотрел в окно. В белом квадрате, как на экране кино, мелькали столбы, светофоры, будки. Город не хотел сдаваться пригороду, и еще долгое время в окне проплывали высокие дома с внушительными вывесками магазинов. У Алеши в первом классе появилась привычка читать вывески. Но сейчас он не замечал привычных слов: «Мебель», «Продмаг», «Домовая кухня». Хотя написаны они были аршинными буквами.

Но вот высоких домов становилось все меньше и меньше. Владения города кончались. Началось царство белых полей, перелесков, одноэтажных домиков.

Рядом с поездом по шоссе мчался последний представитель города — автобус. Он несся изо всех сил, не желая отставать от поезда, напоминая пассажирам о том, что город еще недалеко. Но вот и он отстал. А вместе с ним оборвалась последняя ниточка, связывавшая Алешу с городом.

С каждым оборотом колес поезд увозил Алешу все дальше и дальше от родного дома. И Алеша был уверен, что уезжает он на всю жизнь. Может быть, он и вернется домой, но через много-много лет. Папа и мама будут уже старенькими, седыми, а он сам превратится в высокого, плечистого мужчину. Что он будет делать все эти годы и каким образом он станет самостоятельным, взрослым человеком? Об этом Алеша сейчас не думал.

Говоря по чести, Алеша всю жизнь мечтал о путешествиях. И хотя в наш век парусный флот давно уступил место быстроходным дизель-электроходам, Алеша представлял себе путешествие только на борту белокрылого фрегата. Тяжелые волны разбиваются о форштевень. Скрипят мачты. Хлопает парусина. А он, Алеша, стоит у штурвала в брезентовой куртке с башлыком и вытирает с лица ладонью соленые брызги океана. Пятую ночь не спит команда. Пятые сутки никому не передает штурвала капитан Алеша. Усталость валит его с ног, но он ведет свой сорокапушечный фрегат через шторм к далекому берегу...

О чем говорят колеса? Рассказывают друг другу свои истории или читают скороговорки? Никогда не думал Алеша, что путешествие на простой дачной электричке окажется таким трудным. Куда труднее, чем на воображаемом фрегате. И хотя поезд мчался вперед, мысли мальчика побежали назад, в город, к трехэтажному дому, что стоит в переулке, выходящем на бульвар.

— Приготовьте билетики! Приготовьте билетики!

Алеша оторвался от своих мыслей. И хотя билет был у него в кулаке, он заволновался. Вдруг что-нибудь не так? Он разжал ладошку, чтобы удостовериться в том, что билет на месте, и в глаза ему бросилась вещая надпись: «Действителен для выезда в течение трех часов с момента выдачи». Алеше казалось, что с того момента, как он пришел на вокзал, прошла целая вечность и билет утратил свою силу.

А контролер шел по вагону с блестящими

щипчиками и весело щелкал билеты, как орешки: щелк, щелк, щелк.

— Ваши билетики!

Алеша протянул билет высокому контролеру и с опаской посмотрел на него снизу вверх.

— Один едешь? — спросил контролер, рассматривая Алешин билет.

— Один,— ответил Алеша и заволновался: может быть, что не так?

Но контролер, осмотрев билет, вложил его в никелированные челюсти щипчиков и щелкнул: значит, все в порядке. Потом он протянул билет маленькому пассажиру и добродушно заметил:

— Как это тебя, такого маленького, родители отпускают?

— Я не маленький,— сказал Алеша.

Контролер пропустил его слова мимо ушей и спросил:

— В гости, небось, едешь?

Алеша ничего не ответил. Он относился к той породе людей, которые не умеют врать. Такие люди краснеют, переминаются с ноги на ногу и молчат, а против своей совести не пойдут. Объяснять незнакомому контролеру печальную историю своего путешествия на неведомую станцию «Мальчики» Алеша не хотел, а врать не мог. Поэтому он опустил глаза и молчал.

— Молчун,— сказал контролер и, смерив Алешу строгим взглядом, зашагал дальше.— Приготовьте билетики!

Спящие поднимали головы. Читающие складывали газеты. Любители домино лезли в карман за билетами. И только поезд не обращал ни малейшего внимания на контролера и несся вперед, навстречу станции «Мальчики».

7. Снежный человек

На улице люди редко заговаривают друг с другом, а в поезде это в порядке вещей. Будто, очутившись под одной крышей, люди стали ближе друг другу. И нередко в вагоне происходят такие интересные разговоры, каких не услышишь даже в кругу друзей. И если никакие расстояния не могут оторвать человека от невеселых мыслей, то интересному разговору это под силу.

— Слыхали? Опять обнаружены следы снежного человека!

Человек, произнесший эти слова, сложил вчетверо шуршащий лист газеты, снял очки и осмотрел своих соседей с таким видом, как будто это он, а не кто другой обнаружил следы неведомого существа.

Эта фраза была подобна спичке, брошенной в охапку хвороста, предварительно облитого бензином. Пламя заинтересованности охватило всех. Пассажиры заговорили о снежном человеке.

— Что вы говорите! А я думала, это сказки.

— Сказки? Как бы не так! От сказок следы не остаются!

— А какой он, сердечный, этот снежный? Говорят, зимой босиком бегает и ноги не застужает. Так кто же он: зверь или человек?

— Наука не дала еще точного ответа, ближе он к обезьянам или к человеческой особи. Идут поиски. Если снежного человека удастся поймать и привезти...

— Его нельзя привозить... Он дышит разреженным воздухом, а у нас он задохнется, как рыба!

Последние слова были произнесены Алешей. Он внимательно прислушивался к разговору о снежном человеке, и в тот момент, когда в вагоне электрички решалась судьба неведомого человекоподобного существа, Алеша не выдержал. Он почувствовал, что обязан вступиться за беззащитного снежного человека. Он продолжал:

— И ловить его нельзя. Ведь если он человек, значит, должен быть свободным.

Алеша замолчал, переводя дыхание. А человек, возвестивший пассажирам о новых следах своего снежного сородича, надел очки и смерил взглядом непрошеного оппонента (этим словом в мире науки заменяют слово «спорщик»).

— Молодой человек, оказывается, располагает более точными сведениями о снежном человеке! — произнес он и вновь оглядел всех своих соседей, словно желая убедиться в их поддержке.— Тогда, может быть, он сообщит нам, где вообще обитает снежный человек?

— В Тибете! — выпалил Алеша.

— А где находится Тибет?

Алеша знал, где находится этот самый Тибет, знал хорошо, но в эту минуту то ли от волнения, то ли от неожиданности запнулся и умолк. Он почувствовал, как краска разливается по его лицу. И тут он, видимо, потерпел бы великое поражение, если бы не нашел случайной поддержки.

— Зачем малому экзамен устраиваете? Сегодня воскресенье,— сказал молчавший доселе мужчина в шинели железнодорожника (это он дремал, упершись подбородком в грудь).

— Раз парень знает про снежного человека, значит, серьезный. Интерес имеет к науке. А к снежному человеку надо бережно относиться.

— Да, да,— подхватил Алеша, с благодарностью глядя на железнодорожника.— А Тибет находится в Китае, на границе с Индией.

— Молодец, внучек! — сказала бабка, которая интересовалась, как это можно по снегу босиком ходить. И тут же воскликнула: — Спутник запускают, на Луну летают. А тут еще снежного человека нашли. Чудеса!

Она порылась у себя в кошелке, достала оттуда свежую булочку и стала энергично жевать ее, продолжая глазами участвовать в ученом разговоре.

А Алеша, хотя и стоял на одной ноге у стенки, мысленно уже перенесся в далекий снежный Тибет. Он видел себя в окружении верных друзей (учеников своего класса), идущим по таинственному следу. Вот он опустился на колени, достал выпуклую лупу и приложил ее к следу: пять корявых пальцев были отпечатаны в сахарном снегу. «Он?» — спросил Алеша, и друзья авторитетно подтвердили: «Он!»

В это время проводник объявил:

— Следующая станция «Мальчики».

Алеша бросился к выходу. Сердце его вдруг застучало так гулко, что, казалось, весь вагон должен слышать его удары. Поезд приближался к заветному рубикону. Алеша вышел на площадку. Луч солнца ударил ему в глаза, и они превратились в две узкие щелочки. Электричка замедляла ход.

8. Станция «Мальчики»

Над землей летят воздушные корабли. Бороздят море пароходы. Выбиваются из сил красные колеса локомотивов. Но их движение не вечно. Рано или поздно они прибудут к месту следования. Аэродром примет самолет. Пристань окажет гостеприимство кораблю. Поезд остановится у перрона.

Прибыли!

И не имеет никакого значения, проехал ты тысячу километров или ехал от дома двадцать минут,— поезд замрет у перрона, чтобы через несколько мгновений умчаться дальше.

Станция «Мальчики»!

Вагон поравнялся с длинной заснеженной платформой. Сперва он поплыл. Потом пополз. Потом слегка покачнулся и замер. Алеша спрыгнул на платформу и огляделся.

Яркое солнце и ослепительно белый снег, холодящий загородный ветерок и тишина обступили его, закружили и опустили на неведомую землю.

Алеша не заметил, как тихо уплыл поезд, как торопливо сбежали вниз пассажиры. Глаза его сощурились, и было непонятно, жмурится он от солнца или улыбается.

На платформе остались два человека: дежурная по станции в красной шапочке и старуха в огромном платке, торгующая семечками. А где же мальчики?

Красная шапочка шла по платформе, держа в руке двуствольный футляр с флажками. Она шла мелкими шажками, и ее высокие каблучки сопровождали каждый шаг щелчком. Вероятно, вид у Алеши был очень растерянный, потому что, поравнявшись с ним, красная шапочка посмотрела вопросительно и, не останавливаясь, сказала:

— Что, ошибся станцией?

Вместо ответа Алеша отыскал глазами вывеску с названием станции. На белом щите рослыми черными буквами было написано: «Мальчики». Нет, Алеша не ошибся. Он хотел было сообщить об этом дежурной. Но красная шапочка скрылась в дверях станции.

Напротив Алеши сидела бабка. Перед ней на земле лежало все ее богатство — мешок с жареными подсолнухами. Покупателей не было. И только предприимчивый воробей прыгнул на отогнутый край мешка и клевал семечки. Он делал это так обстоятельно и неторопливо, будто долго выбирал самые крупные и самые жареные. Сама бабка задумчиво смотрела вдаль и вместе с воробьем щелкала свой товар. Семечки были ей глубоко безразличны, ибо она-то пощелкала их на своем веку вдосталь и сейчас почти механически отправляла в рот одно семечко за другим, одно за другим...

Красная шапочка, воробей и бабка с мешком подсолнухов были самыми обычными. Но Алеше они представлялись жителями неведомой страны, и он смотрел на них с нескрываемым почтением.

Наконец, мысленно простившись со всеми тремя, Алеша зашагал по пустой платформе. Ему бы следовало подумать, куда направить свои стопы и что делать в этом незнакомом краю. Но в эту минуту он испытывал чувство первооткрывателя и спокойно шел навстречу судьбе. И только одиночество немного угнетало его.

В это время к Алеше подбежал небольшой добродушный пес. Собаки бывают двух родов: летние и зимние. Зимние — мохнатые, с густой шерстью. В таких шубах им не страшен никакой мороз. Летние — гладкие, короткошерстные. У них вместо шуб легкие куртки. Зимние псы летом страдают от жары (ведь шубу-то не снимешь!), зато зимой такой пес — кум королю. Летним собакам достается в морозы.

Итак, встречный пес был летним, он должен был чувствовать себя неважно. Но он, видимо, был из породы неунывающих и не поддавался морозу. Ни минуты не стоял он без движения. Его короткий хвост все время ходил ходуном, будто был подвешен на пружинке. Встретив Алешу, пес стал кружиться вокруг него, вставал на задние лапы, а передними упирался в дубленку — словом, вел себя так, как будто всю жизнь только и мечтал о встрече с Алешей и наконец мечта его сбылась.

Алеша тоже был рад этой нежданной встрече. Вероятно, в эту минуту он был так же доволен, как Робинзон, встретивший Пятницу. Алеша гладил пса, трепал его по загривку и всячески выказывал ему свое расположение.

Итак, он не одинок. Их двое. Есть у него свой Пятница! Теперь можно смело ступать на неведомую землю. И Алеша в сопровождении безымянного друга быстро сбежал по трем заснеженным ступенькам с платформы.

9. Вдвоем с Пятницей

Путешествие окончилось. Но Алеше казалось, что он продолжает удаляться от дома. И если не поезд, то время уносит его все дальше и дальше...

В какое-то мгновение ему вдруг захотелось дождаться встречного поезда и, как говорится, повернуть оглобли. Он даже обшарил все карманы в надежде найти деньги на обратный билет. Но карманы были пусты. Путь назад был отрезан. Корабли сожжены. Алеша тяжело вздохнул и покорился судьбе.

Он посмотрел на пса со станции «Мальчики», и тот приподнял правое ухо, выражая этим готовность выслушать своего нового друга. Но Алеша не стал объяснять ему все свои нелегкие переживания. Он только сказал:

— Пошли!

И они тронулись вперед.

У зимы свои дороги. Они хоть и узенькие, но прямые. И куда короче летних. Они не желают обходить ни поля, ни пруды, ни реки, а идут напрямик, проложенные парой торопливых ботинок. По одной из таких тропинок шагал Алеша в сопровождении Пятницы. Если бы Алешу спросили, куда он сейчас направляется, то вряд ли мальчик сумел бы ответить на этот простой вопрос. Он шел куда глаза глядят. И все, что встречалось ему в пути, казалось необычным и удивительным.

На дороге ему попался синий киоск. С крыши киоска свисала целая ледяная челка сосулек. Одни сосульки были длиннее, другие — короче. Алеша в душе был человеком аккуратным, и ему захотелось взять большие ножницы и подровнять сосульки, как парикмахер подравнивает волосы. Но ножниц не было.

За киоском прямо на снегу были сложены кирпичи. Они были такие красные, что казалось, их только что раскалили в печи и если до них дотронуться, то можно обжечь руку. Алеша прошел мимо горячих кирпичей и вышел на незнакомую улицу. По обеим сторонам заснеженной мостовой стояли одноэтажные домики. Они были не похожи друг на друга. У одних крыши были красные, у других — зеленые, у третьих — серые, шиферные. И все вместе они были похожи на одеяло, сшитое из разноцветных лоскутков. С некоторых крыш не успели сбросить снег. И рядом с чистыми крышами они выделялись своей белизной. Казалось, их просто забыли покрасить. На некоторых крышах гордо возвышались антенны, похожие на букву «Т».

Алеша шел дальше. А пес послушно ступал за ним, полностью доверяя ему.

В одном из дворов на длинной веревке было развешано белье. И разноцветные рубашки напомнили Алеше морские флаги расцвечивания, какие он видел однажды на военном корабле.

Все, все здесь было незнакомым, непривычным и удивительным. Все было не так, как дома. И Алеше временами казалось, что если он заговорит с местным жителем, то тот даже не поймет его. Поэтому он молчал.

Так Алеша дошел до конца улицы. Улица кончилась — началось поле.

Оно было белое и широкое, как море. Солнце светило очень ярко, и от этого по снегу пробегали яркие разноцветные огоньки. Снег казался живым. Он пах арбузом. Вдоль поля тянулись щиты снегозадержания. Они были похожи на большой забор. Алеша знал, что такой забор ставят в поле зимой, чтобы задержать снег.

Куда идти? В поле? А что дальше, за полем?

Алеша вопросительно посмотрел на пса, а пес посмотрел на Алешу. И оба решили, что лучше вернуться.

Алеша повернулся спиной к полю и увидел снегиря. Снегирь сидел на ветке, вобрав в себя голову и сердито нахохлившись. Весь он был серый, пепельный, и только грудка его была алой. И поэтому он был похож на уголек. Дунет ветер, затрепещут алые перышки — уголек разгорится сильнее. Снегирь сидел на ветке, а Алеша стоял перед ним.

Снегирь заметил Алешу и вопросительно посмотрел на него: кто такой и зачем пожаловал? Потом снегирь стал переступать с лапки на лапку, словно хотел проверить: не примерз ли он к ветке, сможет ли в нужную минуту улететь. И, видимо, убедившись в безопасности, успокоился.

А наш маленький друг все стоял и стоял перед ним, как завороженный, не в силах отвести взгляд от этого живого уголька. И простой снегирь казался ему загадочной заморской птицей. И станция «Мальчики» нравилась ему все больше.

(Окончание следует.)

ВОЛНУЮЩАЯ КНИГА

«Страницы этой книги поведут вас в далекое и замечательное путешествие в дружественные нам Индию, Бирму, Индонезию и Афганистан, народы которых горячо приветствовали главу Советского правительства Никиту Сергеевича Хрущева, путешествие в страны нового, разбуженного Востока».

Так говорят авторы двухтомника «Разбуженный Восток» в обращении к читателям.

Читая эту волнующую книгу, ощущаешь вместе с ее авторами дыхание огромной любви народов Азии к нашей Родине, к советским людям, от имени которых Н. С. Хрущев совершал миссию дружбы и мира.

Двадцать четыре дня продолжалась миссия, но этот срок оказался достаточным, чтобы, говоря словами Н. С. Хрущева, почувствовать, «как высок авторитет нашей социалистической Родины, как внимательно прислушиваются к ее голосу даже в таких отдаленных от нас странах».

Где бы ни появлялся Н. С. Хрущев — в залитом солнцем и засыпанном цветами индийском аэропорту Палам, на многотысячном митинге в Сурабае в Индонезии, на предприятиях Бирмы или Афганистана, — везде в нем видели большого друга, представителя государства, помогающего странам Востока приблизить светлое будущее.

Со страниц книги советских журналистов встает образ Н. С. Хрущева, неутомимого борца за мир и дружбу между народами, образ мудрого руководителя и обаятельного человека. С интересом читаются живые, искрящиеся неподдельным юмором беседы Н. С. Хрущева с простыми людьми многих стран.

«Разбуженный Восток» — серьезный вклад в советскую журналистику.

Под крылом самолета советской делегации промелькнули десятки тысяч километров. Наши журналисты видели новые заводы, которые строятся в возрождающихся странах Востока, видели поля, которые пока еще обрабатываются первобытной мотыгой, видели людей, которые еще не имеют клочка земли. Об этом написано правдиво, и выводы, к которым приходят авторы книги, полностью разделяются читателями.

Свобода, счастье, мир! — в этих словах выражены чаяния народов стран Азии, в которых вместе с Н. С. Хрущевым побывали советские журналисты. И, закрывая эту книгу, написанную с любовью к труженикам азиатских стран, еще больше убеждаешься, что день полного освобождения народов Востока недалек.

Т. СЕРЕГИН.

Разбуженный Восток. Записки советских журналистов о визите Н. С. Хрущева в Индию, Бирму, Индонезию, Афганистан. Записи вели: А. Аджубей, Б. Бурков, Ю. Воронов, Ю. Жуков, Л. Ильичев, В. Лебедев, В. Маевский, Ф. Орехов, Н. Пастухов, К. Перевощиков, П. Сатюков, М. Стуруа, О. Трояновский, Ю. Трушин, М. Харламов, О. Чечеткина, Е. Шевелева. Книга первая и вторая. Госполитиздат. 1960.

ШЕСТЬ ГЕРОИЧЕСКИХ ДНЕЙ

В этой книжке всего сто с небольшим страниц. Она написана Михаилом Андриасовым и рассказывает об освобождении Ростова от фашистских захватчиков.

Автор посвящает ее бойцам доблестного батальона Г. Мадояна, которые первыми вошли в город и, укрепившись на вокзале, в течение шести дней сдерживали натиск врага.

Жители города под шквальным артиллерийским огнем помогали мадояновцам. Старый машинист Александр Хижняк провел советских бойцов в цеха паровозоремонтного завода, где батальон занял новые позиции. Хижняк погиб, как герой. Оттягивая на себя силы врага, перешел в наступление партизанский отряд М. Трифонова-Югова. Партизаны освободили станцию Нахичевань-Донская, уничтожили батальон фашистских минометчиков, затруднявших переправу наших войск через Дон. И, наконец, 14 февраля 1943 года, через шесть дней героического сражения мадояновцев с немцами, в город вступили части Южного фронта. Ростов снова стал советским.

Через пятнадцать лет Герой Советского Союза министр социального обеспечения Армянской ССР Гукас Мадоян, которого Н. С. Хрущев назвал героем Ростова, приехал по приглашению ростовчан в их город. Он прошел по местам былых боев, почтил память павших бойцов батальона — для многих из них бой за Ростов был последним.

Книга М. Андриасова «Шесть дней» воскрешает одну из памятных страниц героической эпопеи.

И. АРАКЕЛЯН

Мих. Андриасов. Шесть дней. Документальная повесть. Изд-во ДОСААФ. 1960.

«ДОЧЬ»

ОТКЛИКИ ЧИТАТЕЛЕЙ НА ПОВЕСТЬ М. БЕЛАХОВОЙ

О чувствах простых и добрых рассказала М. Белахова в повести «Дочь» («Огонек» №№ 32—35 за 1960 год).

Березовы взяли на воспитание девочку, отдали ей тепло своих горячих сердец и воспитали хорошего, достойного человека. Но были и трудности у родителей и девочки... Повесть не оставила читателей равнодушными, о чем свидетельствуют приходящие в редакцию письма читателей.

Многие считают, что писательнице удалось разрешить в художественной форме поставленные проблемы: «Сколько там волнующих строк по вопросам воспитания, сколько теплоты к юной человеческой душе, сколько жизненной правды!» — пишет Г. Бакиров из Казани.

Читатели одобряют поступок Березовых, взявших девочку на воспитание. «Хочется, чтобы все наши семьи походили на семью Березовых, особенно по своей чуткости и такту в отношении к детям», — пишет Л. А. Сакало из Полтавы.

Благородное дело сделали Березовы — и здесь раскрывается «одна из сторон «сердца народного» — характер советского человека, воспитанный советским общественным строем» (учитель Лопазненской средней школы Брянской области И. Кулешов).

Но далее Кулешов пишет, что «бледно выглядят образы героев повести» и что в противопоставлении семей Березовых и Ваниных «нет жизненности». С последним его замечанием согласны и некоторые другие читатели. А читательнице М. З. Верещагиной из Ставрополя показалось, что «слишком прост сюжет книги, нет борьбы чувств матери, дочери, отца».

Однако большинство читателей полагает, что автору удались образы героев. «А какие чудесные, правдивые образы Ирины Андреевны, Антона Ивановича, Наташи, как ярки их переживания!» — пишет Д. Айрапетова из города Закаталы, Азербайджанской ССР.

В некоторых письмах содержится просьба экранизировать повесть.

Многие читатели приводят факты из своей жизни, делятся трудностями, которые вставали и встают перед ними, просят совета. Пишут в редакцию и приемные дети.

А не так давно пришло письмо от воспитанников 5—6-х классов Николо-Жупанского детского дома, Тульской области. Они пишут: «У многих из нас, так же как и у Наташи, нет родителей, но мы живем и воспитываемся в детдоме, о нас проявляют заботу партия и правительство. Нам очень понравилось решение Ирины Андреевны и Антона Ивановича взять на воспитание Наташу», — и они просят рассказать о юной героине повести, так как их «очень заинтересовала дальнейшая судьба Наташи Березовой». Дальнейшая судьба героев волнует многих наших читателей.

В БЕЛОВЕЖСКОЙ ПУЩЕ

Беловежская пуща — один из древнейших заповедников. Первые сведения о пуще встречаются в летописях 983 года, а об ее заповедности сохранились письменные памятники с 1409 года. Тогда пуща была лишь небольшой частью гигантского лесного массива, простиравшегося от Балтийского моря до Буга и от Одера до Днепра.

В XIII веке на берегу реки Лесной был заложен город Каменец и построена белая сторожевая башня — вежа, от которой и произошло название пущи — «Беловежская». Со временем размеры пущи сократились, и теперь башня находится в 21 километре от границы заповедника. Пуща, которая всего занимает 130 тысяч гектаров, располагается на западе Белоруссии и в Польше. Государственная граница делит лесной массив приблизительно на равные части.

Безлесные, слабовсхолмленные дали при подъезде к заповеднику переходят в четкую непрерывную линию лесов — это начинается пуща. Как остров, возвышается она над окружающими ее заболоченными низинами в водоразделе бассейнов Буга, Припяти и Немана. Во время весенних паводков, заливающих громадные площади, все звери и птицы находят себе приют в этом защищенном от воды участке леса. Входишь под густой зеленый полог, и всюду чувствуешь скрытую жизнь обитателей заповедника. На мягкой почве — следы зверей; настороженную тишину нарушают таинственные шорохи, голоса птиц. Подпустив человека на близкое расстояние, вдруг сорвется стадо диких кабанов и с треском скроется в непроходимой чаще. На сухих, возвышенных местах живут барсуки, иногда их поселения заметны издали. В густых кустарниках бродят зубры.

Самое замечательное животное пущи — это, конечно, зубр. «История зубров и история пущи переплелись. Пуща сохранилась потому, что там были зубры, а зубры сохранились потому, что была пуща», — писал С. А. Северцов.

На протяжении XIX века на земном шаре исчезло 70 видов различных животных. Под угрозой вымирания находился и зубр — наиболее крупный из зверей, населяющих леса Европы. В зоопарках и охотничьих хозяйствах всех стран мира к 1920 году сохранилось 52 зубра.

В 1923 году на международном съезде охраны природы в Париже было создано Международное общество охраны зубра.

В Беловежской пуще началась кропотливая и трудная работа зоологов по восстановлению стада этих животных. Сейчас в пуще живут 39 чистокровных зубров, не считая молодняка. Вывозили их отсюда и в другие заповедники и зоопарки.

На первый взгляд зубры очень тяжелы и пассивны, особенно быки, и тем более удивительна их подвижность и мгновенная реакция на всякое раздражение.

Сочетание большой тяжести и легкости движений создают впечатление удивительной мощи зверя.

Обычно, встретив человека в лесу, зубры убегают, но некоторые, особенно быки, дороги не уступают. Даже самые опытные рабочие зубропитомника все время настороже: малейшая ошибка, недосмотр — и может случиться несчастье.

Привезенный из Польши зубренок Плиш был очень покладист: подставлял голову, чтобы почесали, бегал за рабочими. Когда зверь вырос и пришло время выпускать его на волю, он долго не желал выходить, а после часто приходил к зубропитомнику, ломал ворота и заходил во внутренний двор. При этом никто не мог выйти из дому. Осада велась каждую ночь. Чтобы выгнать зубра со двора, на длинную палку привязывали пучок пакли, обливали керосином, поджигали и таким факелом размахивали у него перед мордой. Закрыв глаза, зверь пятился к выходу и только там поворачивался и, задрав хвост, убегал.

Зимой вольное стадо два раза в день получает подкормку и держится недалеко от питомника. «Гоп! Гоп! Гоп!» — кричит рабочий. Зубры бегут на голос и дожидаются недалеко от кормушек. Но летом они уходят далеко, дичают.

В задачу работников заповедника и не входит приручение зубров, потому что лесам надо вернуть утраченного зверя со всеми качествами дикого животного — самостоятельного, неприхотливого, осторожного и умеющего постоять за себя в случае опасности, гармонично сливающегося с природой такой же древней пущи.

Дружный коллектив научных сотрудников заповедника изучает природу пущи, долгими часами в самое различное время суток и года наблюдают они за жизнью природы. Немалую работу проводят лесники и егери, которые знают каждый уголок леса, каждое животное и птицу на своем участке. Их впечатления от встреч с обитателями леса входят в единую летопись заповедника.

В. ГИППЕНРЕЙТЕР

Фото автора.

Зубр Пул — один из родоначальников стада зубров в Беловежской пуще.

Европейские олени.

НЕОБЫЧНОЕ ЗАДАНИЕ НАШЕМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ...

ЗА РУЛЕМ ТАКСИ

Андрей НОВИКОВ

— Хорошо ли вас обслуживают?

Редакция предложила нескольким своим сотрудникам самим поработать в учреждениях и предприятиях, обслуживающих население, и рассказать об этом в своих репортажах.

Публикуемый репортаж — первый из этой серии.

К началу смены в пятом таксомоторном парке, где я должен был по заданию редакции приступить к работе в качестве шофера, я опаздывал и вынужден был взять такси.

— Как с планом? — задал я шоферу обычный вопрос.

— Горе!— Шофер безрадостно махнул рукой и всю дорогу жаловался на плохо оплачиваемые перевыполнение плана, экономию бензина и резины. И только увидев, что я собираюсь выходить у таксомоторного парка, заметил на мне шоферскую курточку, фуражку в руках и недоуменно спросил:

— Здесь будешь работать?

— Да, вот сейчас заступаю.

— Ну и правильно! — сказал он ободряюще.— Иди работай, свою тридцатку в смену всегда будешь иметь.

Когда-то известный журналист Михаил Кольцов, водивший такси по улицам Москвы, мечтал о полутора тысячах машин для обслуживания столицы. Сейчас в Москве работают пять тысяч машин. Только в пятом парке их пятьсот и обслуживают их около тысячи шоферов. Вот они выезжают из ворот и направляются в разные стороны.

Шоферу в отличие от рабочего самому приходится «искать план». Один едет на стоянку к Таганской площади, другой — к вокзалам, третий — почему-то в Перово. Опытный шофер знает, где открылись выставка, ярмарка, он даже помнит дни и часы выдачи зарплаты на крупных предприятиях.

* * *

Я еду по красивой набережной, по широким улицам. Как это непохоже на те булыжные мостовые, по которым ездил М. Кольцов!

...Букет цветов перед носом. Торможу. Запыхавшийся юноша:

— В родильный дом! — Плюхнулся на сиденье, тяжело дышит.

Приехали на Молчановку.

— Подождите, пожалуйста. Сейчас повезем дочку! Мою дочку, понимаете?

И вот, счастливые, они выходят. Я еду осторожно.

Приехали. Вышли, и он, конечно, забыл расплатиться. Вернулся, сунул мне зачем-то цветы. Опомнился и полез в карман.

В моей машине маленькая москвичка впервые ехала по своему родному городу!

* * *

А в моей «Волге», прямо скажем, грязновато. Неужели сменщику не противно ездить в таком автомобиле? Но дело не только в чистоте. В первый же день я обнаружил, что двери плохо закрываются, пассажир, того и гляди, вывалится. Передняя подвеска ни к черту—«жует резину». Как правило, не действуют сигналы поворотов, стартеры приходится переводить на кнопки. Стыдно вам, товарищи с Горьковского автозавода!

Серьезные претензии имеются и ко Второму московскому авторемонтному заводу. Там так «капитально ремонтируют» машины, что они возвращаются с линии в парк по два-три раза в смену.

* * *

У Рижского вокзала скопилось машин двадцать. Спрашиваю стоящих в кучке шоферов:

— Как с работой?

— А когда она тут была? Самый мертвый вокзал!

В будке — диспетчер Кашкина. По телефону ее непрерывно донимают пассажиры. Вот и сейчас требуют такси. Диспетчер берет мою путевку и отвечает:

— Высылаю машину... Ничего не рано, машин нет ни одной. Передаю трубку водителю.

— Я же заказала на десять сорок пять,— робко возражает женский голос,— а сейчас десять пятнадцать... Как же так?

Везу на Курский вокзал тех, кто вызывал такси. Мама, сын с женой.

— Нам придется торчать сорок пять минут на перроне,— сетует мама.

Я молчу и думаю: «А ведь это по вашей вине, товарищ Кашкина!»

Кстати, о вокзалах. Есть среди шоферов такие ловкачи, которые на вокзалах используют неопытность человека, впервые приехавшего в Москву. Их так и называют: «вокзальщики». Их мало, но они бросают тень на своих коллег.

— Для плана работаешь? — говорит мне такой «вокзальщик».— Ну что же, валяй, пусть на тебя пальцами показывают, на доску повесят. А я вот план не выполнил, зато себе рубль семьдесят сделал (170 рублей).

Я часто задумывался, нужен ли шоферу такси план. Он сам, казалось бы, заинтересован перевезти побольше пассажиров. Теперь я убежден, что план нужен, обязательно нужен! Он нужен для тех, кто любит поспать в переулочке, для тех, кто, сев за руль такси, пытается превратить его в некую собственность — «прокат».

* * *

Все спешат, все командуют: «Нажми», «Пулей», «По-быстрому»... Одним — на поезд, другим — в гости, третьим — в театр. Даже маленькая Наташа, возвратившаяся в Москву на поезде дальнего «обследования», и та спешит к началу детской телевизионной передачи.

...Возле «Эрмитажа» — очередь машин, а у Столешникова — очередь пассажиров.

— Эй, такси!!!

На ее курносом носу выступили капельки пота.

— К «Эрмитажу», быстро... Только не куролесить!

— Что значит «куролесить»?

— Сам знаешь не хуже меня,— отвечает молоденькая девушка.

— А... Так ведь вот он, «Эрмитаж». Его даже видно.

После нее на сиденье остается скомканный рубль, что соответствует показаниям счетчика, и... неприятный осадок на душе водителя.

К чему это «куролесить»?

Если бы эта девушка зашла в камеру забытых вещей, то увидала бы там забытый в такси кассиром чемодан, в котором сто тысяч рублей... А сколько в этой кладовой фотоаппаратов, часов, ценных вещей, оставленных в машине рассеянным пассажиром и доставленных сюда водителем такси..

* * *

Мне сразу не понравился этот черный кот со злыми зелеными глазами. Он возвращался «из гостей» и тихо сидел сзади на руках у хозяйки. На проспекте Мира из-под шедшей рядом машины выскочила женщина. Ох, эти пешеходы!

От резкого торможения кот выскочил и вцепился всеми своими когтями мне в затылок.

На углу стоял милиционер. Хоть бы он сделал замечание пешеходу!

Существуют правила уличного движения, обязательные для всех. Из радиорупора милицейской машины доносится зычный голос: «Гражданочка в берете, вернитесь!» И все-таки пешеходы переходят не там, где надо, не тогда, когда это разрешено. Чтобы не сбить такую «гражданку в берете», шофер может резко свернуть в сторону, наскочить на другую машину, сбить человека. Его будут судить. И судят. Но ни разу я не слыхал, чтобы осудили истинных виновников такой аварии. Обычно они следуют дальше своим путем. И снова чуть не попадают уже под другую машину. Но милиция почему-то их не штрафует. А надо бы! Ведь когда-то приучали москвичей переходить только на переходах. Получалось. В Ленинграде милиции оказывают содействие школьники. Это неплохо, когда мальчик учит дядю или тетю правильно переходить улицу.

* * *

Студент инженерно-строительного института возвращается с практики. На счетчике четыре рубля, он дает две трешки и, смуща-

---

На вкладке сверху вниз:

Барсук.

Еж.

Работники заповедника кольцуют птенца синички. Этому малышу требуется самое маленькое колечко.

Молодой олень.

Бобр в заповеднике заново акклиматизирован.

Гадюка настроена агрессивно.

ясь — взял такси, а до дома рукой подать,— не хочет брать у меня сдачи.

Когда-то купцы, гуляя в ресторанах, раздавали чаевые; им доставляло удовольствие, что перед ними все гнули спины и лебезили. Почему этот унизительный обычай остался поныне?

А бывает и такой разговор.

— Возьмите рубль сдачи,— говорю пассажиру.

— Что, мало? Десятки привык брать?

— Вы меня оскорбляете этой подачкой. Вам же на работе не дают на чай.

— Ишь, какой идейный!

Увы, чаевые вошли в быт. Кто виноват в этом? Мне кажется, что частично и сами пассажиры такси.

Не давайте чаевых! Шофер будет стараться доставить вас быстрее, будет любезно открывать дверку машины, поможет уложить вещи — он обязан все это делать без дополнительного вознаграждения.

Работая в ночь с субботы на воскресенье, я не только перевыполнил план, но и привез шестьдесят три рубля чаевых. Это деньги, которые мне, что называется, всучили чуть ли не силой.

Сообщаю: деньги сданы в парке в кассу государства, хотя мне долго пришлось убеждать бухгалтера, прежде чем он нашел статью для оприходования этой суммы: случай-то беспрецедентный в истории таксомоторного парка.

* * *

Почему к шоферу такси многие обращаются на «ты»? Бывает дружеское «ты», но вот это купеческое «ты» оскорбляет.

На Ленинском проспекте меня и еще одного шофера такси задержал милиционер. Покручивая усики, «тыкая», он отчитывал нас самым оскорбительным образом. Я слушал его и думал: «Почему, когда тот же милиционер останавливает пешехода, нарушившего правила уличного движения, или задерживает меня за рулем собственной машины, то он разговаривает на «вы», а тут?..»

В таксомоторном парке от шоферов такси требуют:

— Откройте дверцу, вежливо поздоровайтесь с пассажиром.

— Но ведь часто бывает и так,— жалуется мне на стоянке шофер, работающий тридцать лет за рулем.— Я ему «здравствуйте», а он молчит. Я ему «пожалуйста», а он хлоп дверцей и пошел. Я думаю, что вежливость — вещь обоюдная.

* * *

Этот сидит со мной рядом, а голову высунул в окно.

— Сперва сто пятьдесят «Столичной» взял, понял? Потом «Старки». Все жжет внутри, закуска не идет. Что делать, а, таксер?

Оказывается, я должен знать и это.

* * *

Едем от ипподрома.

— Я же тебе говорил: играй один шесть,— слышу за спиной.

— Сколько там на счетчике?

Доигрались.

* * *

Она смочила виски одеколоном и спросила меня:

— Девяносто девять гемоглобин, это тоже нехорошо?

* * *

Разъезжая по ночной Москве, я вспоминаю своих коллег. Армия шоферов обслуживает столицу. А как их обслуживают?

Зимой на рассвете вы можете встретить бредущего в пургу человека. Знайте — это идет на работу шофер такси. Рядом шагают водители автобусов, троллейбусов. А снегоуборочные машины уже давно «вышли» на трассы. Всю ночь рабочие ремонтировали трамвайные пути. Их тысячи — людей, которые трудятся ночью, идут на работу, когда столица еще спит. Но нет в Москве ни одного ночного кафе, где эти люди могли бы съесть горячую сосиску, выпить стакан чая, кофе...

* * *

Я узнал его издалека. Хотя и не видел лет пятнадцать. Я узнал бы его и через сорок лет, как каждый из нас узнает своего любимого учителя. Он стал совсем седой. Тяжело дыша, садится в машину. Называет адрес. Раньше он жил не там.

— Получили новую квартиру?

— Да, а откуда вы знаете, где я жил прежде?

Разговор короткий. Очевидно, потому, что я доставил ему массу хлопот в пору школьных занятий, он быстро вспомнил меня.

— Слушайте, вы же увлекались физикой?..

Он осекся и перевел разговор на другую тему.

— Если вы помните Васю,— продолжал учитель,— он полковник. Учился у меня и Борис — кандидат наук, химик. А Наташа — прекрасная певица. Костя — директор крупного завода... — Он опять умолк.

И вот теперь, со страниц журнала, мне хочется сказать вам, Николай Максимович:

— Мы едем с вами по новому мосту. Посмотрите на эти красивые дома. Их не смогли бы построить без шоферов. Ежедневно в Москве выходит на работу более двухсот тысяч строителей. Им надо подвезти кирпич, детали домов. то делают шоферы Главмосавтотранса. Более трехсот тысяч тонн грузов перевозят они ежесуточно в столице.

Московские такси по сумме пробега объезжают за сутки дважды вокруг земного шара.

Дорогой мой учитель! Шофер — чудесная профессия, не обращайте внимания на тех, кто не честен с вами или не вежлив. Их единицы, а ведь обслуживают вас шестьдесят восемь тысяч московских шоферов. Это они строили ваш новый дом, перевозили вас туда вместе с вашими книгами и цветами. Они ежедневно привозят вам и вашим землякам две тысячи тонн молочных изделий и молока, пять тысяч тонн муки и мучных изделий. Более восьмисот школьных буфетов обслуживают они, точно соблюдая график. Они возят вас в гости к сыну, помогают вам добраться до вокзала, когда вы едете в отпуск. И вот сейчас, в этот тихий вечер, когда вы решили навестить внучку, вас везет все он же, ваш друг и помощник.

Нет, зря вы пожалели меня, учитель: хорошая это профессия — шофер!

Вредная

П. ГИЛЯРЕВСКИЙ, В. ПОЛТОРАЦКИЙ

Рисунок Ю. Черепанова.

Здесь будет рассказано не о добыче свинцовой руды и не о производстве летучих кислот. Речь пойдет совсем о другом...

Есть в нашей мещерской стороне весьма своеобразный уголок, так называемый Палищенский куст. Это группа деревень — собственно Палищи, Маклаки, Спудни, Демидово, Овинцы,— расположенных вблизи от Святого озера, на стыке трех областей, Владимирской, Рязанской и Московской.

Добраться в Палищенский куст не так-то легко. Со всех сторон окружают его леса и болота. Дорога ныряет из ухаба в ухаб. Но уж зато перед тем, кто все-таки доберется туда, предстанет живописнейшая картина. Улицы здешних деревень блещут радугой. Обшитые тесом дома, крылечки, ворота расписаны масляными красками. Преобладают светло-синие, зеленые, ярко-оранжевые цвета. По наличникам и карнизам кокетливо пущен белый бордюрчик. И представляется заезжему человеку, что прямо из топких болот, заросших ржавой осокой и сизым богульником, попал он в волшебную страну сказок, где каждый домик, как пряник.

В Палищах живут «красили». Это прозвище закрепилось за местными жителями давно. Происхождение его связано с промыслом, утвердившимся здесь еще в прошлом столетии.

Палищенские мужики издавна промышляли крашением одежды и тканей. В одиночку или небольшими артелями разбредались они по бедной мещерской округе, оглашая деревенские улицы воплями: «В окраску берем! Старо на ново переделыва-ам!».

Красили, ходили от двора к двору с большими узлами, забирая «в работу» холсты, пряжу и старые, вылинявшие обноски. Потом возвращались домой в Палищи, купали «товар» в кипящих чанах, сушили его, отглаживали и снова пускались в путь, разнося окрашенные вещи заказчикам.

Однако со временем красильное ремесло становилось все менее выгодным. В деревенской жизни произошли заметные перемены. У людей появились достатки. В лавках сельпо бойчее пошла торговля мануфактурой. Ткать холсты крестьяне давным-давно перестали. Круг клиентуры у красилей уменьшился, и, вероятно, они забросили бы это дело, занявшись колхозной работой, но тут подвернулся случай, неожиданно направивший красилей по новой стезе.

Рассказывают, что в годы войны сюда в эвакуацию прибыл некий мастер трафаретной живописи, подвизавшийся на поприще серийного изготовления настенных ковриков и покрывал. При помощи нескольких картонных трафаретов и простейшей сапожной щетки предприимчивый живописец мог превратить обыкновенную простыню в цветистое покрывало. Старое байковое одеяло он перекрашивал в настенный ковер с изображением оленя, лебедей, Серого волка и Красной шапочки.

Продукция трафаретного живописца шла, что называется, нарасхват. Уже чуть ли не в каждой палищенской избе можно было встретить «ковер» с оленем или с тремя богатырями, остановившимися на распутье в древнем, диком поле.

И вот тут-то наиболее ухватистые красили смекнули, что, в конце концов, не боги горшки обжигают и что производство «ковров» — дело не такое уж сложное, но куда как барышное.

Вскоре у заезжего мастера появились местные конкуренты. Один из них, Николай Яковлевич Макаров, даже отважился на изготовление трафаретов собственного образца по мотивам известных картин. И дело пошло. Правда, богатырские кони на этих коврах скорей напоминали свиней или кошек, и от одного взгляда на Красную шапочку даже у волка случился бы инфаркт. Но Макаров ничтоже сумняшеся бойко торгует своим товаром. Про этого человека говорят, что он «на ходу подметки режет», а «деньги к нему сами плывут».

Некоторые из красилей ездят за трафаретами в Москву, к каким-то неизвестным «художникам» и платят по десяти, а то и по пятнадцати тысяч рублей за «сюжет». Однако считают, что «дело себя окупит».

Промысел в Палищах развернулся столь широко, что мещерский рынок стал тесен. Тогда красили дерзнули пуститься в отход.

Запасшись «товаром» и, кроме того, прихватив с собою «струмент», состоящий из набора трафаретных листов, сапожных щеток и красок, целыми артелями отправлялись они в далекие путешествия: на север, в Сибирь, в казахстанские степи и даже на Сахалин. Тут был свой довольно тонкий расчет. В эти места ехали новоселы. Одни — поднимать целину, другие — воздвигать города и заводы. Людям хотелось как-то поуютнее устроить свой новый быт. Какой-нибудь коврик на стене и то уже радовал: вот, дескать, обставляемся помаленьку. Но государственная промышленность и кооперация, видимо, не учитывали этих потребностей. А красили — учли.

В Кулунде, в Магадане, на Анга-

профессия

ре буйно развернули они производство и сбыт своей «живописной» продукции. Сотнями изготовлялись покрывала и коврики, а что ни коврик — то полтораста рублей. Возвращаясь домой, наиболее оборотистые мастера привозили изрядную выручку. По тридцать, а то и по сорок тысяч на брата за одну ездку.

С таких доходов палищенские «живописцы» начали непомерно богатеть. Дочери красиля Серегина хвастаются:

— Нам папаня полное приданое справил. Четыре гардероба купил, четыре швейных машинки, четыре трюмо и кровати с блестящими шишками.

Василий Ермаков ездит «в окраску» со своим сыном Володькой. Дом у него, что называется, «полная чаша». Расписан и раскрашен наподобие боярского терема. Но теперь он строит еще и другой дом. И не потому, что в этом нужда, а потому, чтобы люди видели, какой он размашистый.

Про Алексея Запруднева говорят: «Вот мужик оборотистый: четыре раза слетал по ковровому делу и сто тысяч положил на сберкнижку».

Впрочем, сами «оборотистые мужики» не любят распространяться насчет своих заработков...

Ближние соседи палищенцев, колхозники Курловского и Тумского районов, живут, конечно, беднее, но зависти к красилям у них нет, как никогда не было у крестьянина-труженика зависти к конокрадам или мошенникам. К красилям здесь относятся осуждающе и даже презрительно. Между тем эти мотающиеся по всей стране «живописцы» формально числятся тоже колхозниками, пользуясь всеми их правами и привилегиями. Но если жители других деревень того же Курловского района трудятся на земле, преображая и облагораживая ее, то в некоторых артелях Палищенского куста еще вольготно живется тунеядцам, уклоняющимся от коллективного труда на колхозной земле. Чтобы не лишиться преимуществ, которыми по закону пользуются колхозники, они даже выполняют обязательства. Но как? Полагается, скажем, по плану сдать государству столько-то центнеров мяса — и они сдают в счет поставок столько-то голов скота. Но этот скот красили покупают у соседей. Полагается сдать столько-то молока — и они сдают, но не молоком, а сливочным маслом, приобретенным в магазине.

Нам довелось слышать здесь о таком почти анекдотическом случае. В местное сельпо завезли два ящика сливочного масла. Красили немедленно закупили это масло и сдали в счет выполнения государственных поставок по молоку, получив соответствующую квитанцию. Масло, чтобы не возить куда-то далеко, снова передали в сельпо. Теперь его оптом купила уже другая группа красилей и так же, как и первая, сдала в счет выполнения своих обязательств. В отчете было записано, что колхозы Палищенской округи сдали государству столько-то килограммов сливочного масла. Фактически же это были все те же два ящика, завезенные сюда, быть может, из Вологды...

Есть, конечно, и в Палищах, и в Овинцах, и в Маклаках, и в Демидове колхозники, непричастные к красильному делу, работающие на полях и на фермах. Но им приходится туго. У них на шее сидят богатые красили, числящиеся колхозниками лишь по списку, но совершенно не принимающие участия в сельскохозяйственных работах. Эти тунеядцы только разлагают производственную дисциплину в артелях и глумятся над честными работягами.

Нам довелось побывать в деревнях Палищенского куста нынешней осенью. В воздухе уже мелькали белые мухи. Старые, кряжистые ветлы роняли последний лист...

Председатель Овинцевского сельсовета Вячеслав Куликов пожаловался:

— Вот, понимаете ли, зима приближается, а картошка до сих пор в поле не выкопана. Народу не хватает. И ума не приложим, как быть...

Попозже, встретив на улице трех колхозников, вышедших как бы проветриться, мы поздоровались, спросили:

— Не на картошку ли собрались, товарищи?

— А на какой хрен она нам нужна? — рассмеявшись, сказал невысокий рябой детина.

— Да ведь как же, добро пропадает!

— Не велико добро.

— Вы, что же, из красилей будете?

— А вам что за дело? Вы кто такие?

Подошли еще двое. Полюбопытствовали:

— Что за шум, а драки нету?

— Да вот, краской интересуются.

— Может, из газеты? Критику навести желаете? Так за это можно и в морду дать.

От говорившего густо попахивало сивухой.

— Мы о том, что вот, мол, гуляете, а картошка в поле не выкопана.

— Вот далась им картошка! — весело крикнул рябой и хлопнул себя по бедрам ладонями.

— О картошке с нами не говорите. Нынче у нас праздник, рождество богородицы. А в праздники людям гулять полагается, — назидательно объяснил тот, что грозился «дать в морду». — Пойдем, ребята, что тут болтать-то попусту...

Потом от знакомых мы более подробно узнали, как гуляют красили. Церковные праздники для них только повод, чтобы развернуться, тряхнуть «бешеными деньгами», привезенными из очередной поездки за легким заработком.

Нам рассказывали, что маклаковский красиль Сиротин, вернувшись с «коврового» промысла, загулял, допился чуть не до белой горячки, выгнал из дому жену и детей, изрубил топором телевизор, часы, разбил зеркало, выпустил пух из подушек и все кричал:

— Душа гулять хочет!

В соседней деревне Демидово такой же «отходник» Казаков, упившись, избил жену и нанес увечья трехлетней девочке, которую в бессознательном состоянии отправили в Овинцевскую больницу...

Один дотошный депутат местного Совета подсчитал, что за год Палищенское сельпо продало спиртных напитков почти на 2 миллиона рублей.

Что же касается картошки, которая осталась в поле, то руководители местных колхозов, вероятно, напишут в район печальную докладную: «Ранние дожди и снег помешали уборке. Ходатайствуем о снижении поставок по причине стихийного бедствия».

А причина-то совершенно другая.

Местные организации пытались воздействовать на красилей административными мерами. Несколько лет назад председателем колхоза здесь работал коммунист Никитин. Он поставил вопрос таким образом: «Если не хотите работать в колхозе, будем отрезать приусадебные участки». Красили грозились расправиться с Никитиным...

Они и сейчас не считаются ни с правлением колхоза, ни с сельским Советом. Уезжают «в окраску» когда кому вздумается и на сколько хотят...

...Есть в нашей стране села, прославившиеся дивными промыслами: Палех, Дымково, Мстера, Хохлома. Там живут истинные художники, и слава их есть слава России. Своим прекрасным творчеством они умножают духовные богатства народа.

А что же дают народу красили Палищенского куста? Уродливые изображения «Трех богатырей», «Красную шапочку»? Это же издевательство над художеством! Это моральный грабеж среди бела дня...

И удивительно, что этот грабеж почти не встречает отпора. В тех местах, куда приезжают красили со своими трафаретами и сапожными щетками, дело ограничивается лишь тем, что органы финансового контроля, взяв причитающийся налог, выдают регистрационные удостоверения на право производства и распространения дикой мазни.

Так юридически закрепляется процветание самой вредной профессии халтурщиков и спекулянтов, профессии, отравляющей душу народа, разлагающей колхозное производство.

Идет подготовка нового спектакля — оперы Тихона Хренникова «В бурю». В центре — за партитурой, — Михаил Федорович Скалозубов.

Без этого жить нельзя

М. АЛЕКСАНДРОВ

Фото В. Леонова.

О Народном оперном театре в Новочеркасске уже начинают писать монографии. Страницы его истории воскрешают первые репетиции маленьких кружков любителей музыкально-драматического искусства.

— Заниматься вместе со студентами? Забавно... Но, должно быть, хорошо!

— Вот не думал, что стану петь в дуэте с нашим профессором!

Такие разговоры слышались в ту осень, когда сливались два кружка вокалистов — Дома ученых и Политехнического института. Певцы немного стеснялись друг друга. Но музыка быстро стерла возрастные грани, сдружила. Когда опустился занавес после первого спектакля — оперы «Русалка» Даргомыжского, на авансцену вышла раскланиваться вся небольшая группа исполнителей, людей очень взволнованных и счастливых. Через несколько дней после этой премьеры газета «Правда» тепло поздравила с хорошим начинанием самодеятельных певцов из Новочеркасска.

С тех пор прошло более двадцати лет. Теперь у театра есть свой симфонический оркестр, хороший хор. Накоплен большой сценический опыт — плод серьезных исканий коллектива. Ведь многое надо уметь и знать, чтобы поставить «Египетские ночи» Луиджини и «Тихий Дон» Дзержинского, «Князя Игоря» Бородина и «Севильского цирюльника» Россини, «Евгения Онегина», «Пиковую даму» Чайковского, «Кармен» Бизе, «Фауста» Гуно!..

Традиции? Их полагается иметь каждому театральному организму. За два десятилетия они сложились и здесь.

— На репетиции всегда иду как на праздник! — говорит будущий строитель, студентка Нелли Уляева.

— Всю бы жизнь быть нам вот так вместе...— улыбается с легкой грустью Игорь Святославович Дуров, кандидат технических наук.

Да, он знает, ведь пройдет еще два-три года — и молодежь, что сейчас вместе с ним выходит на подмостки, окончив институт, уедет далеко. Правда, придут письма, и эти письма будут радовать: «Мы тут, на новом месте, тоже подумываем насчет вокального кружка...» Правда, приятно думать, что во многих уголках страны по вечерам наши кружковцы, наверное, зовут людей в рабочие клубы на спевки.

И все-таки жаль расставаться... Ведь столько сделано вместе!

Вместе, все вместе — это самая прочная традиция.

Нет нужды в том, что ты на работе заведуешь кафедрой, а в своей опере — признанный солист. Если надо перенести декорацию, сделаем это вместе. Если надо ночь не поспать накануне премьеры, дописать на холсте лес или хоромы, вместе будет сделано и это...

Есть человек в Новочеркасском народном оперном театре. Хочется, чтобы о нем знали все. Его зовут Михаил Федорович Скалозубов. Он заместитель директора Политехнического института и многолетний, со дня основания вокального кружка, участник больших и малых событий в кипучей жизни самодеятельных певцов и музыкантов. Пел Бориса Годунова, Мазепу, Томского, Онегина, Демона. Кружковцы избрали его своим художественным руководителем, и вот уже который год он ставит сложные спектакли, учит и воспитывает молодежь придирчиво, заботливо. Орденом Трудового Красного Знамени наградили его за то, что сумел, забывая усталость, воспитать отличных музыкантов из юных беспокойных студентов и из своих пожилых коллег.

— Без этого, знаете, жить нельзя! — убежденно уверяет Михаил Федорович.

В наше время эти же слова убежденно повторяют тысячи. Повторяют и в северном селе, где-нибудь у Белого моря, и в заводском клубе за Уральским хребтом — всюду, где горит, разгорается живой огонек творчества народа.

О килограммах

Юрий ВЛАСОВ

ОЖИДАНИЕ

23 августа 1960 года. Самолет, упруго подпрыгивая, катится по бетонной дорожке римского аэродрома. Наконец стихает надоевший за пять часов перелета шум. Распахиваются дверцы. Щурясь от яркого света, спускаемся по трапу. Почти мгновенно тело охватывает горячий, сухой воздух. Нещадно палит щедрое южное солнце; ни облачка, ни ветерка! Такой и останется, наверное, в памяти Италия.

Автобусы везут нас по залитому солнцем городу. Это же Рим! Вечный город, с которым все мы начали знакомство еще в младших классах. Тот самый Рим, из-за которого 13 лет тому назад я однажды получил двойку, решив, что сегодня меня учитель истории не вызовет к доске. Так вот ты какой, Рим! Древние развалины дворцов. Растрескавшийся, выщербленный временем и непогодой мрамор одиноких колонн. Улицы города забиты машинами и людьми. Огромные щиты реклам, пестрые афиши, нарядные витрины магазинов. И повсюду олимпийская эмблема — пять переплетенных колец и изображение волчицы с вопросительно повернутой головой и двумя маленькими детскими фигурками, жадно прильнувшими к ее соскам.

Вот и олимпийская деревня со странными домами на бетонных столбах и спасительной тенью под ними. Здесь живут молодые люди со всех концов земли. Здесь царствуют смех, шутки, ну и, конечно же, обмен значками. Его по праву можно считать двадцать вторым видом спорта в программе игр. Во всяком случае, здесь были и свои победители и свои рекорды...

Мне выпала большая честь — на открытии Олимпийских игр нести красное советское знамя. Путь спортивных делегаций, направляющихся на стадион «Форо Италико», пролегал по живому коридору людей. Мне, идущему впереди советской делегации, особенно были заметны радостные улыбки итальянцев. Вокруг раздавались голоса: «Руссо! Руссо!», «Браво, совьетика!»

Навсегда останутся в моей памяти стройная фигура юноши-бегуна с горящим факелом и тысячи голубей, затмивших небо...

«Знаменосцы, вперед!» — разносится по радио команда — и знаменосцы сходятся полукругом у трибуны, с которой ветеран итальянского спорта Консоллини громовым голосом читает олимпийскую клятву.

И вот уже стал историей день открытия олимпиады, началась борьба велогонщиков, фехтовальщиков, боксеров, пловцов, а штангистам надо было еще долго оставаться в резерве. Лишь 7 сентября выйдут на помост атлеты легчайшего веса. Мы же, тяжеловесы, вступим в борьбу лишь 10 сентября...

Тянулись дни жаркие и знойные, вечера прохладные и черные с неумолчным пением цикад. Одна за другой гремят над Римом победы Шавлакадзе, Капитонова, Руденкова. Наши товарищи уже ведут борьбу, а мы тренируемся по-прежнему в ожидании своего часа. И этот час наконец пришел. Начался триумфальный путь советских штангистов Евгения Минаева, Виктора Бушуева, Александра Курынова, Аркадия Воробьева. Блистательные победы! Мы гордились ими, а я все еще готовился к соревнованиям. Вечный мой спортивный спутник — ожидание...

НА СТАРТЕ

И вот наконец пришла последняя ночь перед выходом на помост. Пестрая ткань каких-то беспорядочных ночных видений, туманом окутавшая мой дремлющий мозг, внезапно разрывается, и я вижу помост в Палаццетто делло спорт. Ведь сегодня, уже сегодня вечером я выйду на помост! И сразу же, как только эта мысль доходит до сознания, сон испаряется. Открываю глаза. В комнате полумрак. Сквозь неплотно закрытые жалюзи бьют тонкие, острые лучи света. Часы показывают около пяти. Совсем рано, но спать больше не хочется. Тяну шнур. Жалюзи со скрипом ползут вверх. За окном голубое небо с ярким солнцем. По шоссе, опоясывающему олимпийскую деревню, изредка, нарушая утреннюю тишину, проносятся автомашины. Интересно, сколько еще вот таких медленных часов ожидания ждут меня впереди?

День тянулся необыкновенно долго, и что бы я ни делал, мысли мои возвращались в одно и то же место — на помост. В какой уже раз строил я различные варианты предстоящей борьбы, взвешивал и прикидывал возможности своих противников! В голову лезет и всякая чепуха; вспоминаются неудачи, и сразу же следует неизбежный тревожный вопрос: «А вдруг?..»

Как нужны мне в эти трудные предстартовые минуты поддержка и внимание товарищей! С признательностью вспоминаю я заботу замечательного советского спортсмена Рудольфа Плюкфельдера, который провел вместе со мной весь этот бесконечный день и оставшиеся до взвешивания несколько самых горячечных часов.

Для меня сбор спортивной амуниции — почти священный ритуал. Он всегда связан с воспоминаниями и надеждами на будущее. За этими привычными веща-

Окончание. См. «Огонек» № 48.

и счастье

Записки олимпийца

ми, разбросанными сейчас передо мной, длинной вереницей дней встают бесконечные тренировки. Они стерлись в моей памяти и кажутся мне одним долгим-долгим днем. На дно чемодана ложится синий костюм, за ним красное трико с гербом СССР. Это еще совсем новые вещи, накануне полученные. А вот и старые ботинки, взятые вместе с новыми так, на всякий случай. Сколько они повидали на своем коротком веку: Ленинград, Варшава, Москва, опять Ленинград, Милан, Генуя, Рига, теперь Рим! От времени и пота, обильно пропитавшего их, от больших и неоднократных усилий они местами полопались... Широкий штангистский ремень. Сотни тренировок я ощущал его крепкие объятия на своем теле. Пот не пожалел и его. Он весь почернел, местами покоробился. Всегда приятно видеть этих старых, добрых и верных друзей.

Все готово. По русскому обычаю садимся. Я напротив Сурена Петровича. Молчим несколько мгновений, каждый думая о своем. Пора!

К концу игр олимпийская деревня заметно обезлюдела. Опустели прежде оживленные места встреч, концертные площадки, бар. На фоне вечернего неба четко вырисовываются контуры дворца Палаццетто делло спорт. Его рубчатая крыша напоминает опрокинутую детскую песочницу. Идет процедура взвешивания. Стоя на весах, заглядываю через плечо судьи в протокол. Количество заявленных участников—19. Это не так уж много, но и не мало. Во всяком случае, соревнования определенно затянутся далеко за полночь. Читаю: Брэдфорд, собственный вес — 133 килограмма, Шеманский — 112 килограммов. А мой? Стрелка весов показывает 123 килограмма.

СНОВА БРЭДФОРД!

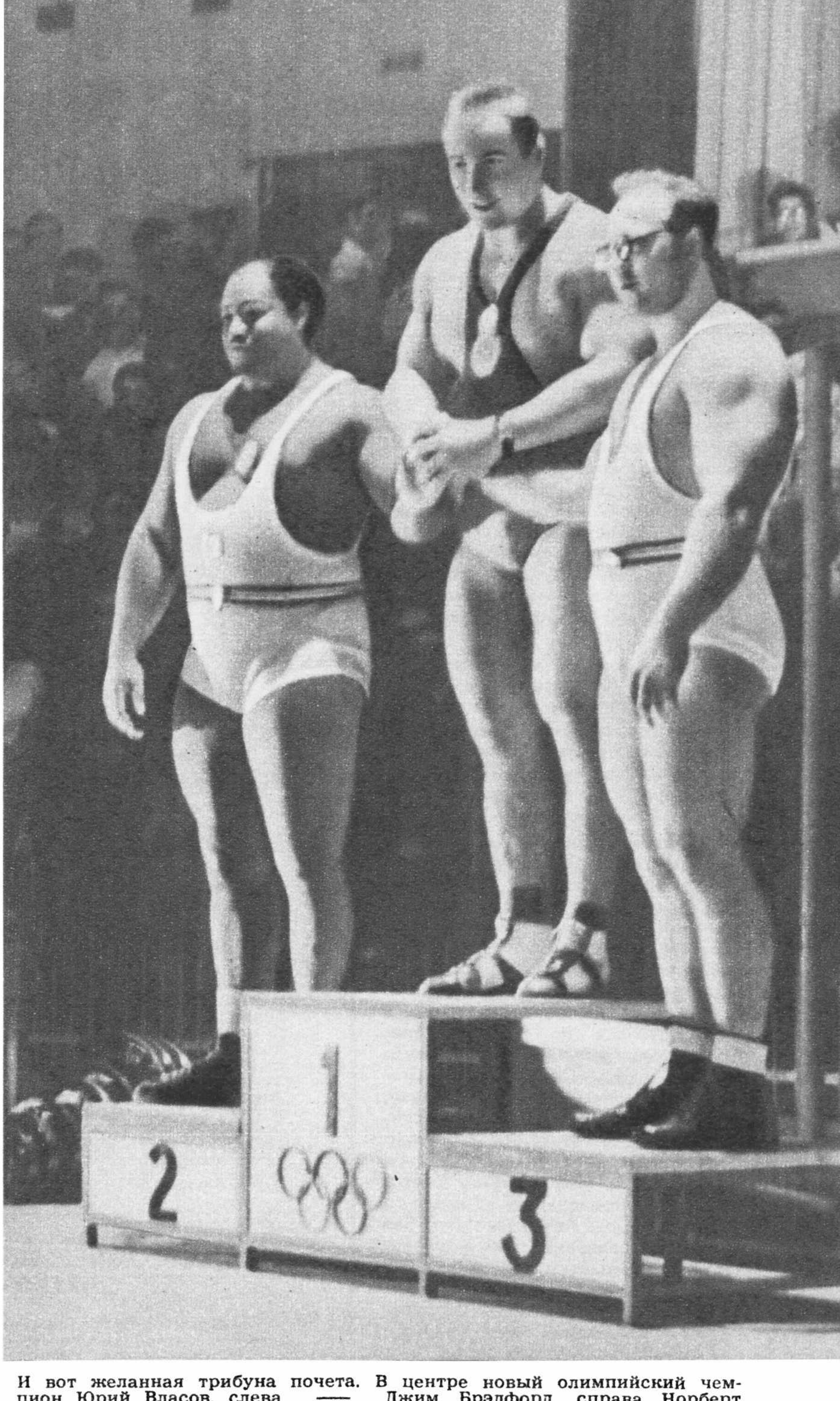
После парада иду в отведенную нам комнату отдыха. Она не имеет крыши. Хорошо придумано: трудно дышать много часов подряд тяжелым воздухом разминочных залов, густо насыщенным резким запахом специальных составов, которые спортсмены применяют для разогревания мышц.

Нудно тянется последний час ожидания. Скоро на разминку. Постепенно подходит время. И вот я в тренировочном зале. Здесь все американские спортсмены во главе с неизменным Бобом Гофманом. Вот маленький Винчи; удрученный поражением Бергер; по-прежнему невозмутимый Коно; усталый, еще не отдохнувший после вчерашнего выступления Пулскамп. Поодаль с массивной трубкой в зубах смуглый Джордж. Все они суетятся, хлопочут возле Брэдфорда и Шеманского, надевают диски на штангу, узнают время, считают подходы. Мы здороваемся, начинаем разминку. Настороженно, исподлобья поглядываем друг на друга. Внешне все невозмутимы.

Американцы закончили тренировку раньше, чем я. Они начинают выступление с меньших весов. На трех языках звучит в репродукторе голос судьи-информатора. Три раза слышу я свою фамилию. Произнесенная с акцентом, она звучит как-то странно, словно чужая. Итак, вызывают на помост!

Пробиваемся через толпу за кулисами. Здесь тренеры, спортсмены, предприимчивые болельщики, сумевшие проскользнуть через строгий контроль. Впереди возвышается помост, за ним зал. Он гудит, как вентилятор, разгоняющий удушливый летний зной. Ну что ж, начнем! Сбрасываю с плеч куртку, до последнего мгновения согревающую мои мышцы. Поднимаюсь вверх по ступенькам. Шагаю навстречу судьбе. Мое появление зал встречает легким шумом. Быстро оглядываю ряды зрителей. Бесчисленные пятна лиц. Почти физически ощущаю сотни любопытных взглядов. В глаза направлен яркий свет юпитеров. Это отвлекает. Вообще в такие минуты внимание отвлекает все, даже самые незначительные пустяки. А это плохо. Стараясь никого и ничего не замечать, направляюсь к штанге...

Мне трудно описать начало нашей борьбы: слишком я волновался. Но когда каждый из нас использовал все три попытки в жиме и на демонстрационном щите против моей фамилии и фамилии Брэдфорда появилась одна и та же цифра — 180, я почему-то успокоился. Таковы уж превратности спортивной борьбы: воочию убедившись в силе Брэдфорда, разгадав тактику американцев, я понял, как надо действовать. Американцы согласны на все, лишь бы не отпустить меня вперед. Что ж, для победы это вполне оправданная и единственно правильная тактика. Но сможет ли Брэдфорд претворить ее в жизнь так же удачно в рывке?

И вот желанная трибуна почета. В центре новый олимпийский чемпион Юрий Власов, слева — Джим Брэдфорд, справа Норберт Шеманский.

Фото Дм. Бальтерманца.

«ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНЬЕ...»

И опять томительные часы ожидания, с раздумьями, сомнениями. Затем снова разминочный зал. Опять эти взгляды исподлобья.

Брэдфорд в рывке поднял 150 килограммов, и мне удалось оторваться от него на 5 килограммов. Однако я понимаю, что это не может обеспечить мне победы. Слишком хорошо подготовлен Брэдфорд. Теперь мне было ясно, что американцы нас провели. За много месяцев до Рима они заявляли, что «Власов бесспорно будет первым, а Брэдфорд и Шеманский только разыграют вторые и третьи места». Они упорно твердили об этом при каждой встрече с нами в Варшаве, в Милане и, наконец, здесь, в Риме. Они заранее поднимали вверх лапки во всех газетных и журнальных статьях. Им очень хотелось успокоить нас, заставить поверить, что Брэдфорд и Шеманский — бойцы гораздо более опытные, чем я,— и не мечтают о победе. Они надеялись на то, что мы, убаюканные их прогнозом, не будем принимать в расчет американских спортсменов. Они рассчитывали на то, что я, ошеломленный силой Брэдфорда в жиме, цепкостью, проявленной им в рывке, сорвусь в толчке так же, как в Милане. Они рассуждали так: два раза после Варшавы Власов выступал на больших международных соревнованиях, и оба раза очень неудачно, его подводили нервы. А что, если сейчас здесь, в Риме, ошеломить его неожиданно сильной спортивной формой Брэдфорда и Шеманского, заставить выдержать борьбу за каждый килограмм? Не сорвется ли он тогда и в третий раз?

Вот почему я дожидался толчка с особенной тревогой и, лежа в кресле, почти физически ощущая, как на меня давят те злополучные 185 килограммов, которые я с таким невероятным трудом поднял в Милане. Теперь с этого веса я решил начинать толчок здесь, в Риме.

Пора готовиться к выходу. Рядом, то и дело вытирая полотенцем влажное от пота лицо, устало откинувшись на спинку стула, полулежит Брэдфорд. Таким я его никогда еще не видел. Как не похож он сейчас, сильнейший тяжеловес США, на того веселого, беззаботного парня, которому и море по колено! Да, Джим, навязанная тобой борьба за каждый килограмм не такое уж легкое дело! И мне сейчас не легче. А главное еще впереди. Это будет борьба не только с тяжестью, но и с невыносимой усталостью. Она подкрадывается исподволь и сейчас, когда часы показывают уже третий час ночи, разыгрывается вовсю. Апатия постепенно сковывает меня, но надо держаться. Осталось совсем немного...

Пока на помосте со штангой орудует Брэдфорд, умелые руки

моего массажиста быстро втирают в кожу разогревающую пасту. И вот уже жаром пылают плечи, ноги, спина. Я уже знаю, что в последней попытке Джим поднял 182,5 килограмма. Грохот овации доносится до моих ушей.

Теперь, когда все участники закончили соревнования, все внимание приковано ко мне. Бешено колотится сердце. Не хватает больше сил стоять и ждать. Только движение может меня немного успокоить. И одна навязчивая мысль по-прежнему сверлит сознание: лишь бы не повторился Милан. Наконец я слышу по радио мою фамилию. И вот уже первая попытка позади. В судейские протоколы записано 185 килограммов. Это уже победа и над Брэдфордом и над Андерсоном, но у меня есть еще два подхода. Значит, можно попытаться победить не только Джима Брэдфорда, но еще и Ашмана, которому принадлежит мировой рекорд в толчке.

Вторая попытка мне также удалась. Я использовал ее, чтобы поднять 195 килограммов. Это новая победа над Андерсоном. Мировой рекорд в сумме трех движений теперь равен 530 килограммам. И тут же я делаю заявку на 202,5 килограмма...

Когда зал узнал о моем решении, он словно взорвался грохотом аплодисментов. Медленно поднимаюсь на помост, к штанге. Полная тишина встречает меня, трещат только кинокамеры и беспорядочно щелкают затворы фотоаппаратов. И тут же все уносится куда-то далеко. Теперь весь мир сузился до размеров неподвижно лежащей на помосте штанги. Ну... Снаряд, на мгновение повиснув в воздухе, ложится на мою грудь. Еще усилие... Встаю. Проходит несколько секунд. Пора! Штанга отрывается от груди и устремляется вверх. Все это происходит в какие-то доли секунды. Автоматически, без контроля сознания, руки мгновенно подхватывают ее, удерживают... И вдруг, откуда-то издалека нарастает все громче, обрушивается на меня многоголосое: «А-а-у-у!!»

Из-за шума не слышу команды судьи-фиксатора американца Терпака. Но я вижу его отчаянную отмашку: штангу можно опустить. И в тот момент, когда она валится на настил, прогибая доски, надо мной разом вспыхивают три белых лампочки. Попытка засчитана единогласно! Зал ревет от восторга. И для меня сейчас нет более прекрасной музыки, чем этот рев. Множество рук тянутся ко мне, тискают, подталкивают. Незнакомые мне люди целуют, обнимают меня. Люди из разных стран радуются моей победе, моему счастью, а я неустанно повторяю про себя слова гетевского героя: «Остановись, мгновенье,— ты прекрасно!..»

Уже два месяца минуло с того дня, которым я завершаю свои записки. Давно остался позади олимпийский Рим, Палацетто дело спорт, помост, на котором я вел борьбу с Брэдфордом и Шеманским. Я снова дома. Снова вернулся я к любимым занятиям, работе, чтению философских книг, писанию рассказов, тренировкам, но и по сей день звучат у меня в ушах все те же четыре ликующих слова: «Остановись, мгновенье,— ты прекрасно!»

Речи, афоризмы, юморески

В Советском Союзе не только широко известны все основные произведения Марка Твена, изданные на русском языке и на языках народов СССР, но и многие его фельетоны и статьи из американских газет, речи и отдельные высказывания, собираемые по крупицам нашими твенистами. Сегодня «Огонек» отмечает 125-летие со дня рождения великого юмориста публикацией ранее не печатавшихся на русском языке его речей, афоризмов, юinduсок.

Рисунки Ю. Черепанова.

ПОЭТЫ ВМЕСТО ПОЛИСМЕНОВ

Давайте упраздним полисменов с дубинками и револьверами и заменим их поэтами, вооруженными до зубов стихами о Весне и о Любви. Я буду весьма рад занять пост комиссара не потому, что считаю себя таким уж пригодным для этого, а потому, что я очень устал от работы и хочу перейти на отдых.

Первым делом я занялся бы просвещением и очищением душ, а заодно и вопросом переселения жителей из района, где гнездится порок. Я назначил бы туда самых сентиментальных поэтов, вооруженных с головы до пят своими стихами... Я заставил бы их согнать в одно место всех, кто погряз в пороке, забаррикадировать улицы, чтобы никто не мог сбежать, и начать декламацию своих стихотворений перед этими несчастными. Это блестяще помогло бы осуществить мой план: погрязшие в пороке сами эвакуировались бы из этого района.

Из речи.

Март, 1900.

КОГДА СОМНЕВАЕШЬСЯ, ГОВОРИ ПРАВДУ

Господин председатель, мистер Путцел и господа члены общества! Я автор афоризма «когда сомневаешься, говори правду», но я отнюдь не предполагал, что его применят ко мне. Я говорю: «когда сомневаешься». Но когда я сам в чем-нибудь сомневаюсь, я проявляю больше благоразумия...

При таких обстоятельствах, как сегодняшнее, приличие обязывает говорить юбиляру комплименты, посему я и выступаю только с комплиментами, а не с критикой...

Очень тонкие нити связывают меня с мистером Путцелом (управление по сбору налогов, начальником которого он состоит), и мне не подобает говорить ничего такого, что могло бы каким-нибудь образом испортить наши отношения.

Ох, налоги, налоги! Весь вечер только и слышу здесь это слово! Хоть бы кто-нибудь переменил наконец тему: я к ней отношусь весьма болезненно.

Недавно я посетил управление по сбору налогов, в первый раз со времени моего переезда в Нью-Йорк, и увидел там нашего юбиляра мистера Путцела на месте, «где совершаются клятвопреступления». Я узнал его моментально. Он мне сразу понравился. Я шел туда, не зная, что найду там старого знакомого, а как увидел, сразу же вспомнил его. Мы с ним встретились двадцать пять лет тому назад, и мне тогда уже открылся весь масштаб его дарования, если не сказать больше...

Он, подумал я, тот самый человек! Тогда, двадцать пять лет тому назад, я выскочил из его рук, ничего не уплатив, наоборот, даже прихватил кое-что... А вдруг это можно будет повторить и здесь?

Двадцать пять лет тому назад в книжном магазине мне попался в руки огромный пухлый фолиант, заинтересовавший меня... Я полистал его и спросил у молодого продавца, какая ему цена. Он ответил: четыре доллара.

— Так. А какую скидку вы даете книгоиздателям? — спросил я.

— Сорок процентов.

— Отлично. Я издатель.

Он вычел сорок процентов у себя на карточке.

— А писателям какую вы даете скидку? — спросил я.

— Сорок процентов.

— Очень хорошо, — сказал я. — Тогда запишите, я писатель. Ну, а духовенству?

— Сорок процентов.

Я сказал ему, что нахожусь в городе проездом и что я учусь на священника. Не сбросит ли он двадцать процентов на это? Он сделал пометку у себя на карточке, причем за все время ни разу не улыбнулся.

Я упражнялся на нем в остроумии, но весь мой блеск не вызвал никакой ответной реакции — ни искорки в глазах, ни намека на признание. Я был уже близок к отчаянию.

Все-таки я рискнул в последний раз.

— А кроме всего прочего, я принадлежу к роду людскому, — сказал я. — По этому поводу не уступите ли еще десять процентов?

Он опять что-то записал у себя, не меняя каменного выражения лица.

Тут уж я решил сдаться и сказал:

— Вот вам моя визитная карточка, на ней мой адрес. У меня нет с собой денег. Не будете

Лесли ЛИБЕР

Конструктор акуло-лодки «Бетти» Поль Шотто.

ЧЕЛОВЕК, ОСЕДЛАВШИЙ АКУЛУ

Я впервые встретился с героем моего рассказа в Ки-Уэсте, во Флориде, где отдыхал с семьей. Однажды, когда мы сидели у моря, я увидел его. Он медленно брел вдоль берега — человек с обветренным лицом, лет шестидесяти. Вместо одежды на нем была какая-то рвань; на ногах — истрепанные ботинки. Его лицо, бурое и морщинистое, выражало, я бы сказал, мужественный фанатизм, который характерен для бывалых моряков. Под мышкой он нес книгу. Человек остановился, и мы разговорились. Говорил он по-английски, с сильным иностранным акцентом.

— Эту книгу я написал сам,— сказал он.— В ней рассказывается о старике, который всю жизнь мечтал выйти в открытое море в лодке и чтобы лодку тащила акула. Это не вымысел. У меня есть такая лодка. Ее приводит в движение акула. Она впряжена в лодку, как лошадь. Прежде чем я умру, я проплыву на моей акуло-лодке сто миль от Ки-Уэста до островов Бимини...

Это прозвучало так фантастически, что все мы, даже дети, навострили уши. Он продолжал с грустью:

— Несчастье в том, что, когда я рассказываю о моей лодке, мне никто не верит. Думают, что я рехнулся...

Он повернулся, чтобы уйти.

— Стойте! Я верю вам,— сказал я.

— Правда? — воскликнул он.— Может быть, вы и есть тот человек, которого я ищу...

Мы быстро сговорились, когда отправимся к «акульей бухте», где стояла его лодка. В тот же вечер я узнал некоторые подробности биографии моего нового знакомого. Его звали Поль Шотто. Он родился во Франции в 1898 году. Окончил знаменитую Парижскую консерваторию. Во время первой мировой войны служил в военно-воздушных частях и был награжден за героизм орденом Креста. В 1929

ли вы любезны переслать мне счет в Хартфорд? — И, взяв книгу, я направился к выходу.

— Минуточку! — остановил он меня. — Вам причитается с нас сорок центов.

И вдруг я вижу, что этот самый человек — налоговый инспектор! И я подумал: авось, удастся и на этот раз словчить. Но я так и не сумел... Хотя потом оказалось, что я могу не платить вообще ничего.

Я поднял руку и сделал клятвенное заявление о своих доходах. При этом я испытал неловкое чувство. Ведь я к такому не привык. В высшем обществе Миссури, где я родился и вырос, подобные дела не приняты, во всяком случае, в мое время не были. В конце концов мы этот вопрос уладили, и что-то они с меня получили.

Но тут меня тронул мистер Путцел. Да, тронул, потому что он заплакал. Он заплакал, поняв, что я, еще год тому назад бывший добродетельным человеком, приобщился теперь к нью-йоркской жизни, за год познакомился с нью-йоркскими нравами, и вот теперь у меня оказалось не больше совести, чем у миллионера...

Из речи.

Март, 1906.

Когда господь сотворил мир, он признался, что он им доволен. Так же был доволен и я своим первым творением. Но время, время опрокидывает столь поспешные и непроверенные выводы. Надо полагать, что он теперь оценивает свою работу примерно так же, как я своих «Простаков за границей». Ведь это факт, что и там и тут слишком много воды.

Неопубликованная запись. Ноябрь, 1886.

Уильям Пенн заслужил благодарную память индейцев лишь за то, что обошелся с ними по-честному; ну, скажем, почти что по-честному; если не совсем, во всяком случае, для тогдашних индейцев это было новостью. Пенн купил у них весь штат Пенсильвания и расплатился, как водится у порядочных людей: дал им стеклянных бус на 40 долларов и пару старых одеял. За это он получил целиком весь штат. А нынче вы и за двойную плату даже законодательное собрание штата не купите!

В связи с выборами президента мне вспомнился такой случай. Один человек умирал и минуты за две до своей кончины подозвал к себе священника и спросил: «Куда все-таки лучше пойти?» Для него этот вопрос еще оставался нерешенным. «Оба места имеют свои положительные стороны,— ответил святой отец,— в раю климат, зато в аду общество».

АФОРИЗМЫ И ШУТКИ

Юмор — это добродушная сторона правды.

Остроумие само по себе дешевая штука. Оно получает движущую силу, лишь когда в основе его мудрость.

При самых плачевных обстоятельствах нельзя оправдать появление этого ужасного признака умственного убожества — каламбура.

Жалок тот юмор, который лишен философской подоплеки. Подлинный юмор до краев полон мудрости.

В двух случаях человек не должен заниматься биржевой спекуляцией: когда у него нет денег и когда у него есть деньги.

Что нужнее всего на свете? Невежество и самоуверенность. И жизненный успех вам обеспечен.

Будь у нас поменьше государственных мужей, понадобилось бы меньше и военных кораблей.

Американское общественное мнение — ткань весьма тонкая. Чуть тронь — и оно расползется, как утренний туман.

Мы часто вспоминаем с сожалением один случай, когда Наполеон стрелял в редактора журнала, но промахнулся и убил издателя. Все же мы ценим его благие намерения.

Я надкусил персик, и сок из него хлынул через дорогу и потопил собаку.

Чем старше мы становимся, тем больше диву даемся, сколько в каждом из нас невежества и почему не трескается одежда.

Обратите внимание на мудрую поговорку: «Истина говорит устами младенцев и глупцов». Вывод? Что взрослые люди и умные никогда не говорят правды...

Если бы господь посоветовался со мной, создавая человека, я бы убедил его начинать нас с другого конца: делать сперва стариками. Ведь куда легче было бы родиться старым и пережить всю горечь и бессилие старческого возраста в начале жизни!

С ПОДЛИННЫМ ВЕРНО

Однажды Марк Твен гостил у друзей. По обыкновению он очень много курил и насыпал пепел от сигар повсюду: на подоконниках, на рояле, возле камина. Хозяева с благоговением собрали все это в баночку и попросили Твена надписать на ней ярлык. Писатель оставил такой автограф:

«Удостоверяю, что это мой пепел. С. Л. Клеменс».

Публикация
В. ЛИМАНОВСКОЙ.

Бесы в монастыре

Фельетон

А. ГОЛУБ

Рисунок М. Ушаца.

Вход в Успенский собор, колокольня которого вздымается высоко над селом Жировицы в Гродненской области, украшает кружка для пожертвований. Величиной она с двухведерную макитру, выгнута из цельного железа и прикована к стене стальной цепью.

Пройдет мимо верующий, взглянет и извлекает из кармана трешницу. Кружка внушает трепетное уважение к постояльцам жировицкой обители.

Святые отцы и братья в помыслах своих далеки от мира сего. Денно и нощно они вымаливают себе царствие небесное. Впрочем, они пекутся не только о собственных душах, а готовы похлопотать о вечном блаженстве каждого, кто пожертвует на храм божий. Для этого в притворе собора и выставлена монументальная посудина.

Но почему святые отцы «посадили» ее на цепь? Не опасаются ли они, что невзначай прихватит выручку какая-нибудь старушка? Нет, кружка тяжела. Если собрать богомолок со всей округи, им не под силу ее и с места сдвинуть. Но все же прикована она не зря.

В одну ниспосланную богом ночь по монастырю крался призрак. Он достал из рукава рясы большую ложку и банку с медом. Обратный конец ложки призрак обмакнул в мед, а затем опустил в кружку. Поболтал ложкой и извлек оттуда трешницу. Потом перекрестился, снова сунул ложку в кружку и вынул пятерку... Потом еще, еще...

За утренней трапезой все монахи с аппетитом уплетали кашу, а эконом монастыря иеромонах Игнатий, насупившись, смотрел под стол. Вдруг иеромонах вскочил с места и стукнул по столу кулаком с такой силой, что посуда зазвенела, как колокола.

— Братья! — гаркнул Игнатий во все горло.— Кто этой ночью опять осквернил храм божий?

Братья от неожиданности поперхнулись. Некоторое время за столом стояло тягостное молчание, а затем монахи опять задвигали челюстями. Видя, что с братией ему не столковаться, Игнатий взял миску и демонстративно удалился в свою келью.

Вскоре после этого в монастыре произошло другое событие. У киевского епископа Феодосия, пребывавшего в жировицкой обители на покое, пропали старинные золотые часы с цепочкой.

— Братья во Христе! — обратился епископ к монахам. — Кто из вас преступил восьмую заповедь и унес мои часы из чистого золо-

году Шотто приехал в Америку и устроился скрипачом в оркестр Уолтера Дэмроша.

Шотто увлекался водным спортом. В 1936 году он совершил рекордный по тому времени заплыв в океане, проплыв от острова Каталина до Санта-Моники в Калифорнии. В 1940 году он установил новый рекорд — 114 миль — от Бимини до пункта, находящегося в 9 милях от Палм-Бич во Флориде. Пока этот рекорд еще никто не улучшил...

Сейчас Шотто живет один в лачуге, сколоченной из досок, на самом берегу океана. Он почти нищий.

Когда мы добрались до его жилища, он суетился около своего необычного судна. Думаю, что в истории морского флота еще не было ничего подобного.

Это чудо кораблестроения называется «Бетти» — по имени покойной жены Шотто. Оно представляет собой раму на двух поплавках, к которым подвешена упряжь для акулы. На каждом поплавке установлен руль. Шотто, плывя за лодкой, управляет ею с помощью веревки, прикрепленной к рулям.

— Акулы — замечательные моторы,— серьезно сказал Шотто.— Конечно, иногда они пытаются уйти вглубь. Но мою лодку не утопишь. Я советовался с Альбертом Эйнштейном в Принстоне. Он познакомил меня с законом физики, используя который мое судно может сопротивляться рывку вниз силой в 18 тысяч фунтов.

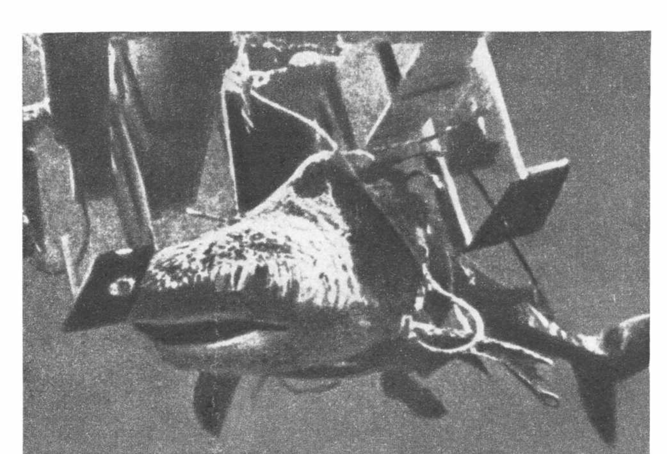
В тот же вечер Шотто с фотографом Шульке по прозвищу «Флип» — «Щелчок», — человеком не робкого десятка, погрузили лодку на плот с мотором и ушли в океан ловить акулу. На небольшом плоту была установлена мощная лебедка. Шотто насадил на трос большой крюк с наживкой, бросил его за борт и стал ждать.

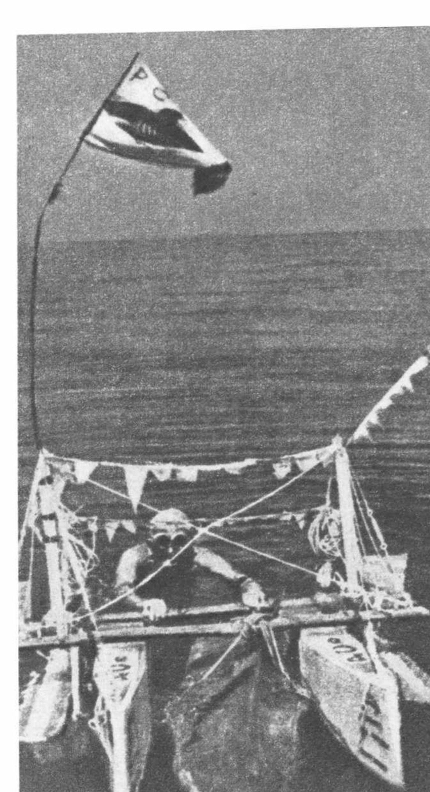
В 2 часа ночи трос «заходил». Крюк схватила тигровая акула. Лебедка скрипела и визжала, пока акулу тащили из толщи воды. Наконец хищница показалась на поверхности. Она отчаянно билась. Шотто прыгнул в воду. С ловкостью старого наездника он стал набрасывать на акулу упряжь. Рассвирепевшее чудовище готово было вырваться из плена. Шульке, который в это время делал подводные снимки, мог оказаться в критическом положении. Но 62-летнему Шотто все же удалось набросить упряжь и затянуть акулу под лодку. Акулу наконец впрягли, и «фаэтон» был готов тронуться в путь.

Шотто сказал мне потом:

— Как только я поймаю пару пятнадцатифутовых акул и скоплю немного денег, чтобы заплатить помощникам, я поплыву на моей «Бетти» до Бимини. Но мне не везет,— прибавил он,— похоже на то, что моя мечта сбудется в тот день, когда первый человек достигнет Луны!..

Перевод с английского С. Сергеевой.

та пятьдесят шестой пробы? Пусть грешник сейчас же возвратит их, иначе не миновать ему геенны огненной!

Отец Феодосий тут же для острастки поведал братии притчу о ворах, святом Спиридоне и о суровом возмездии, которое постигло нарушителей заповеди господней.

И началось в монастыре великое брожение умов.

— Ну, в кружку залезть — это еще куда ни шло. Но кто посмел забраться в келью к епископу? — рассуждал один монах. — И откуда было знать, что часы спрятаны под полом?

— Под полом? — изумился другой монах. — Тогда и гадать нечего. Не иначе, все это бесовские проделки!

А бесы и в самом деле не дремали. Они обнаружили шесть тысяч рублей в матраце монаха Чайчицы. И если для них не составляло большого труда извлечь из-под пола золотые часы епископа, то выкрасть деньги из матраца, на котором почивал монах, было раз плюнуть.

Это была последняя капля, переполнившая чашу монашеского терпения. Братия перешла на осадное положение. Иноки перестали ходить в трапезную. Грызя сухари, они сидели на койках и подозрительно посматривали друг на друга. Спали, не раздеваясь, а сапоги на всякий случай клали под голову. Монахи боялись расстаться со своим скарбом даже во время богослужений. Когда колокол звонил к обедне, каждый старался покинуть келью последним.

Только один монах Сергий плотно кушал и сладко спал. Брат Сергий был себе на уме. Свой капитал он хранил не под полом и не в матраце. Две сберегательные книжки на предъявителя и толстую пачку сторублевых ассигнаций Сергий завернул в пестро расшитый рушник и, когда вместе с братией ходил в лес по грибы, закопал его под кустиком.

Но в конце концов и Сергия постиг удар. Под кустиком, где был зарыт клад, однажды он обнаружил лишь пустую ямку, а на дне ее — полотенце с узорами.

Подвывая от отчаяния, инок примчался в обитель и возопил на весь монастырский двор:

— Уголовники! Вот пойду сейчас в милицию, все расскажу!

— Ступай-ка лучше проспись! — хихикали монахи.

Напрасно архимандрит Антоний увещевал Сергия не выносить сора из избы, не предаваться отчаянию, а безропотно снести все испытания, ниспосланные свыше ради райской жизни в грядущем.

— Ты мне деньги верни, — вопил Сергий, — а райскую жизнь я и сам себе обеспечу!

Вскоре в обитель явился жировицкий уполномоченный милиции. Окинув наметанным взглядом монастырские постройки, он влез на чердак сарая и увидел под стропилом пачку денег.

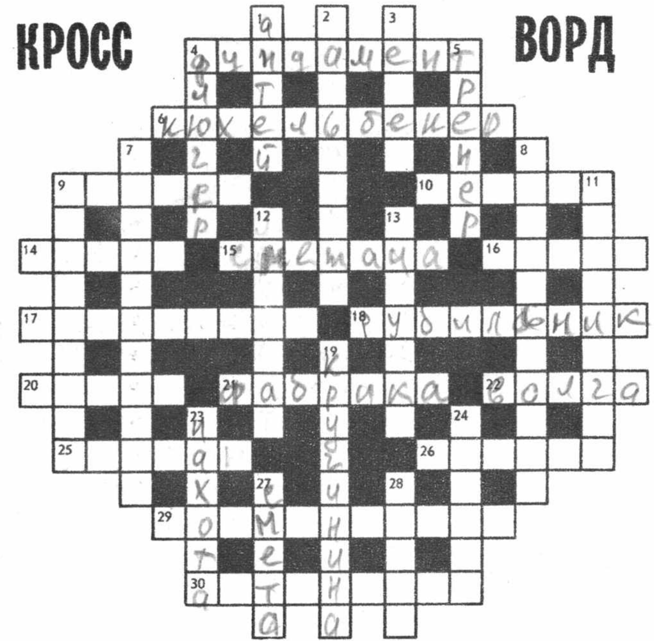
А темной ночью в сарае появился призрак. Узрев уполномоченного милиции в полной форме, призрак взвизгнул и метнулся к выходу. Но было поздно.

— Вот бес, который вас путал! — представил милиционер пойманного обитателям монастыря. Перед братией, скорбно склонив голову, стоял послушник Иванов.

В душеспасительной беседе с уполномоченным милиции Иванов сознался, что монаха Чайчицу он обобрал в паре с послушником Кононовым. Тысячу рублей они успели пропить, а остальные деньги спрятали в надежном месте — в сарае и монастырской уборной.

...Внушительная кружка выставлена у Успенского собора. Пройдет мимо верующий, взглянет на кружку и лезет в карман. Один подаст рубль, второй — трешку, третий — пятерочку... И невдомек прихожанам задуматься: почему святые отцы приковали кубышку стальной цепью и посадили на амбарный замок? И что за братия живет в монастыре?

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Опора сооружения. 6. Поэт-декабрист, друг А. С. Пушкина. 9. Вождь восстания против римских завоевателей в Понте и Колхиде. 10. Река в Азии. 14. Роман Э. Ожешко. 15. Молочный продукт. 16. Коралловый архипелаг в Индийском океане. 17. Цифра, обозначающая порядковый номер печатного листа в книге. 18. Электрический выключатель. 20. Возвышенная равнина. 21. Промышленное предприятие. 22. Марка советской автомашины. 25. Древнерусское название лука со стрелами. 26. Форма индонезийской народной поэзии. 29. Объяснение, толкование текста. 30. Минерал, «лучистый камень».

По вертикали:

1. Герой древнегреческой мифологии. 2. Лесной кулик. 3. Зодиакальное созвездие. 4. Прибор для определения направления ветра. 5. Специалист, готовящий спортсменов к соревнованиям. 7. Маленькое государство в Европе. 8. Высота звуков. 9. Луковичное растение. 11. Провинция в Нидерландах. 12. Победитель в конкурсе. 13. Поэма Н. А. Некрасова. 19. Героиня пьесы А. Н. Островского «Без вины виноватые». 23. Обработка почвы. 24. Работник связи. 27. Начисление расходов и доходов. 28. Сорт винограда.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали:

4. Амбарцумян. 8. Вакуум. 9. Тигель. 10. Оперетта. 11. Гарпун. 12. Раздан. 14. Компас. 17. Проток. 19. Король. 21. Вентилятор. 22. Ереван. 23. Опенок. 26. Тирада. 29. Ямайка. 31. «Ураган». 33. Гаспарян. 34. Абовян. 35. Дуняша. 36. Тренировка.

По вертикали:

1. «Зангезур». 2. Буратино. 3. Анкер. 5. Мамонт. 6. Янтарь. 7. Стенд. 11. Геометрия. 13. Налбандян. 15. Попов. 16. Севан. 17. Панно. 18. Каток. 19. Карст. 20. Рупор. 24. Пристань. 25. Оператор. 27. Вагнер. 28. Фундук. 30. Апорт. 32. «Гаянэ».

На первой странице обложки: Азиза Машарипова — председатель колхоза имени Калинина, Хорезмской области Узбекистана.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Богатый урожай хлопка собран в колхозе имени Карла Маркса, Андижанской области. Школьница, дочь колхозника Махрам Урумбаева, тоже помогала на сборе хлопка. Внизу: по дорогам Андижанской области непрерывным потоком идут машины с хлопком.

Фото Я. Рюмкина.

ЗАГАДКА КАМЕННОЙ ГОЛОВЫ

В Старом Петергофе, на территории бывшей усадьбы Сергиевки, находится необычный памятник садово-паркового искусства — каменная голова, высеченная из огромного валуна. Неожиданно возникая за поворотом дорожки, сбегающей в овраг, она производит незабываемое впечатление.

Рассказывают, что голова была некогда увенчана остроконечным шлемом, какие носили былинные богатыри. Эту удивительную парковую скульптуру местные жители связывают с образом сказочной головы из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Каменная голова расположена в трех километрах от знаменитого Петергофского сада. Не с ней ли сражался Руслан?

Кстати, огромный вековой дуб стоял неподалеку от головы до совсем недавнего времени. И все же история создания каменной головы остается загадкой. Когда она появилась? Кто так искусно высек ее из гранитной глыбы?

Поиски ответов на эти вопросы в архивах не дали до сих пор результата.

М. ФРИДМАН,
Н. ФЕДОРОВА.

Фото З. Гуриненко.

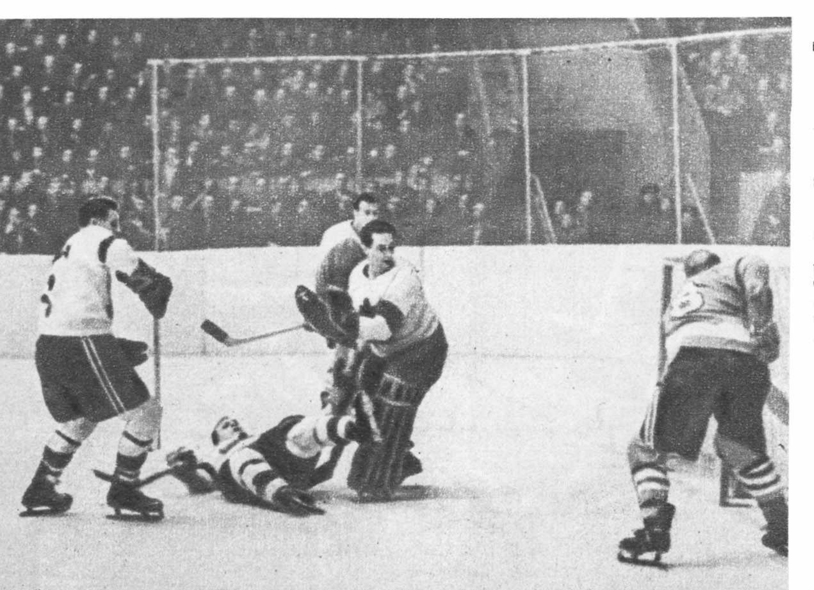
В честь Марка Твена

Первая советская почтовая миниатюра с портретом Марка Твена выпущена к 125-летию со дня рождения великого юмориста и сатирика. Слева вы видите деревянный домик, в котором в 1835 году родился Марк Твен. Справа — памятник популярным героям Тому Сойеру и Гекльберри Финну, воздвигнутый в штате Миссури. Марка выполнена по рисунку художника С. Г. Лузанова.

М. МИЛЬКИН

«Чатам Мэрунс» в Москве

С огромным интересом встретили любители хоккея матчи сборных клубов страны и лучших наших команд с сильнейшим клубом Канады «Чатам Мэрунс», обладателем кубка Аллана. Это была хорошая проверка боевых сил перед чемпионатом мира.

На снимке: встречаются наша сборная команда и «Чатам Мэрунс». Эта игра, как известно, закончилась со счетом 11 : 2 в пользу советских спортсменов. Острый момент у ворот канадцев.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), В. Б. КАССИС, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Оформление И. Михайлина.

Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06483. Подписано к печати 30/XI 1960 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 720 000. Изд. № 2030. Заказ 3215.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

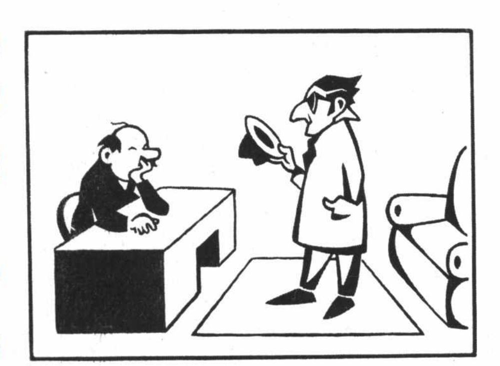
Шутливые зарисовки

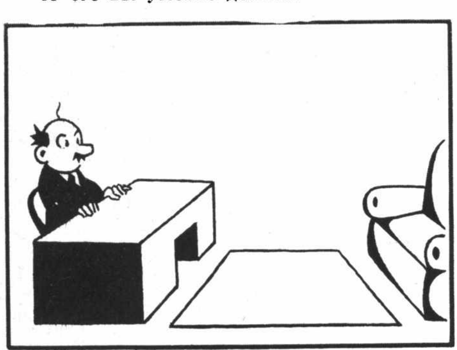
Его взгляды на жизнь.
Рисунок Вл. Гальбы.

Из охотничьих новелл...
Рисунок Вл. Гальбы.

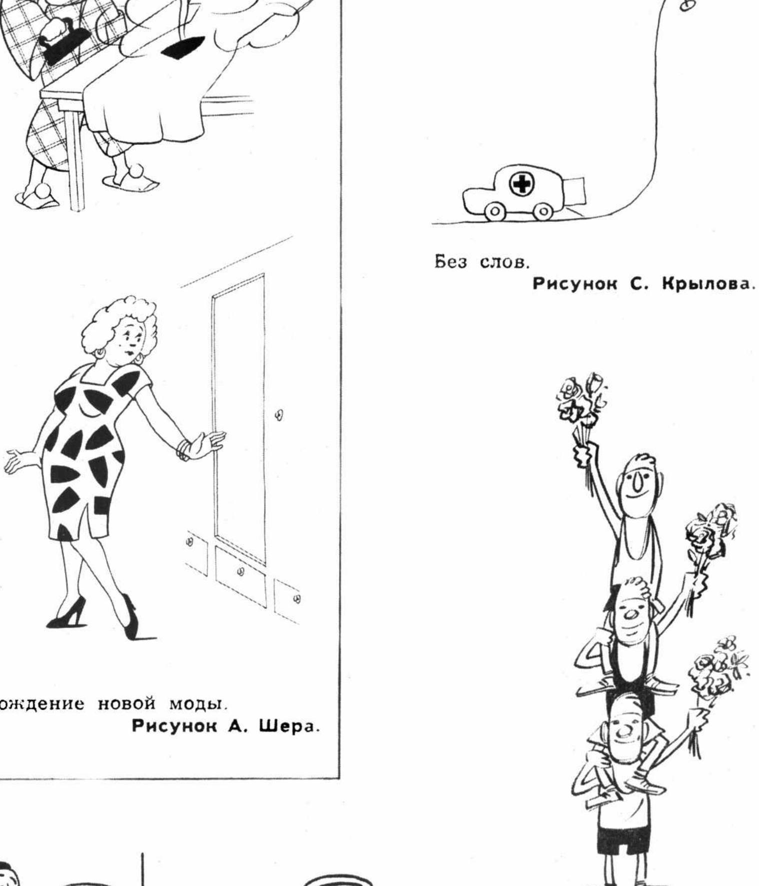
Директор цирка:
— А что вы умеете делать?

. . . .?!
Рисунок М. Захарова.

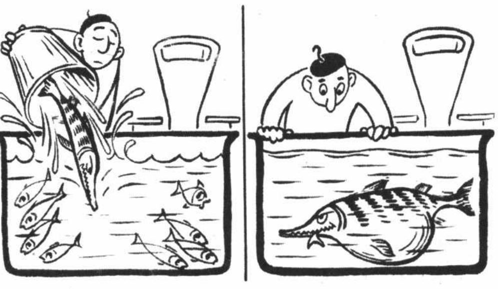

Рождение новой моды.
Рисунок А. Шера.

Без слов.
Рисунок С. Крылова.

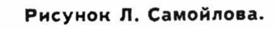
Поделили первое место...
Рисунок Р. Овивяна.

Свежая рыба.
Рисунок С. Павлова.

— Спасайся, кто может! Баснописец идет!

Рисунок Л. Самойлова.

Цена номера 3 руб.